

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

6/2014

ДОРОЖНИЕ ДРУЗЬЯ

В начале года были проведены мероприятия по случаю года 2014 года. Были организованы поездки на выставку «Полюс детства: индексы детства» в ЦДБС, на презентацию в библиотеку «Пресса России» (ОГБУ «ПортРоманов» ЦДБС «Романов» 0029).

Вследующие мероприятия были посвящены профессионному празднику детей Ю. Е. Ефремова «Взрослым детям».

Предлагаем вам приобщиться к чтению в рамках проекта «Библиотечка школьника С. Черный, Ж. де Лафонтен, А. Гайдара».

«Сказки, потешки» (для самых маленьких);

А. Гайдар «Чук и Гек» (сюда вошли также рассказы «Торжественный камень»);

Д. Мамин-Сибиряк «Серая шейка» (также вошли рассказы «Емеля-охотник», «Сказка про Комара Комаровича», «Сказка про Воробья Воробеича»);

Д. Мамин-Сибиряк «Аленушкины сказки».

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

6/2014

Михаил
ФЕДОРОВ

3
КАНАЛЬСКИЕ ОСТРОВА
повесть

Павел
АМНУЭЛЬ

37
**ЧИСТО НАУЧНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**
повесть

Олег
МУХИН

71
БОГ В МАШИНЕ
повесть

(425) 2014

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художник	Андрей СИМАНЧУК
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции	(495) 685-47-06
E-mail	real@iskatel.net office@iskatel.net info@iskatel.net art@iskatel.net
Сайт	www.iskatel.net
Телефоны для размещения	(495) 685-47-06
рекламы	(495) 685-59-01
Служба распространения	(495) 640-21-79
E-mail	mir-isk@mail.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
Издатель ООО «Либри пэр бамбини»
© ООО «Либри пэр бамбини»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-53928
от 26 апреля 2013 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

*по Объединенному каталогу
«Пресса России» (карточная система)
70424 — на полгода
по каталогу «Почта России» (карточная си-
стема) 10922 — на полгода*

*по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029*

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Михаил ФЕДОРОВ
**КАНАЛЬСКИЕ
ОСТРОВА**

1

Мишачок стоял перед высоченной, обитой черным поблескивающим дерматином дверью. За ней была святая святых — кабинет самого начальника курса школы безопасности Максякина. С мерзким холодком внутри Мишачок ждал вызова. Руки мелко дрожали, по лбу катились капельки противного пота. Он нервно покусывал губу. Предчувствие неприятного разговора так и дергало его: ни с того ни с сего курсантов с занятий не срываю! А главное, в нем самом жило с некоторых пор самосознание человека нашкодившего и со дня на день ожидающего расплаты, хотя в то же время малость уверенного, что возможная гроза благополучно минует его. Нет, не подумайте ради бога, что он был каким-нибудь внедренным в отечественные структуры западным агентом. Упаси Господи! Его грехи касались, так сказать, сугубо личной, интимной, или, попросту говоря, амурной жизни, что по общечеловеческим меркам могло быть даже сочтено достаточно невинным, но по меркам этого строгого ведомства, еще не забывшего суконный шорох шинели Железного Феликса, подобная свобода нравов выглядела совершенно неприемлемой.

Суть прегрешения Мишачка была такова. Прошлым летом, отдыхая в Алуште в комсомольском Доме отдыха по путевке, полученной с помощью отца через личные связи, познакомился он с одной симпатичной киевлянкой Тамарой, комсомольским работником, так сказать, городского уровня, с которой, само собой, и произошли интимные отношения, чему он, собственно говоря, не придавал поначалу особого значения. С мужиками так бывает иногда. Даже последовавшая за разлукой романтическая переписка, переполненная клятвами в вечной любви, ничуть не отяготила его. И только внезапное известие о том, что она в положении, заставило его не на шутку встревожиться. Подобная женитьба никак не входила в его планы, поскольку у него, иногороднего, уже имелся вариант с долговязой москвичкой — хозяйкой четырехкомнатного кунцевского терема, и ее, между прочим, тоже звали Тамара. Так и выходило по жизненному ранжиру: Тамара-Один, Тамара-Два. Подружек с подобным именем в его жизни было несколько, и у него в сознании сложилась цепочка легкой взаимозаменяемости Тamar, которые со временем становились как бы на одно лицо. Поэтому он, сделав решительный разворот, дал понять пылкой хохлушечке, что между ними

все кончено, и весьма деликатно предложил ей обратиться к прачу. Ему показалось, что она отнеслась к его совету с пониманием. И вдруг этот неожиданный вызов к начальнику курса. «Неужели она, киевлянка? — екнуло в груди Мишачка. — Не может быть. Заведение наше так просто не найдешь. Оно нигде не значится. Конспирация что надо. Но что же тогда?» А других прегрешений у него вроде и не было.

— Подцыбин! Заходите! — гроыхнуло из-за двери.

Он торопливо смахнул рукой бисеринки пота со лба и шагнул в кабинет.

— Товарищ подполковник! Курсант Подцыбин по вашему приказанию прибыл! — обратился Мишачок к лысому пучеглазому коротышке с голубоватыми погонами, восседавшему в кресле за массивным столом под огромным портретом такой знакомой фигуры в полный рост, точно только что сошедшей прямо с постамента на бывшей Лубянской площади. На фоне этой высокаторжественной рамы коротышка Максякин выглядел еще более плюгавым, вдавленным в кожаное официальное кресло, и еще более, казалось, подходила ему кличка Макей, или, куда язвительнее, — Макака, неизвестно почему данная курсантами (Макей — все о'кей! Или: Макей — генеральский лакей!). На этот раз очевидно было, что далеко не все о'кей у встревоженной Макаки. Его глубоко спрятанные бесцветные глазки озабоченно бегали из стороны в сторону.

— Вы эту гражданку знаете?

В сторону Мишачка вытянулся едва ли не метровый, так уж показалось, палец начальника. Мишачок оторопел. Рядом никого не было. Он косо повернулся и будто провалился в самого себя от полной безнадёги. На диване восседала киевлянка. Ее темные, под воронье крыло, волосы были туго скручены в замысловатый пучок на затылке, что делало ее значительно привлекательнее. Вот стерва. Ее широко раскрытые желудевые глаза вопросительно смотрели на Михаила, словно ожидая от него уже известного ответа. Вязаная кофточка на животе чуть топорщилась.

«Все-таки не послушалась меня, — огорчился Подцыбин. — Это сколько ему уже?»

Его залило внутри противоречивое чувство одновременного холода и тепла: холода — от того, что «ну все, хана», тепла — от того, что «...дите все-таки. Значит, матерью будет. Вот и пусть воспитывает. Управится».

— Онемел, что ли? — хрякнул Макей. — Водички, может?

— Да нет, не надо...

— Значит, знакомы...

— Знакомы.

— Стало быть, и писульки твои? — Максякин тряхнул над погоном пачкой конвертов.

— Мои, — тускло процедил Подцыбин.

В голове тут же пронеслось: «Вот жучка! Показать письма этому пердуну!»

— Ну, я тут немножечко прочитал... по диагонали, — развел короткими руками коротышка. — Жалоба поступила пока в устной форме. Но от дамы всяко зависит: может и написать.

— Нет, нет, ничего писать не буду. Я на совесть еще надеюсь, — протараторила Тома.

Мишачок уловил торжественную нотку в ее голосе и успел заметить острые искорки в ее зрачках: «Надейся, надейся».

— Ответствуй, курсант! — Голова Макаки чуть дернулась. — Гулял с дамой? Ребенка прижил?

— Ну, вы же там прочитали, — пролепетал Михаил.

— Курсант Подцыбин! Не сможете уладить дело — диплома вам не видать. В солдаты пойдете, — сказал и тут же обратился к девушке: — Держите в курсе. Будет чудить — сообщите. Мозги быстро вправим. Все. Свободны.

— Пошли, — бросил Мишачок киевлянке, не глядя в ее сторону. — И как ты меня нашла, — произнес он, когда они оказались в широченном, похожем на плац коридоре.

— Да уж нашла.

— Видать, сама чекистка!

— А что оставалось делать?

— Мы ведь расстались по-хорошему. — Он ногтем колупнул известку на стене.

— По-хорошему? — Она огладила свой живот.

— Мы же договорились, — сказал он, пряча глаза.

— Поздно уже было, — произнесла она и резко добавила: — Да и не хотела я.

Когда вышли из темноты приземистой арки на улицу, Мишачок, глотнув теплого апрельского воздуха, выдохнул:

— Слушай, давай до завтра. Я сейчас не соображаю ничего.

— Ладно. Только не вздумай меня одними завтраками кормить.

— Где ты, говоришь, остановилась?

— В «Юности». Двести шестой номер.

— Хорошо. Жди звонка в десять.

— До одиннадцати не позвонишь, сама приеду.

Хмыкнула, и каблучки ее застучали к остановке.

Михаил шел по старой улочке. Было безлюдно, сыро. Глядя в зарешеченные окна здания школы, он чувствовал себя почти осужденным. Конечно, ему не грозила «вышка», как отцу, который в конце сороковых проходил по известному «ленинградскому делу». Батя тогда чудом уцелел — быть может, благодаря тому, что был слишком мелкой сошкой. Михаил знал об этом по его рассказам и, конечно, не мог сравнивать свои нынешние неприятности с прошлым отца. Но остаться без диплома, без офицерского звания, это ведь тоже житейская катастрофа. Он представил себе, как натянет солдатскую хлопчатку, будет в липком поту маршировать под стандартную команду «а-ть — два!», преодолевать полосу препятствий, рыть ночью окопы... Два года — это тебе не две недели на картошке! И все из-за амурной оплошности.

А может, забыть о своих планах и жениться-таки на ней? Ведь чуток нравилась когда-то. И, кстати, совсем не так давно. Всего лишь прошлым летом. Глазам Подцыбина представилась душная под черным звездным небом Алушта. Купол желтого цвета над танцевальной площадкой. Посреди отплясывающей разношерстной толпы *она*, плавная, горячая. Ее руки вспархивали над головами, извивались, словно брэнча невидимыми браслетами. Белое платье послушно обтекало ее стройное тело. Высокие каблочки ловко притоптывали на дощатом полу, изредка чокались друг о дружку, как рюмочки. Вокруг нее резвились ухажеры. Но ему, изловчившись, все-таки удалось прорвать их кольцо и пригласить ее на танец. Ее большие глаза в ответ качнулись, чуть опустились. Весь вечер он был только с ней, вызывая тем самым явную неприязнь у джинсовых соперников. А в том, что она предпочла именно Михаила всем остальным, решающую роль сыграло, видимо, его место учебы, о чем он поведал ей под большим секретом. Магия его серьезного ведомства, может, и привела ее к самой крайней близости. Позднее Мишачок и сам влезал к ней в окно. Был ли в этом некий романтический ореол, он не знает. Но настоящий чекист, видимо, должен был поступать только так. Подцыбину нравилось изображать перед другими такого бывалого агента... Как же быстро выдохся аромат той игры...

Следующая их встреча произошла на ноябрьские, когда она проездом с ударной стройки, куда отвезла стройотрядовцев, заехала к нему в Давыдково на квартиру, которую он снимал второй год. В этой пустой, сданной ему почти без мебели комнате — не было даже стульев и спать приходилось на полу, — он вел себя уже по-другому: ему нравилась роль беспечного

обитателя мансарды с выцветшей литографией на облупленной стене, на которой изображены были пышные пальмовые фонтаны. Бананово-лимонный Сингапур, и только. Тогда, в золотую ноябрьскую пору, может, и началась жизнь его ребенка. Впрочем, его ли?

«Ладно. Пес с ней. Женюсь. Что будет, то будет. Не в солдатах же служить. А года через два разведусь. Может, и раньше. Если не влечу, как Петух». Подцыбину вспомнилась недавняя история с его сокурсником Петуховым, который крутил шуры-муры с дочкой профессора. Женился — и вдруг выяснилось, что тесть, мотаясь по загранкам, имел нежелательные контакты. И загремел Петух под бесшумные фанфары. Здесь иначе не бывает: тут манишка должна быть как снег и рукава незасаленные!

Обойдя еще раз школу, Мишачок вернулся к подполковнику.

— Что скажешь? — спросил тот.

— Василь Михалыч. Хочу посоветоваться.

— Давай. — Максякин снисходительно и самодовольно откинулся на спинку кресла.

— Я вот о чем, — он присел напротив, — вспомнил Петухова, который перед женитьбой не посоветовался с вами. Как бы мне не влететь.

— А что, у нее что-нибудь в родне? — округлил брови Макака.

— Да я не знаю. Но чем черт не шутит...

— Не крути! Дурака из меня не делай. Завтра чтоб подал заявление.

— Да я подам. Но хотел как лучше. А то потом ведь вам расхлебывать...

— Это ты прав. Спешки в наших делах не должно быть. Все должно быть по форме. — Он поманил пальцем Подцыбина и, понизив голос, по-свойски добавил: — Будем думать. Хотя девка симпатичная.

«Вот бы и женился на ней», — подумал Подцыбин.

Михаил с недельку потянул время, потом махнул на все рукой, и они с Томой подали заявление в загс. Потом обсудили все вопросы, связанные со свадьбой. Провожая ее на Киевском вокзале, Мишачок смотрел в большие влажные глаза, думал: «А все-таки она, мерзавка, любит меня», и ему казалось, что он снова начинает ощущать аромат прошлых встреч.

2

Подцыбин с долговязой москвичкой сидел за столиком в ресторане «Арагви». Он пригласил ее как бы на прощальный вечер, чтобы расстаться легко и просто. Вручил букет роз, зака-

зал бутылку дорогого ликера. Перед эстрадой с ансамблем отплясывали лезгинку тощие кавказцы. Официанты с подносами ловко проскальзывали между танцующими. Тома-Два, потягивая из фужера тягучий ароматный ликер, возбужденно рассказывала Мише, какая сказочная жизнь будет у них. Говорила, что уже обработала папашу, и тот, влиятельный генерал, обещал ей буквально все, даже загранку. Можно было выбирать: Сингапур или Гавану... Но есть вариант и Париж. Только придется чуть подождать.

— Давай выберем Гавану, — предложила Тамара.

— Нет, — твердо произнес Михаил. — Хочу бананово-лимонный Сингапур...

Он держал ее руку, унизанную перстнями с яркими камнями, поглаживал и думал уже не о том, что надо говорить нелепые слова расставания, а о том, у кого занять приличную сумму денег, чтобы откупиться от первой Тома, чтобы та отпустила его.

Подцыбин был по уши занят дипломом и в школе появлялся редко. Но раз, забежав поздравить своего руководителя Бориса Александровича — Боса (так называли его курсанты) — с очередным званием, столкнулся в коридоре с Максякиным.

Макей, хмуро глянув на него, ухватил за рукав и потянул в сторону:

— Задал ты мне задачку...

— Что такое, Василь Михалыч? — побледнел Михаил.

— Надеюсь, не женился еще?

— На ком? — удивленно спросил Подцыбин.

— Ты что, мать твою! У тебя сколько баб? Я про ту, что из Киева. Она конечно, беременная, но это еще не аргумент. Кстати, у нее дядя сейчас в Израиле.

— А мы заявление подали.

— Да ты что! Не под ту юбку лезешь.

— А вы же мне говорили... — начал было Мишачок.

— Это кто тебе говорил?! — Макей так и припер его взглядом. — У самого связь с иностранцами.

Михаил совсем упал духом.

— Я на другой женюсь! — вдруг выпалил он.

— На какой это «другой»?

— Ну, есть одна. Ее отец — генерал с Лубянки.

— Ты лапшой тут не кидайся! Как фамилия-то его?

— Да я...

— Не крути!

Подцыбин назвал фамилию.

Максякин запрокинул голову, и глаза его стали фарфоровыми.

— Не промах! Небось, на Канары нацелился?

— Ага...

— Ну, давай, давай. А что с пузатой делать будем?

— Может, вы что посоветуете? — сокрушенно протянул Михаил.

— Я тебе что, отец родной? Посоветую, а он потом меня под монастырь?

— Ну что вы! Разве я вас подводил?

— Дело склочное. Мадама эта киевская тебя с кашей сожрет и не подавится. Думай сам.

Сказал и заспешил по коридору.

Подцыбин, потерянно бродя по улицам, думал о превращениях своей судьбы. А что же Томка? Деньги не возьмет. Да и подарками не отделаешься. Ей ведь только одно нужно: отметка в паспорте. Остается напомнить киевлянке про родственника. Можно обещать расписаться и после защиты диплома. Главное — выиграть время. А там ищи-свищи. Но с дипломом не пропаду. Так и буду действовать. Лечу в Киев!

Он свернул было к билетным кассам, как его прямо шарахнуло: да я Боса не поздравил! Ему же майора кинули! Этак можно и отношения испортить перед защитой.

Борис Александрович, в распахнутом кителе, сидел перед блюдом с остатками торта и, раздавливая ложечкой ломтики лимона в граненом стакане, добродушно прореагировал на поздравительную тираду.

— Держи кусок! — сказал он. — Заслужил! Будешь так красноречив на защите — красная корочка твоя!

Подцыбин, зажав в пальцах липкую массу торта, выскользнул за дверь и пошел по коридору, жуя на ходу и роняя на паркет жирные крошки. Сложившийся в голове план обрел четкие очертания. Он зашел в «Детский мир», купил набор для новорожденного. Не разглядывая, сунул в портфель. Позвонил с междугородки в Киев и сообщил Томе, что вылетает для срочных переговоров. Услышав в ответ тревожную нотку в голосе, намеренно не стал успокаивать ее и, не договорив последней фразы, бросил трубку на рычаг: пусть тоже поломают голову, пускай помучает ее бессонница. Купил билет на ранний рейс — и в Давыдково. Тамаре-Два позвонил из дому и сказал, что отлучается на пару дней — надо к диплому подсобрать материал, — и получил от нее заказ привезти из Киева блузку с укра-

инской вышивкой. Вроде бы все у него сложилось как надо, но он так и не смог уснуть в эту ночь и, ворочаясь, просчитывал разные варианты предстоящего в Киеве разговора.

Когда, закупив по дороге в аэропорту огромную охапку цветов, Михаил явился на Тамарину квартиру, дверь открыла ее мать, и, встретившись с ее глазами, он понял, какой трудности задача стоит перед ним. Если бы просто спустили с лестницы, это еще куда ни шло. Но что же его все-таки ждет? Поэтому, когда Тома вместе с матерью, приняв как нечто само собой разумеющееся подарки, уселись напротив с вопрошающими лицами, Михаил сразу огорошил их:

— Вчера с Максыкиным вели разговор. Ты его, Тома, знаешь. Тот самый. Он удивлен, что дядя твой эмигрант.

— Это троюродный дядя, — заюлила плечами Тома.

— Да хоть четвероюродный! Пока Василий Михайлович обещал повременить с оглаской. Не дай бог вообще, чтобы в школе знали про наше с тобой заявление.

— Так что, его забрать?

— Лихо придумано! — вмешалась мамаша. — А после диплома? Вильнет хвостом — и на сторону? Знаем мы вас таких.

Подцыбин изобразил на лице явное возмущение.

— Сами подумайте, Валентина Сергеевна, дядя-то за кордоном. Это реальность. Вы же сами знаете, что тут может светить. Лично я не боюсь в солдаты. От меня рупь с полтиной в месяц. Это вас устраивает?

— Мам, тут ясно, — задумчиво произнесла Тамара.

— Тебе ясно. А уж я за свою жизнь и не такого насмотрелась.

— Но ведь он верно говорит, — повторила дочь.

— Может, верно, а может, и скверно. Ты же с него подписку не возьмешь. Заберешь заявление — и он вольная птица. Порхнул, и с концами.

— Ну что же делать, мама? Я верю, что он будет нам помогать.

— Не знаю, что и сказать. Но ведь дядя наш из Израиля не вернется.

— И не надо! — встревожился Михаил. — Если не вмешаетесь, я уже буду офицер. И конечно же, Тому не брошу. Тем более своего ребенка.

— Это мы еще посмотрим... Пусть хоть заручится.

— Как это? — спросила дочь.

— Ну, залог возьми. Чтоб было чем удержать.

— Хорошо ли это? Да у него и нет ничего. Одна шинель на полу.

— Что правда, то правда, — согласно кивнул Мишачок и огляделся вокруг.

Комната обставлена строгой и недорогой мебелью отечественного производства. Каким-то особым достатком от нее не веяло, хотя с точки зрения Подцыбина это все-таки был какой-никакой уют. Не то что его голые стены с одной репродукцией бананово-лимонного Сингапура.

— Но денежный залог я могу, — сказал он. — Вы только сумму назовите. Я соберу.

— Да кто тебе даст! — всплеснула руками Тома.

— Ну, это просто. Пусть пишет расписку. Что взял у меня, Колючиной Валентины Сергеевны, пенсионерки, в долг... А когда у тебя защита?

— В конце июня, — проговорил Подцыбин.

— Вот, до десятого июля.

Михаил сел за стол и, стиснув зубы, медленно под диктовку Тамариной матери повторил текст. После этого будущая теща проводила Подцыбина к старикашке-нотариусу, который заверил расписку по всем правилам своего изощренного искусства. Мишачок смотрел на старомодную ручку дряхлого старика, выводящего чернилами на бумаге каллиграфические буквы, и думал: «Черт возьми, “жигуль” подарил!»

3

В 7.45 утра вокруг Красной площади было выставлено оцепление из курсантов. Столица готовилась к первомайской демонстрации. Подцыбин вместе с однокурсниками стоял на брусчатке Васильевского спуска между Покровским собором и Кремлевской стеной чуть ниже Спасской башни. Вот шеренги милиции и солдат, очищая площадь от посторонних, напористо вытеснили за пределы оцепления всех заблудших, либо оказавшихся здесь с ночи, либо пораньше заявившихся сюда в надежде каким-то образом незаметно остаться на гостевых трибунах.

Неудачники отчаянно упрасивали чекистов разрешить им вернуться. Особенно усердствовали девчонки, которые напропалую кокетничали с курсантами, строили глазки, пытаясь склонить их к нарушению приказа: кто говорил, что приехал издалека, кто заверял, что не займет чужого места, что спрячется в уголке, но военнотружашие были неумолимы. Конечно, некоторые из курсантов не соглашались с подобной неумолимостью: чем эти девчонки и парни, мужчины и женщины похуже тех, разодетых, бренчащих украшениями, кто беспрепятственно проходил по дорожке у Кремлевской стены?

Подцыбин мысленно выбирал среди девчонок-просительниц тех, которых бы он наверняка пустил, и даже приветливо улыбался им. Они тоже кидались к нему в надежде, что уж он-то уступит, но Михаил лишь спокойно объяснял, почему это невозможно. Девчонки с возмущением открывали свои крохотные сумочки и показывали, что там нет ни пистолета, ни бомбы, ни листовок. Подцыбин, разговаривая с очередной симпатичной блондинкой, краем глаза заметил приближающегося краснолицего Макея, который кослапил своей нестройной, крадущейся походкой вдоль строя. Мишачок кивнул в его сторону: «Начальство». Девчонки отхлынули. Макей задержался около Михаила и спросил строго:

— Как там в Киеве?

— Порядок.

— Смотри мне, — хмыкнул Максякин и, подволакивая ногу, пошел дальше.

Кто бы мог подумать, глядя ему вслед, что у него абсолютный слух и тенор, какого сейчас днем с огнем не сыщешь, мог бы петь в Большом театре, если бы перед войной не стал чекистом. Конечно, ему предложили. А попробуй тогда откажись. Отказы не принимались. Одно слово: ежовщина. Не очень то распоешься.

— Че скучаешь? — толкнул Подцыбина стоявший рядом в цепочке Кустяко. — Хошь анекдот? Политический.

— Да ты что?! На Красной площади!

— Я тихонько. Василий Иванович с Петькой бегут от белых. Петька с ящиком гранат. Василий Иванович с инструкцией. Только и успели, что с собой прихватить. Кругом пальба, дым, разрывы. Запрыгнули в соседние воронки. Петька кричит из своей: «Василий Иванович! Белые близко!» Василий Иванович порачивает инструкцию и при свете трассирующих пуль читает: «Открой ящик». Петька: «Открыл». — «Доставай гранату». — «Достал». — «Вырви кольцо». — «Вырвал». — «Бросай!» — «Ложите, Василий Иванович».

Подцыбин подавил смех:

— Хорошо.

— А вот еще, — продолжал Кустяко. — Про чукчу. Сидят чукча с чукчанкой на льдине. Недалеко от Северного полюса. Ногами в воде болтают. Чукча говорит чукчанке: «Хось аникдоть сказу? Плитиский?» — «Да ты сто!» — «А сто?» — «Сослют!»

Курсанты захохотали.

Площадь загремела праздничной музыкой. Михаил понял: началась демонстрация — и с любопытством обернулся в сто-

рону Мавзолея, откуда бодрым дикторским голосом звучали здравицы и приветствия.

— Ну все, пошло-поехало, — сказал Кустяко и наклонился к уху Подцыбина. — Слушай еще про Леню. Сидят Леонид Ильич с Гречко в жаркий день на даче. Квасят. Оба в маршальских мундирах. Ну, этот главком всего, а тот только министр обороны. При орденах, медалях. В окно влетает пчела — и «ж-ж-ж» около брежневских побрякушек. Тот: «Кыш! Кыш! Лети к Гречко! К Гречко!» А пчела: «Э, не, Леонид Ильич! У Гречко ордена порохом пахнут, а у вас липой!»

Подцыбин оглянулся и только после этого осторожно засмеялся.

Из-за вершины брусчатого холма, приходящейся на центр Красной площади, взмыли в небо разноцветные шары с полотнищами лозунгов, а затем, как мачты кораблей на горизонте, показались верхушки транспарантов и флагов, превратившиеся вскоре в сплошную кумачовую стену. Стена эта постепенно поднималась над землей, и под ней обнаружилась вторая стена — люди, шедшие к вершине площади. Эта стена производила издали впечатление такого монолита, который способен был снести все. И даже собор Василия Блаженного с его сказочными маковками казался слишком хрупкой преградой. Но, продолжая движение вперед, эта огненная, подобная вулканическому потоку, лавина раздвоилась и стала обтекать собор. По мере приближения первых рядов впечатление монолитности пропадало, фигуры отдельных людей как бы отделялись друг от друга и начинали восприниматься уже порознь, различаться походкой, одеждой, полом, возрастом, комплекцией. Шедшие впереди ветераны производили вблизи особенно противоречивое впечатление: кто хромал, а кто бодро вышагивал с гордо поднятой головой, кто пел песни, а кто задыхался от старческой одышки, кто вытирал слезы, а кто улыбался.

Подцыбин со всем оцепленим, пропуская колонну, сошел на тротуар. Сдерживать больше было некого — поток двигался в одну сторону, с площади, — и Михаил решил подняться к Спасской башне. На гостевые трибуны его не пустили, и он остановился около металлического ограждения рядом с лотками цветов, бутербродов, напитков. Стоявших на Мавзолее не было видно, зато тех, кто проходил мимо и приветствовал, Подцыбин видел хорошо. Демонстранты скандировали, кричали, размахивали плакатами, руками, букетами, поднимали на плечи детей, чтобы те лучше могли видеть членов правительства. И эти дети на плечах тоже улыбались, кричали, махали... Для Михаила

всегда было загадкой: откуда возникает этот безудержный энтузиазм во время массовых шествий? Он мог понять подхалима и приспособленца, который в кабинете ублажает своего начальника во имя конкретной, шкурной выгоды. Сам умел это делать. А тут, среди этого моря людей, все было как бы бескорыстно. Никто же не оценит и не воздаст тебе за труды твои. Так стоит ли стараться? И словно из чувства противоречия Подцыбин повернулся к площади спиной и наткнулся взглядом на корзину с пикарными розами у ног цветочницы. «Надо для москвички купить», — осенило его, и он стал выбирать три розы с длинными стеблями. Только хотел распрямиться, как услышал над собой хриловатый баритон: «Все оставшиеся мне». Поднял глаза, увидел молодого генерала с очень знакомым и очень каким-то свойским лицом, весело глядевшего на курсанта. «Космонавт, что ли?» — промелькнуло в мозгу Михаила, но фамилии он так и не вспомнил. Машинально отдавая честь, сжал в левой руке три своих цветка и тут же, уколовшись, охнул. Продавщица засмеялась. В глазах генерала тоже прыгали веселые чертики.

— Такие розы стоят дорого, — добродушно пробасил он, протянул женщине несколько купюр и, отводя руку Подцыбина с деньгами, сказал: — Пусть это будет от меня вашей барышне!

Михаил так и замер на месте: «Эх, вот бы к кому в зятя!»

Людское половодье, вырвавшись из ликующего пространства площади в сливной желоб Васильевского спуска, бурлило и катилось вниз к реке каким-то беспорядочным, цветастым потоком, постепенно теряя и топча лозунги, транспаранты, портреты. «Подыми! Чего топчешь?» — кричал кто-то в мегафон, но его не слушали. Какие-то ребятишки, перепрыгивая через опущенные книзу древки знамен, неслись как оглашенные куда-то вперед, к мосту, что-то крича и размахивая руками. Плакали дети. Сзади с площади, словно какой-то доисторический ящер, надвигалась декорированная платформа с гигантским изображением «Серпа и молота», которая грозя все перемолоть перед собой, судорожно сползала на тормозах по скользкой брусчатке.

— Поберегись! — орал водитель, высовывая из кабины багровое от натуги лицо, и какие-то девицы с визгом впрыгивали на истоптанный косогор газона.

Михаил глядел на тех же самых людей, которые только что там, у Мавзолея, шли с просветленными лицами, а теперь у него на глазах превращались в единую, серую, безликую массу. Он смотрел на эту толпу, не связанную ни чем, сбрасывающую с себя всю эту декоративную мишуру, топча ее и вытирая об нее ноги...

«А разве я не так с занятий бегу, — думал Подцыбин. — Все мы такие. Лишь бы от звонка до звонка».

Последние демонстранты покинули площадь. Цепочка чекистов вновь перекрыла спуск. Прозвучала команда «Отбой!», и Михаил с розами в руках поехал к Томе-Два.

4

Рядом со станцией метро «Кунцевская» разметал свое хозяйство цековский жилой массив с богатыми квартирами. Зайдя в один из подъездов, Подцыбин поднялся в бесшумном просторном лифте на шестой этаж. В коридоре, напоминавшем своими размерами городошную площадку, навстречу, подобно летящей бите, пронесся на велике какой-то желторотый пацан, едва не наехав на него. Мишачок позвонил в угловую квартиру.

Дверь открыла Тома-Два. Она была в привезенной Михаилом из Киева украинской блузке и в белой атласной юбке.

— А я уже заждалась. Ну, как твой подарок? — покрутилась она на месте.

— Тебе все к лицу.

Принимая розы, чмокнула его в щеку:

— Какие пахучие! Так что задержался?

— Дежурство, — пожал он плечами. — Пока все свое не оттопают и гости заграничные в ладоши не отхлопают, нас ведь не отпускают.

Повесил фуражку на вешалку и стал ладонью приглаживать перед зеркалом непослушный вихор.

— Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня? — пропела она.

— Самая нелепая ошибка то, что ты выходишь за меня, — продолжил Михаил.

— Вот возьму и не выйду, — кокетливо надулась она. — Если так будешь говорить. На, надевай.

Подцыбин переоделся в войлочные тапки, отодвинул шелестящую бамбуковую портьеру и, чувствуя себя чуть ли не курсантом, неуклюже заскользил по зеркальному паркету в гостиную, щедро обставленную роскошной мебелью: пузатыми креслами, диванами, стульями. Вдоль стен возвышались две шикарные стенки: одна — с книгами, другая — с хрусталем. Торец комнаты занимала лоджия, другой был завешен огромным ковром с пестрым восточным орнаментом. Стулья аккуратно расставлены около длинного, уже почти накрытого стола, над которым хлопотали две женщины. Одна — пожилая, подтя-

нутая дама — чем-то напоминала Михаилу учительницу русского языка и литературы; другая, помоложе и попышнее, была похожа на оперную певицу Ирину Архипову. Про первую Подзыбин подумал: «БабушкаТомы», но, услышав, как «Ирина Архиповна» сказала: «Нюра! Отнесите это на кухню», а та согласно кивнула, понял, что она тут на вторых ролях.

— Мама, знакомьтесь, Миша, — произнесла Тамара.

— Нина Михайловна, — развернулась та с чуть надменной улыбкой и подала руку.

— Михаил. — Он прикоснулся губами к тонким пальцам, невольно обратив внимание на тяжелый золотой браслет, охвативший запястье.

Этот его поступок хотя и произвел некоторое благоприятное впечатление на мать Томы, но она все же с какой-то отчужденностью в голосе бесстрастно произнесла:

— Очень приятно. Тома, води гостя к себе в комнату. Подождем отца.

Тамара повела Мишачка в другую комнату, поменьше и попроще обставленную.

— Вот и мои апартаменты, — сказала она и тут же выпорхнула с розами назад.

Вернувшись, поставила вазу с цветами на пианино.

— Класс!

— Это мне подарил для тебя один генерал, — сообщил он и, не удержавшись, добавил: — Береговой.

— Это тот, что на Брежнева похож? — спросила она.

— Ну, ты можешь считать, что и от самого Брежнева, если тебе так приятно.

— Конечно, от Леонида Ильича получить розы было бы лестно.

— В следующий раз учту, — поджал обиженно губы Михаил.

— Ну ладно, не огорчайся, от Берегового тоже приятно, — словно утешила Тамара. — Ну, как прошло дежурство? Задержали какого-нибудь террориста?

— Нет, сегодня желающих не было.

— Чего ж так слабо, — бросила она. — Хочешь, я тебе бомбочку подкину? Это любимая, папина.

Она нажала клавишу кассетника. Раздался сиплый голос Высоцкого:

Так у них пока что лучше бытово,

Так чтоб я не отчебучил не того,

Он мне дал прочесть брошюру, как наказ,

Чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас...

В комнату прямо влетела Нина Михайловна и, махая белыми руками, зашипела, как гусыня:

— Ты что, ты что?! Выключи сейчас же! Отец пришел.

Тамара щелкнула магнитофонной клавишей, и молодые тихонько посмеялись. Вскоре из-за двери снова раздался голос Нины Михайловны:

— Тома и Миша! Олег Кириллович ждет вас.

— Пошли! — потянула его Тома. — Будь смелей!

В затененном металлических жалюзи кабинете за письменным столом сидел широколицый, с изящным пробором в седеющих волосах мужчина в черном пиджаке с темно-синим в крапинку галстуком, и уже рядом с ним в кресле Нина Михайловна.

— Курсант Подцыбин, — представился Михаил с робким достоинством.

— Олег Кириллович, — ответил мужчина, задумчиво глядя куда-то сквозь него.

«Как рентгеном просвечивает, — подумал Михаил и внутренне сжался. — Не знает ли он про мою киевлянку?»

— Садитесь, курсант, — проговорил генерал.

Тома дернула Михаила за руку, и тот опустился рядом с ней на диван.

— Миша! Я говорила папе и маме, что мы любим друг друга и хотим пожениться, — начала Тамара. — И про тебя, конечно, что знаю, рассказала. А папа хотел на тебя посмотреть. Вот, смотрите.

Губы Олега Кирилловича искривились в усмешке.

— Смотрю, смотрю, — протянул он, переложив блокнот на столе. — Это у вас серьезно?

— Конечно, пап, — сказала дочь.

Михаил утвердительно кивнул.

— Я бы хотел от самого молодого человека услышать что-нибудь вразумительное. Мы ведь мужчины — рабы логики.

Подцыбин заметил, как Нина Михайловна ухмыльнулась.

— А логика требует каких-то обоснований. Слушаю тебя.

Михаил почувствовал, что диван уходит из-под него. Он прокашлялся и начал:

— Ну, и что ж тут обосновывать, Олег Кириллович. Любовь — есть любовь.

— Любовь зла, полюбишь и козла! — рубанул генерал. — Такой разговор меня не устраивает.

«Еще за дурачка сочтет», — испугался Подцыбин и продолжил:

— Я не увлечение имел в виду. А как раз духовную близость.

— Ишь ты, начитан! Ну и что же у вас там за духовная близость прорисовалась?

— Хватит тебе, пап! — не выдержала Тома. — Устроил экзамен. Сейчас я тебе скажу. Во-первых, у нас с Мишей близкие корни. Его дед — красноармеец, мой дед — красноармеец. Его отец — офицер, фронтовик, мой отец — тоже. Во-вторых, мы с ним ровесники. У нас совпадают вкусы, интересы...

— Скажи как заговорила, — продолжил Олег Кириллович. — Родители-то его в курсе?

— Да, — встрепенулся Михаил. — Вот отец должен приехать.

— Скажу тебе так. Ты должен понимать, что такое чекистская семья. Это фактически единая команда. Любой прокол с кем-нибудь из вас отражается на моем служебном положении. Поэтому для начала советую не поддерживать контакты с иностранцами. Я говорю азбучные истины. Да и никаких посторонних приводить в дом не позволю. Обо всем будешь докладывать мне. В жизни не води глазами направо и налево. Пристреляй себе одну мишень и тренируйся на ней. Но чтоб мы с Ниной знали и были спокойны.

— Ты о чем это, пап? — спросила Тамара.

— Ты молчи. Это я на всякий случай говорю.

Михаил вытер пот со лба.

— Совсем запугал, — заговорила Нина Михайловна. — Смотри, как вспотел парень. Это все, в сущности говоря, мелочи. Но ими, конечно, не следует пренебрегать. Дом у нас особый. Живут здесь сам догадываешься кто. Поэтому надо вести себя соответственно.

— Как будто в загранкомандировке, — пошутил генерал.

— У нас так заведено, — продолжала Нина Михайловна. — Чем сложнее у меня с кем отношения из соседей, тем больше я улыбаюсь именно ему.

Подцыбин округлил глаза.

— Да, Миша, да. Это необходимо. По хозяйству от вас никакой помощи не требуется. У нас есть домработница. Когда меня нет, я оставляю ей записки на кухонном столе.

— Так что никаких забот, — перебил Олег Кириллович. — Разве что я на дачу позову когда. Тогда и поможешь.

Михаил закивал головой:

— Да, да, все нормально.

— Ну, давай, курсант! — Олег Кириллович встал и протянул руку Михаилу, которую тот энергично пожал.

В коридоре заблямкал звонок.

— Ну, ребята, у вас своя тусовка, у нас своя. К нам гости, — засуетился вдруг генерал.

— Пап! А мы в кино.

— Только поздно не возвращайся, — бросила Нина Михайловна, выбегая в коридор.

Когда Подцыбин вместе с Томой спускался в лифте, он мысленно несколько раз перекрестился: «Слава богу, Макейка не заложил с Киевом...»

5

Отец Михаила — Иван Филатович, высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти, казацкого склада — приехал по вызову сына в Москву и, остановившись на его квартире в Давыдовко, готовился идти к родителям Тамары-москвички. Мылил в ванной щеку и, услышав треньканье телефона, положил в раковину помазок и подошел к аппарату:

— На проводе.

— Здравствуйте, — раздался из трубки мелодичный женский голос. — А Мишу можно?

— Он на занятиях. А кто спрашивает?

— Мама Тамары.

— О, здравствуйте, здравствуйте, — обрадовался Иван Филатович. — Очень рад. Это папа Миши, Иван Филатович.

— Как кстати! Давно хотела с вами познакомиться. Как бы нам встретиться?

— Так я же к вам собираюсь.

— Куда вы собираетесь, я же здесь проездом, из Киева.

— Какого Киева? Я специально приехал в Москву.

— Извините, я, наверно, ошиблась номером. Вы папа Миши Подцыбина или нет?

— Да, Мишка мой сын.

— Ну так все правильно.

— Ничего не понимаю. Миша же договорился с Олегом Кириллычем.

— Каким Олегом Кириллычем?

— Подождите, а вы кто? Вы сказали — мама Тома. Вас зовут Нина Михайловна?

— Нет, меня зовут Валентина Сергеевна, — жестко раздалось в трубке. — И у нас с вами, к сожалению, никакой встречи пока не назначено. Хотя давно пора. Тамаре рожать скоро, а вы, я вижу...

— Подождите, как рожать?!

— Очень просто. А вы считаете, что дети на свет появляются как-то по-другому?

— Ничего не понимаю. У Миши невеста Тамара, и родители ее Нина Михайловна и Олег Кириллович.

— Я тоже ничего не могу понять. Путаница какая-то.

— Да это и на самом деле так. Надо встретиться нам. И разобраться, что происходит.

— Я могу подъехать. У меня есть адрес.

— Тогда я жду вас, — сказал Иван Филатович и вернулся в ванную добриваться.

«Да что же это делается? — думал он, глядя в настенное зеркало на свое намыленное лицо. — Может, это аферисты какие?» И крикнул, порезав щеку.

Минут через сорок в дверь позвонили. На пороге появилась моложавая крашеная шатенка в кожаной мужской куртке, натянутой поверх невзрачного свитерка, с сумочкой через плечо.

— Валентина Сергеевна, — представилась она. — Мать Тамары.

— Проходите.

Хозяин, при параде, в пиджаке, увешанном орденами и медалями, провел гостью мимо небольшой комнатки, где стояли только раскладушка и два колченогих стула, в кухню.

Когда через час Михаил с тортом и букетом гвоздик появился дома, он увидел беседующих за чаем Валентину Сергеевну и отца. Между ними на столе лежала его долговая расписка.

— Здравсьте, — растерянно выдал он.

— Здравсьте-здравсьте, — проговорила Валентина Сергеевна. — Так и надо, молодой человек, будущую тещу встречать тортом и цветами.

— Да я не знал...

— Значит, почувствовал.

— С приездом! — произнес Мишачок, ставя торт на стол.

— А цветочки сюда можно. Чтобы не завяли, — показала она на литровку на холодильнике.

Михаил посмотрел на угрюмо молчащего отца и поставил цветы в бутыл.

— Садись, — сказал отец. — Ну, что будем делать?

— Пап, ну, я думаю, Валентина Сергеевна тебе уже рассказывала, как там дела обстоят, — заговорил Михаил, занимая табурет сбоку.

— Да уж рассказала... — процедил отец. — Я вот хочу, чтобы ты теперь просветил, куда собираешься меня сегодня вести и в каком виде выставить перед этим Олегом Кирилловичем и его

семьей. Дурака из меня хотел сделать! Мало тебе одной жены, ты теперь собрался еще одну охомутать с моей помощью?!

— Да ты что, пап!

— Это распушенность, — вставила Валентина Сергеевна, демонстративно разрезая торт на крупные куски.

— Согласен, Валентина Сергеевна. То, что у нас с вашей Тamarой произошло, это и была распушенность. А теперь любовь.

— Нет такого прибора, которым можно определить, когда мужик любит или когда просто так за юбкой ухлестывает! — Валентина Сергеевна плюхнула перед Михаилом на блюдечко кусок торта.

— Как такое могло произойти? — спросил Иван Филатович сына.

— Как, как! Я и сам не знаю, — отмахнулся тот.

— А ребенок?

— На юге они познакомились, — произнесла Валентина Сергеевна. — Танцевали, а последствия от этих танцев такие, что просто так от них не отделаешься. Это на всю жизнь.

— Я и не отказываюсь от последствий, — произнес Михаил. — И я согласен платить алименты.

— Ты мне скажи, куда ты все эти тыщи спустил? — Иван Филатович ткнул в расписку. — Алименты он будет платить!

— Как «спустил»?! — встрепенулся Михаил. — Да вам что же, Валентина Сергеевна не сказала про наши условия?

— Какие еще условия? — спросил Иван Филатович.

— Это залог с меня взяли, чтобы я потом женился. А никаких денег я не брал.

— Врешь, зятек дорогой! — прямо вырвалось у Валентины Сергеевны. — Расписочка-то вот она, нотариально заверенная, между прочим, — она покрутила бумажкой перед носом Михаила.

— Бр-р-р, — непонимающе закрутил головой Иван Филатович. — Ты мне объясни, Михаил, что это?

— Пап, ну, это документ настоящий. Они меня приперли к стенке. А что мне оставалось делать? Либо женись, либо из школы выгонят.

— Дайте-ка, — Иван Филатович потянулся за распиской.

— На, смотри так, — Валентина Сергеевна отодвинула руку с листком.

— Не вижу. Ближе!

— Ни за что. — Она спрятала расписку в сумочку.

— Вы что, не доверяете мне?

— А с какой стати я должна доверять! Вы что думаете, если на грудь эти побрякушки повесили, значит, вам вера?

— Какие побрякушки?! — Иван Филатович глянул себе на грудь.

— Эти! Эти самые медяшки!

— Что?! Ну, уж это ты не трожь! Это все мое, кровное. Это на поле боя, — поднимаясь, налилсь кровью отец.

— А что?! Если ты такой дурак, пень старый. На твоих глазах внука обирают, на улицу вышвыривают, а ты!

— Ты внука не припирай. Никто его не обирает и на улицу не вышвыривает. Ты мою честь не трожь. Я тебя!..

— Тише, тише, — попятилась Валентина Сергеевна. — Я на тебя управу найду. Я до Брежнева дойду!

— А ну, прочь! Управу она найдет! До Брежнева дойдет! Я тебя этими вот руками...

— Я не к Брежневу, я к Максякину пойду! — выпалила она и хлопнула за собой дверь.

— Остудись, батя, — сказал сын набычившемуся отцу.

6

Подцыбин снова оказался около знакомого цековского дома. Нервно ходил по длинной асфальтовой дорожке, пересекавшей газон с зелеными фонтанчиками берез и поджидал Тамару-Два, которая должна была возвратиться из института. По лбу Михаила катились капельки пота, но он не замечал распяляющей жары, потому что судорожно перебирал слова к предстоящему объяснению. В микрорайоне было пустынно в эти послеобеденные часы, когда черные «волги» еще не замелькали у подъездов, развозя со службы высокопоставленных пассажиров. Только ребятня небольшими стайками появилась уже во дворах. Совсем неожиданно со стороны метро он увидел голубенькое платье Тамары.

— Ты что на улице ждешь? Папы дома еще нет.

— Я желал тет-на-тет с тобой поговорить.

— Конспирация? Ну, пошли. На лавочку. Слушаю вас, синьор Помидор, — произнесла она, глядя на его красное от жары и волнения лицо.

— Видишь ли, Тома, скажу честно. Я тебе никогда не говорил о своих прошлых встречах с женщинами, считал, что этого не надо делать. Да и вряд ли тебе это было бы интересно.

— Ну, как сказать, как сказать, — усмехнулась она.

— А сейчас понимаю, что мне надо было быть с тобой более откровенным.

— Напиши мемуары, как Казанова.

— Дело тут совсем в другом, — заметил Михаил.

— Это что, предисловие к твоему секрету? — насторожилась Тома.

— Увы, да. Одна моя знакомая дала о себе знать. И это может отразиться на нашей свадьбе.

— Та-ак, — протянула Тома. — Что же это все значит?

— Оказывается, она ждет ребенка... А я, честное слово, люблю только тебя.

Тамара покраснела.

— На каком же она месяце?

— На шестом, — проговорил Подцыбин, глотая слова.

— И ты скрывал от меня?! — Она встала и решительно направилась к дому.

— Ничего не скрывал, так уж получилось, — бежал рядом Михаил. — Я и знать про нее забыл. Я и не предполагал...

Тамара резко остановилась.

— Подлец же ты, Мишка!

Сказала и пошла дальше.

Подцыбин не отставал.

— Написала мне. Я ответил, что люблю другую. Встреч больше не было. А теперь и сам не знаю, как быть.

Тома гордо вошла в подъезд, и дверь захлопнулась перед носом Михаила. Процокала каблуками по кафельному полу к лифту, вдавила клавишу. Лифт тут же распахнулся. Постояла в нерешительности, оглянулась на любопытную бабку-консьержку в глубине холла и как можно незаметнее вернулась назад. Через стекло посмотрела на сутулую фигуру Михаила, обхватившего голову. Тихо вышла из подъезда и встала у него за спиной:

— Что же она, стерва, полгода ждала и молчала?

Он повернулся, не веря своим ушам.

— Понятно... Ну и какое же твое решение? — был следующий вопрос.

И тут же:

— Она что, угрожает тебе?

Он словно очнулся.

— Они с матерью к моему начальству хотят идти!

— А ты?

— Пусть идут!

— И что будет?

— Выгонят, наверно.

— Ты что... — Она поправила себе челку. — Неужели ничего нельзя придумать?

— Не знаю.

— Пошли к отцу. Он скоро должен приехать, — твердо сказала она.

— А будет ли он со мной говорить? — спросил Подцыбин, входя в лифт.

Тома промолчала.

Поднялись на лифте, вышли в городошный коридор, в котором стремительной битой налетел на дверь генеральской квартиры уже знакомый Михаилу краснощекий велосипедист-лихач.

— Ну, хулиган! — вырвалось у Тамары.

— Бог с ним, — проговорил Подцыбин.

— А папа ваш, Иван Филатыч, не приехал разве? — встретила вопросом Нина Михайловна.

— Он будет к семи, — прошелестел Михаил.

— Мы пойдем ко мне, — сказала дочь, потащив Мишачка за рукав.

— Ответь мне на один вопрос, — проговорила она, усаживаясь напротив него в мягкое кресло. — У тебя будет ребенок. Какие же чувства испытываешь ты сейчас?

Подцыбин пожал плечами:

— Дайте мне сначала посмотреть на него.

— Женись, и все проблемы отпадут, — глянула она ему в глаза прищуренным взглядом.

— Главная проблема, — сдавленно проговорил Михаил, — не потерять тебя.

— Ты правду говоришь?

— Если мне не веришь... Если я тебе не нужен, так и скажи.

— Нет, не скажу.

Тома встала и вышла из комнаты.

Подцыбин чувствовал себя как при переходе снежного карниза в горах, который чуть осел под ним и вот-вот при следующем его шаге обрушится в бездну. По собственному скромному опыту знал, что в такие минуты иногда наступает полнейшее спокойствие, человек как бы смиряется со своей судьбой: будь что будет, ничего не поделаешь. И с этой свободой от всякой ответственности за себя, за свою жизнь становится легко-легко на душе, и начинают привлекать внимание совершенно незначительные подробности окружающей обстановки: какой-нибудь камешек или льдина на краю обрыва, дохленький рододендрон в протаявшей снежной лунке.

Нечто подобное было с ним и сейчас. И он, стоя посреди комнаты, вдруг заметил мотылька на оконном стекле, тщетно

пытавшегося вылететь сквозь невидимую преграду и так мягко и тихо шуршавшего своими пергаментными крыльями. Потом он посмотрел на стену и отметил миленький рисунок обоев: вазочки — конфетки — вазочки — конфетки, а в промежутках — шарики. Бывшая детская, подумалось ему. Взгляд скользнул дальше по книжному шкафу с несколькими полками книг. Среди них он отметил потертый корешок томика Рембо и рядом, в затененном уголке между блестящими обложками, неожиданно обнаружил темную, почти незаметную на первый взгляд деревянную икону с изображением Богоматери с младенцем. В этот момент вошла Тома и, проследив его взгляд, задумчиво остановилась возле.

— А ты бы пошел венчаться в церковь, если бы я захотела? — тихо спросила она.

— А твой отец?

— Да я разве о том. Можно потихоньку от него. Уехать в деревню и там...

— Потихоньку пошел бы... — ответил он и попытался обнять ее за плечи.

— Эх ты, трусишка.

В коридоре послышался щелчок.

Раздался голос Олега Кирилловича: «Отец курсанта пришел?» — на что Нина Михайловна ответила: «Нет, пока только Миша». — «А что же я его не вижу?» — «Они там с Томой».

— Пошла к отцу. — Тамара мягко сняла с плеч руки Михаила и вышла. — Пап! Посекретничать надо.

— В такой день? Ну ладно, пошли ко мне.

Усевшись за стол, он внимательно посмотрел на дочь и пошутил:

— Прослушка выключена. Не бойся. Говори.

— Тут такое дело, — начала Тома, прикрыв поплотнее дверь. — Но только не злись! Имей в виду одно: мы с Мишей любим друг друга и непременно хотим пожениться.

— Уже усвоил, — проговорил Олег Кириллович. — А что, случилось что-нибудь?

— Тут шантажистка одна объявилась. Из его прежних знакомых. Хочет на себе женить.

— Но это не просто, если твой кобелек сам не захочет. Другое дело, если у нее ребенок от него.

— Ты, как всегда, угадал! — вздохнула дочь.

— Служба такая. В ней без соображения нельзя, — мрачно проговорил Олег Кириллович. — Ну и что будем делать с этой проходимкой?

— Мишу ей я не уступлю!

— «Уступлю»... Он что, вещь? У него есть своя башка. Пусть думает. И не впутывает нас в это дело.

— Пап! С головой у него все в порядке. Просто они с мамашей грозятся к Мишиному начальнику пойти и поднять шум. Надо бы помешать этому.

— Я не Господь Бог! Но пара психованных дамочек такой пожар раздуть могут, что и десять генералов его не потушат. Впрочем, чего мы зря болтаем. Давай его сюда.

Тамара привела Михаила. Тот держался внешне спокойно, только красные пятна на лице выдавали его состояние.

— Ну что, пользуешься тем, что не я выбираю себе зятя, а она? — ледяным голосом произнес генерал. — Удобная позиция. Что там у них против тебя? Выкладывай!

— Письма могут показать, — заговорил Подцыбин.

— Какие?

— Одно с обещанием жениться. Другое с отказом.

— Всего-то?

— Еще они фиктивную денежную расписку с меня взяли. По рукам и ногам связать хотели.

— На два фронта работаешь! Щенок! — рывкнул генерал, побагровев. — Да я тебя на Канальские острова! Мне довелось на Беломоре. А на тебя канальских островов в нашей стране хватит.

— Пап! Ты что?! Он за меня борется, — встряла Тома.

— За тебя он борется? Это еще неизвестно. А вот за то, чтобы не вышибли из школы, это точно!

— Это же естественно! Не бороться же ему за то, чтобы его выгнали, — произнесла дочь.

— Всякое шкурничество естественно... — отрубил отец.

— Ну а ты что молчишь, скажи хоть что-нибудь, — Тома повернулась к Михаилу.

— То, что не хочу со школы вылететь, правда. То, что скандал хотел замять, тоже. Так что вот шкурником получаюсь.

— Не паясничай! — буркнул генерал.

Он достал из ящика стола пачку «Явы» и зажигалку, подвинул к себе тяжелую мраморную пепельницу с изображением белого медведя («Такой только черепа кроить», — машинально отметил Подцыбин) и закурил, выпуская кольцами дым и изредка поглядывая сквозь них на молодых людей.

— Отец в курсе? И как он?

— Не получилось у них с ее матерью разговора. К Максякину грозилась пойти.

— А это еще кто такой Максякин?

— Начальник курса.

— И что же он про эту историю знает?

— Были они у него весной. И он делал мне внушение.

Тамара криво усмехнулась.

— Значит, ты, — продолжал Олег Кириллович, — ему обещал жениться на ней?

— Нет, ему не обещал, — заторопился Подцыбин. — Только сказал, что улажу это дело.

— Это при помощи расписки, что ли? — хмыкнул генерал. — И что еще известно вашему Максякину? Про мою дочь, например?

— Известно.

— Вот как...

— Доложил, что собираюсь жениться на вашей дочери.

Генерал уперся тяжелым взглядом в Михаила. Тамара, замерев, смотрела в паркет. Генерал грубо раздавил сигарету в пепельнице. Поднял трубку телефона. Перелистнув страницы блокнота, набрал номер и через некоторое время сказал:

— Это генерал Авостин. Максякина мне. Да, начальника курса... Слушай, Максякин! Вот тут у меня твой курсант Подцыбин рядом стоит. Что о нем скажешь? Что, сегодня была? И заявление оставила? А ну, зачитай.

Держа трубку, генерал свободной рукой потянулся за пачкой, а Подцыбин, схватив зажигалку, щелкнул ею и поднес к сигарете. Олег Кириллович снова окутался клубами дыма.

— Серьезная бумага, — произнес он, выслушав. — Но я все-таки не советую спешить. Данная гражданка не внушает доверия. Если что, информируй.

Олег Кириллович положил трубку.

— Что стоите, как чужие?

Михаил и Тома послушно опустили на диван.

— Заявление пока придержат. — Он посмотрел на Подцыбина. — Продолжай заниматься, готовься к защите. Но если сама с животом придет и будет здесь обивать высокие пороги, многого не гарантирую. Дай бог диплом вырвать. Остальное под большим вопросом.

— Пап! Мы с Мишей должны немедленно оформить брак! — чуть не выпалила Тома.

— Как «немедленно»?

— Сегодня, завтра... Откладывать нельзя.

— А ты с матерью поговорила? Пойдите погуляйте там, — проговорил Олег Кириллович и, когда молодые выходили из кабинета, позвал: — Томка! Задержись на минуту.

Дверь за Михаилом закрылась.

— А не гонишь ли ты лошадей, доча? — спросил Олег Кириллович. — Локти потом не будешь кусать?

— Мне сейчас придется кусать, если вы позволите ему жевать на другой...

Родители Тамары закрылись в кабинете, а молодые, напряженно ходя по комнатам, прислушивались к глухо доносившимся взволнованным возгласам Нины Михайловны, которые прерывались неразборчивым гудением генеральского баса. Потом дверь резко открылась, и заплаканная хозяйка дома пробежала в свою комнату.

В прихожей раздалась звенящая трель (пришел Иван Филатович), и Олег Кириллович вышел сам в коридор. Начало встречи было довольно натянутым, и если бы не Тома (Нина Михайловна сказалась больной и в разговоре не участвовала), неизвестно, что бы могло из этой беседы получиться. Но Тома сумела растопить лед обоюдной настороженности и даже превратить в шутку всю эту нелепую историю с распиской. В результате пришли к следующему: молодые срочно регистрируются (чтобы выбить почву из-под ног противника), жить они будут на квартире в Давыдково, куда родители привезут им часть мебели, свадьбу договорились отложить на осень. Если скандала все-таки не удастся избежать, надо постараться выйти из него с наименьшими потерями, для чего использовать все возможные связи. Расписку решили оспорить, при необходимости, через суд.

В конце разговора Олег Кириллович достал из бара бутылку «Столичной» и хрустальные бокалы, стоявшие за фужерами. Наполнил их и сказал:

— За выздоровление мамы! — кивнул он в сторону комнаты Нины Михайловны.

Выпили не чокаясь, как на поминках.

7

Подцыбин по экстренному вызову явился в кабинет к начальнику курса Максякину. Открыв дверь, он сразу увидел киевлянку, неуклюже сидящую на диване со своим припухлым животом, и рядом — Валентину Сергеевну. Макей сидел за столом насупившись и барабанил пальцем по кожаной папке.

— Вызывали, товарищ подполковник? — спросил Михаил. Посмотрев на строгое лицо Дзержинского на портрете, заметил, что у Макея было точно такое же выражение.

— Курсант Подцыбин! К вам тут граждане из Киева.

Михаил подчеркнуто поклонился женщинам.

Те молча смотрели на него и ждали.

— Просимо, зятек дорогой, — процедила Валентина Сергеевна.

— Присаживайся, Подцыбин! — произнес Макей сухо.

— Спасибо, — сказал Михаил и положил перед Максякиным глянцевоое свидетельство о браке.

Валентина Сергеевна замерла. Макей взял одной рукой свидетельство, другой достал платок и вытер лысину.

— «Гражданин Подцыбин Михаил Иванович, — прочитал он. — Гражданка Авостина Тамара Олеговна... заключили брак двенадцатого мая... сего года... о чем в книге регистрации актов... произведена запись номер...» Вот так, гражданочки. — Максякин посмотрел на Тамару. — Помочь вам ничем не могу. Двоеженство у нас запрещено законом.

Вернул свидетельство Михаилу.

Нависла и округлилась тяжелая пауза. Подцыбин услышал, как зажужжал комар. Он заметил, как прикусила губу и опустила голову Тома, и, не успев понять, что с ней, увидел, как та вдруг беззвучно соскользнула с дивана на пол.

— Доченька! — вскрикнула Валентина Сергеевна, бросаясь к ней.

Михаил тоже подскочил к Томе и, поднимая ее вместе с Валентиной Сергеевной, вдруг нутром ощутил, что поднимает не какое-то постороннее ему существо, а все-таки близкое, родное, родное объективно, независимо ни от каких обстоятельств, интересов, брачных свидетельств и прочих формальностей, близкое ему, вот и все. И то, что поднимает он ее не одну, а сразу двоих. И второе существо, которое так явственно ощутилось в тугом животе, тоже было в этот момент его жертвой: словно он нанес удар в этот податливый, беззащитный, теплый живот... От головокружения он сел на диван.

— Отойди, изверг! — закричала Валентина Сергеевна. — Доктора! Доктора! «Скорую»!

— Сейчас! У нас здесь есть медчасть, — накручивал диск телефона Макей.

— Ничего не надо, мама, — слабо проговорила Тамара и села. — Все прошло. Дайте воды.

Подцыбин кинулся к графину и подал стакан.

Судорожно отпивая воду, она смотрела на него и говорила прерывающимся голосом в промежутках между глотками:

— Спасибо, Мишенька! Наконец-то ты меня просветил. Показал, с кем я дело-то имею. Да такое чудо не то что в мужья, а и близко подпускать к себе нельзя. Так что можешь быть спокоен.

Не нужен ты мне. Счастья тебе желаю. Но только чтобы я не видела тебя никогда. — Она отдала стакан матери, открыла сумочку и достала расписку. — И денег мне твоих не надо, — Порвала листок и отбросила в сторону.

— С ума, что ли, сошла?! — воскликнула мать.

— Ничего мне от него не надо, — отрезала Тамара.

Тут вбежала медсестра и принялась хлопотать рядом с ней.

— Сейчас, детка, сейчас! — Она достала из сумочки с аптечкой несколько флаконов.

Михаил устало отвернулся от женщин, и его потерянный цветущий взгляд встретился с успокоившимися глазами Макея.

— Я свободен, товарищ подполковник? — спросил он.

— Иди, иди. Только подбери мусор, — показал Макей на обрывки расписки на полу.

Подцыбин собрал клочки и, положив в карман, вышел.

Вечером, когда Михаил приехал к себе в Давыдково, дверь открыла его новоиспеченная законная жена.

— Не в духе?

Вместо ответа он достал из кармана и протянул в горсти то, что осталось от расписки.

— Что это?

— Сложи и прочитай.

Он поставил дипломат, переоделся в домашнее и пошел на кухню ужинать. На столе стояли слегка повядшие пионы и начатая накануне бутылка мадеры.

— Тебе налить? — крикнул он ей в комнату и, плеснув золотистой жидкости в бокал, ждал ее ответа.

— Это что, та самая расписка? — воскликнула она, входя.

— Она самая.

— Значит, победа? Надо отметить. Наливай!

Михаил налил и ей. Выпили.

— Как же это тебе удалось? — спросила она, облизнув языком губы.

— Очень просто. Предъявил наше свидетельство о браке. Она сказала, что такой подлец ей в мужья не нужен. И деньги мои тоже. И порвала расписку.

— Так что же, у них больше нет к тебе никаких вопросов? И все проблемы отпали?

— Надеюсь, — сухо ответил Михаил.

— Наливай еще по одной!

Выпили.

— А что же ты такой мрачный? У тебя радость.

— Просто так. Впечатление тяжелое осталось. Знаешь, когда при тебе беременная женщина падает в обморок, а потом говорит такие слова...

— А-а. Так она там истерику закатила?

— Ну а ты как думаешь? Разве у вашего брата без этого бывает?

— И ты, конечно, сразу ее пожалел?

— Пожалел, — ответил Миша.

— Ишь! Рассиропился! А еще мужик. Ну и езжай к ней в Киев!

— Ну и поеду! — сказал он зло.

Тома резко встала и хотела выйти. Михаил попытался обнять ее. Она вырвалась.

— Не трогай меня! Отправляйся к своей дуре!

— Не надо про нее так говорить...

— Ах, так!! — Тамара с расширенными зрачками выскочила из кухни, и он услышал резкий щелчок входной двери, а еще через минуту, выглянув в окно, увидел, как она вышла из подъезда и направилась к автобусной остановке.

8

Через две недели в приемную союзного министра пришло письмо от Валентины Сергеевны, где подробно излагалась история ее дочери. Она не выдвигала никаких требований, но просто выражала надежду, что руководство само разберется. Усилиями Авостина это письмо было переслано в школу, где решено было обсудить поступок Подцыбина на комсомольском собрании. Олег Кириллович при этом намекнул Макею, что не стоит раздувать дело, поскольку оно по сути уже исчерпано. Подцыбин заверил сокурсников, что не бросит ребенка и будет в соответствии с законом ему помогать. Комсомольцы, кое-кто из которых уже бывал в подобного рода ситуациях, лишь чуть-чуть не дошедших до данной степени остроты, не стали выносить Михаилу никакого взыскания и ограничились просто обсуждением.

На защиту диплома Подцыбин явился в приподнятом настроении. Борис Александрович, по непонятным для Михаила причинам, вдруг оказался такой скотиной и не защитил его от нападок дотошного полковника Закаблукова, толстого, лысого мужика с апоплексического цвета затылком, что привело к снижению оценки, так что обещанные Босом красные корочки упархивали от Михаила, поблескивая издали своим радужным переплетом. Но все же он не был сильно огорчен и считал, что

кривая его вынесла, как говорится, на чистый простор и дальше все будет радужно и прекрасно.

Не без помощи тестя Подцыбин получил весьма выгодное назначение и уехал работать под видом сотрудника торгпредства в Сингапур. Его мечта спорхнула с выцветшей репродукции в Давыдково и, пролетев через континент, приземлилась в терпко-пряной и даже отдающей слегка тошнотворной гнильцой бананово-лимонной реальности. В Сингапуре Подцыбин занимался оформлением торговых сделок. Это в официальном плане. А на самом деле участвовал в приемке и передаче секретных грузов. Работа непыльная и не связанная, как ему казалось, с каким-то уж очень большим риском. Их с Тамарой жизнь в бытовом отношении была вполне сносной, хотя нельзя сказать, что уж слишком шикарной, и в этом смысле их голубая мечта существенно поблекла за четыре экваториальных года. Тома уже прорабатывала план перевода мужа поближе к Европе на какие-нибудь базальтовые Канары и допекала им отца. Михаил, которому его однокурсник Кустяко во время своей командировки в Сингапур сообщил, что у того родился сын в Киеве, о чем он узнал от Макея, аккуратно посылал алименты, заботясь не столько о своем единственном ребенке, сколько о том, чтобы Валентина Сергеевна не подняла нового скандала.

Когда они с Кустяко прогуливались по пальмовой набережной Сингапура, тот по старой дурной привычке спросил Михаила:

— Хочешь анекдот, свежий, из Москвы?

— Политический? — ухмыльнулся Подцыбин.

— Разумеется. — Кустяко оглянулся по сторонам и начал: — Леонид Ильич на даче выходит утром на балкон и видит: солнце сияет. Обращается к нему: «Доброе утро, солнышко!» Солнце в ответ: «Доброе утро, Леонид Ильич». Брежнев подышал воздухом и возвратился в комнату работать. После обеда снова вышел на балкон. Смотрит, солнышко уже в зените. Приставил ко рту ладошки трубочкой и: «Как дела, солнышко?» Солнышко отвечает сверху: «Отлично, Леонид Ильич». Брежнев оглядел кругом леса, поля и вернулся свою «Малую землю» писать. Заработался до вечера. Вышел на балкон. Смотрит, солнышко к горизонту клонится. Помахал рукой: «Спокойной ночи, солнышко!» А солнышко в ответ: «Чтоб ты сдох, старый пень! Не видишь, я уже на Западе».

Подцыбин с Кустяко оглянулись — никого поблизости не было, — потом захохотали.

— Ну, а мы с тобой где? — спросил Подцыбин. — Пока еще на Востоке?

Кустяко ничего не ответил и спрятал глаза...

Первого августа, на четвертый год пребывания в Сингапуре, советник торгпредства Подцыбин бесследно исчез. Он вышел в девять ноль-ноль из квартиры и направился на работу, но в представительство не явился. По словам жены, она не заметила тем утром в его поведении ничего особенного. Настойчивые поиски посольства, торгпредства, полиции ни к чему не привели. Тамара вынуждена была вернуться на родину одна.

Олег Кириллович встретил дочь мрачный и настороженный. У него были неприятности на службе.

— Существует подозрение, — сказал он, — что этот мерзавец переметнулся на Запад.

— Папа, как ты можешь? Ведь нет же никаких сведений. Говорят, что без вести пропал.

— Еще объявится, — буркнул генерал. — Что разodelась, как на бал?

— А что, моя жизнь разве кончилась? Я понравиться хочу.

Узнав о случившемся, Иван Филатович стал обращаться в разные инстанции, настойчиво требуя внести ясность: что с его сыном? Ему было не по себе от намеков об измене. Ведь может, он просто погиб или находится в плену и надо его выручать. В ответ он получал невразумительные отписки, что вынуждало его только активнее действовать. Потому и попал в психушку.

9

На ноябрьские праздники киевская молодая мама с поволовы скрученными на затылке волосами что-то вязала около телевизора. Рядом, сложа ручки на коленках, уставился в экран бледнехонький четырехлеток-сын. Камера медленно показывала Мавзолей с глотающими зевки первыми лицами страны. В центре приветственно озубил обмякшую нижнюю челюсть Леонид Ильич. По одну сторону от него теснились маршалы, по другую — члены Политбюро. Камера наехала на строй молодых офицеров.

— Это наш папа? — скрючил в телевизор палец ребенок.

— Нет, не наш, — ответила мать, безразлично глянув поверх очков.

— А где он?

— Далеко. Я же тебе говорила.

— А он скоро приедет?

— Нет, не скоро. Он занят.

— А когда?

— Как выполнит задание. Он разведчик.

— А что такое разведчик?

— Это когда тебя засылают куда-нибудь к врагам.

— Каким врагам?

— Ну, даешь! Есть наша страна, где мы счастливо живем. А есть другие страны, где все живут плохо. И они хотят нашу страну захватить. А разведчик им мешает.

— Хочу быть разведчиком! — подскочил золотушный ребенок.

— Боже упаси! — ахнула появившаяся в дверях Валентина Сергеевна в цветастом пиджачке и брючках-клеш.

— Подрасти сперва, — произнесла Тамара, ловко работая спицами.

На экране, сменяя друг друга, ползли танки с чуть ли не задевающими брусчатку пушками, боевые машины пехоты с задранными в небо птурсами, тягачи с обрызгшими ракетами. Леонид Ильич стоял на трибуне и, морщась, махал солнышку. Оно стояло в зените.

10

Как-то в затененном кабинете Олега Кирилловича, чудом удержавшегося в генеральском кресле после истории с зятем, раздался протяжный звонок.

— Авостин, — сухо сказал он в трубку.

— Это Подцыбин, — раздалось на другом конце провода. — Халлоу!

— Мишка, что ли?

— Майкл.

— Объявился, значит... — задумался он и, словно спохватившись, нажал на кнопку под крышкой стола.

Зажав рукой микрофон, бросил сразу появившемуся в дверях холеному лейтенанту:

— Срочно установить, откуда звонят. Лейтенант исчез.

— А вы думали, я уже все, каюк? — звучало из трубки.

— Да так-то я и не думал, — Олег Кириллович отпустил микрофон.

— Кириллыч! У меня к вам дельце.

— С такими подонками, как ты, я дел не имею!

— Зря. Зря так, не дослушавши...

— Откуда звонишь?

— Вам доложат.

И точно. В дверях снова появился лейтенант и, быстро прошагав по паркету, положил на стол листок.

«На проводе о. Пальма, Канарские острова», — прочитал генерал и замахал рукой холеному. Тот удалился.

— Далековато забрался... — вновь заговорил Авостин.

— Ну, вы же грозились меня сослать на канальские острова. Вот я там и оказался, — в трубке засмеялись.

— Мерзавец!

— Тестюшка...

— И ты еще посмел?!

— Короче. Нужно переправить ко мне сына.

— Какого сына?

— У меня он один. В Киеве.

— И у тебя рот открывается, чтобы я... — Могучий лоб генерала покрылся испариной.

— Именно.

— Вот каналья!

— Олег Кириллыч! Если вы не поможете мне, то маленький документально подтвержденный листочек ляжет на стол чуть выше вашего...

— Какой еще листочек?

— А что же вы думаете, я все эти годы баклуши бил?

Олег Кириллович хотел бросить трубку, но какая-то профессиональная осторожность помешала.

— И что там начиркано?

— Интим вашей дочери.

Авостин проглотил сухой комок в горле. То, что его дочь переспала с южно-корейским атташе, он знал по своему особому каналу, но того, чтобы об этом могли узнать и другие, он позволить никак не мог.

— Шутник ты, Миша! — генерал искривился.

— Как будем договариваться? Недельку даю на обдумывание...

Запикало.

В том, что из всего этого добра не будет, сомневаться не приходилось. Перед генералом вдруг встала тяжкая задача. Прямо хоть сам езжай в Киев, выкрадывай ребенка и вези в багаже через границу. Иначе...

Он потянулся, открыл потаенную дверцу стенного бара. Звякнул бутылкой горилки. Лупанул один стакашек. Другой. Долго курил, пуская кольца зыбкого дыма. И потом проговорил:

— Иного выхода не вижу. Придется убрать и дочь... А то на старости лет сам угодишь на острова, те самые — КАНАЛЬСКИЕ...

Павел АМНУЭЛЬ
**ЧИСТО НАУЧНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

— Извините, я могу поговорить с миссис Джефферсон?
— Говорите.
— Мое имя Джонатан Бернс, я работаю... работал вместе с...
— Я о вас слышала, доктор Бернс. Ник... рассказывал.
— Вот как... Это облегчает... Понимаю, миссис Джефферсон: вам сейчас не до того, чтобы...
— Хотите поговорить о Нике?
— Могу ли рассчитывать...
— Конечно, я все время о нем думаю, вы его знали, хочу о нем говорить, пожалуйста, приезжайте прямо сейчас, знаете адрес? Лихай-роуд, восемнадцать, второй этаж, позвоните на мобильный, когда приедете. Я открою, звонок отключен, потому что... вы понимаете... Пожалуйста, приезжайте, доктор Бернс.

* * *

С Бернсом разговаривал детектив Сильверберг. Он последовательно опрашивал сотрудников кафедры, начав с Нобелевского лауреата Джона Ховнера, для которого реальный мир был лишь голографической записью на поверхности пятимерной сферы, а потому относился профессор к проблемам мироздания — от мировых до личных — с олимпийским спокойствием, полагая, что ни к чему проецировать на и без того максимально заполненные квантовые области еще и собственные эмоции.

Детектив вышел от профессора ошарашенный свалившейся на него информацией и потому с остальными сотрудниками разговаривал, будучи в состоянии извиненном и в чем-то даже неадекватном. В кабинет к Бернсу Сильверберг вошел без стука минут за пятнадцать до конца рабочего дня, будучи уверен, что если не поторопиться, то ровно в пять физик сбежит домой и придется прийти на следующий день: кошмар, которого детектив хотел избежать.

Опустив не только приветствие, но и положенные в таких случаях биографические детали, Сильверберг спросил без околичностей:

— Доктор Бернс, где вы были во второй половине дня пятницы, восемнадцатого октября?

Бернс, занимавший последний по коридору кабинет, домой не собирался, времени у него было достаточно, жену он просил

заехать за ним в половине восьмого: они собирались на празднование дня рождения Розетты, любимой племянницы Бернса, родившейся в момент пуска межпланетной станции к комете Чурюмова-Герасименко и потому названной в честь этого замечательного научного события.

— Присядьте, детектив, — буркнул Бернс, с сожалением закрыв программу, предварительно, конечно, записав в файл полученные результаты. — Я удовлетворю ваше любопытство, но, бога ради, скажите толком, как умер Николас, по факультету ходят слухи один нелепее другого!

— Я задал вопрос... — агрессивно начал Сильверберг, но смешался под доброжелательным взглядом Бернса, впервые за весь долгий день увидел себя со стороны, мысленно назвал профессора Ховнера старым ослом, досчитал до десяти и произнес совсем другим тоном: — Прошу прощения, доктор, у меня был тяжелый день. Вы не представляете, что это такое: разговаривать с людьми, помешанными на науке. Никогда не думал...

Он не нашел нужного слова, сел наконец в предложенное ему кресло, расслабился и без внутреннего сопротивления встретил реплику Бернса:

— Так ведь и мои коллеги никогда не разговаривали с человеком, помешанным на преступлениях...

— Я не...

— И они не... Уверяю вас. Так что там с доктором Гамовым? Я слышал о трагическом случае, но если этим занимается уголовная полиция и детектив спрашивает, где я был в момент смерти Николаса, значит, вы предполагаете... — Бернс помедлил, ему очень не хотелось произносить слово, но синонимов он искать не стал и закончил: — Николаса убили?

— Я вижу бутылку «Спрайта» на подоконнике, — проговорил детектив, вспомнив только сейчас, что не ел и не пил с десяти утра.

Бернс поднялся, налил напиток в одноразовый стаканчик, достав его из нижнего ящика стола, налил и себе в большую фарфоровую чашку с изображением формулы, показавшейся Сильвербергу недоступной для понимания, а на самом деле самой простой из всех формул квантовой физики: это было всего лишь уравнение Шредингера.

— Можно еще?

— Конечно. Хотите кофе?

Сильверберг подумал, что кофе хорош был бы после ужина, и покачал головой. Раздражение, вздувшееся до непомерных

размеров после бессмысленных разговоров с физиками, растворилось в «спрайте», и детектив доверительно произнес:

— Я ничего не имею ни против вас, доктор Бернс, ни против ваших коллег. Но я обязан задать определенные вопросы, даже если они не имеют смысла.

— Так это правда, что Николаса убили?

— Есть такая версия. Есть другая: несчастный случай. Есть третья: самоубийство. Все три — чушь. А других нет.

Бернс молча ждал продолжения, глядя на детектива участливо и печально.

— Тело обнаружили вчера вечером, в половине восьмого. Вы знаете, конечно, что доктор Гамов не вышел вчера на работу, не отвечал на звонки и на электронную почту?

— Не знал. — Физик смотрел на детектива без смущения и не собирался продолжить фразу.

— Но ваши кабинеты рядом, вы не могли не обратить внимания, что доктор Гамов отсутствовал.

— Я не обратил внимания, — спокойно произнес Бернс. — Вряд ли я услышал бы, если бы в коридоре взорвали бомбу. Нет, пожалуй, бомбу я все-таки услышал бы, но... Короче, детектив, вечером в воскресенье я неожиданно понял, как решить проблему Джейсона-Кригера, ночью в голову пришла конкретная идея... я постарался ее запомнить, а вчера весь день только этим и занимался. Закончил под вечер и ушел домой.

— Когда?

— Видимо, часов в семь. Когда я вернулся, Грета сказала, что начался ее любимый сериал, и возьми, мол, ужин сам. Да, это было в начале восьмого... Я удовлетворил ваш интерес, детектив?

Сильверберг не ответил.

— Может, вы все-таки скажете, что произошло с Николасом?

— А вы не знаете? На факультете с утра полиция...

— Предпочитаю надежную информацию, а не слухи, — чопорно произнес Бернс.

— Ну да. Надежную. Пока можно быть уверенным в следующем. В половине восьмого... как раз когда вы ужинали, доктор Бернс... дверь в квартиру доктора Гамова вскрыли.

— Почему? Я тоже, бывало, не выходил на работу, не отвечал на звонки... Когда увлечен проблемой, можешь забыть обо всем на свете.

— Резонный вопрос, доктор. Сосед доктора Гамова...

— Клаус? Он живет в квартире напротив.

— Клаус Мастерсон, да. Вечером, вернувшись домой, он по-

чувствовал еще в холле запах газа и позвонил сначала в дверь соседа, а потом, не получив ответа, в службу спасения. Попытался дозвониться до доктора Гамова, безрезультатно, спасатели быстро выяснили, что с утра доктор никак себя не проявлял. Тогда было получено разрешение вскрыть квартиру. Там невозможно было дышать от газа — хорошо, что не произошло замыкания, все могло взлететь на воздух.

— Николас погиб от удушья?

— Нет, легкие у него были чисты, квартира заполнилась газом уже после его смерти. Тело нашли в кухне, рана в затылке...

— В затылке? Но...

— Вот именно. Но. Рядом с телом лежал кухонный секач. Ну, вы знаете, на вашей кухне, наверно, есть такой же для разделки мяса.

— М-м... Не знаю, кухней занимается Грета.

— Неважно. Удар был нанесен именно этой штукой. Ударить себя самого доктор Гамов никак не мог.

— Несчастный случай?

— Первая версия. Невероятно. Секач лежал рядом с телом, причем в таком положении, что не мог выпасть из руки доктора. Кто-то должен был размахнуться...

— Кто-то? Так это все-таки убийство?

— Никто не мог убить доктора Гамова. — Сильверберг произнес фразу, в реальность которой не верил, но в компетенции экспертов не сомневался. — Входная дверь, как я уже сказал, была заперта на два замка. Следов взлома нет. Два окна на улицу закрыты и заперты на шпингалеты, рамы двойные. В туалете и в ванной окна маленькие, но и они закрыты и заперты изнутри. Квартира закупорена — потому и наполнилась газом. Доктор Гамов, видимо, собирался готовить, открыл вентиль и, вероятно, собирался нажать на кнопку, чтобы высечь искру. Не успел.

— Ужас... — пробормотал Бернс. — Кошмар. Когда это... Сколько времени он там...

— Пролежал? Эксперты говорят — это предварительные сведения, поэтому не очень точные, — что смерть наступила в пятницу между полуднем и шестью часами вечера. Аутопсию еще не проводили... извините за подробности... но, поскольку доктор Гамов, похоже, собирался готовить ужин...

— Мясо?

— Вы обратили внимание! Нет, на столе овощи, масло... Секач ему был совершенно не нужен. Так я о том, что доктор

собирался готовить ужин. Следовательно, время было скорее ближе к шести.

— В пятницу?

— В пятницу. В субботу и в воскресенье вы не пытались позвонить доктору Гамову? Отправить электронное письмо?

Бернс поднял на детектива удивленный взгляд.

— Вы наверняка знаете, что нет. Вы же проверили входящие звонки? И почту в компьютере?

— Да, — кивнул Сильверберг. — Вы ему не звонили. Последний ваш разговор по телефону состоялся...

Детектив сделал паузу.

— Вы же знаете, — буркнул Бернс. — В среду под вечер. В четверг мы встретились в коридоре, кивнули друг другу. Больше не виделись.

— О чем говорили в среду?

— Это важно? Я спросил, получил ли он извещение о семинаре, где намечался доклад Вайнберга, интересный нам обоим. Да, сказал он, получил, и мы договорились поехать вместе на моей машине. Мы всегда так делали.

— Когда семинар?

— Какая теперь разница? В четверг.

— Никакой разницы, — согласился Сильверберг.

— Бред какой-то. — Похоже, Бернс только сейчас начал понимать, насколько невероятно произошедшее с Гамовым. — Загадка запертой комнаты в самом классическом варианте. Так не бывает! Что-то тут не то, детектив! Вы не все говорите!

— Есть сугубо технические детали, ничего не меняющие в общей картине, — вздохнул Сильверберг.

— Загадки запертых комнат — трюк для книжек и фильмов, — продолжал настаивать Бернс. — В реальности они легко отгадываются. Комната или была открыта в момент... м-м... трагедии, или преступление произошло в другом месте, а... его потом перенесли...

— Нет-нет! — Детектив поднял руки, будто защищался от хлынувшего на него потока нервной энергии Бернса. — Вы правы, конечно, и первым делом мы проанализировали обе эти возможности. Не проходят. Не хочу утомлять вас деталями, да и не имею права. Можете поверить — нет.

После недолгой паузы он добавил:

— Извините, доктор, что отнял у вас время.

Детектив встал, отряхнул брюки, хотя на них не было ни крошки, пробормотал что-то вроде «до встречи» и направился к двери, оставив Бернса в глубокой задумчивости. Думал Бернс,

однако, не об ужасной судьбе Гамова, а о том, за каким чертом полицейский подробно описал картину трагедии. В обед он слышал, как о нашествии копов рассказывали в кафетерии. Насколько он понял, детективы были очень скупы на слова, спрашивали, пытали, но сами информации не выдавали. Почему же...

Сильверберг остановился у двери, обернулся и сказал:

— Собственно, есть просьба. Мы сняли с компьютера доктора Гамова жесткий диск. Информацией личного характера занимаются наши эксперты. Но там еще черновики исследований, научные статьи, копии журнальных публикаций, книги по физике... В общем, наука, в которой наши эксперты... Вы понимаете. А просьба вот в чем: не могли бы вы просмотреть все это? Чисто научная экспертиза. Если вы согласитесь...

— Да, безусловно!

— ...Вам скинут на электронную почту документ о сотрудничестве. Разумеется, работа будет оплачена в размерах, установленных...

— Я уже сказал: да.

— Прекрасно, — завершил разговор детектив Сильверберг и закрыл за собой дверь.

* * *

— Входите, пожалуйста. Доктор Бернс? Я вас узнала. Не удивляйтесь: видела на фотографии, Ник показывал в телефоне: на вечеринке у профессора Бирджеса, вы там рядом с ним и еще с одним физиком...

— Да, с Вингейтом, помню.

— Садитесь сюда. У меня не прибрано, нет сил... желания тоже.

— Неважно. Простите, что...

— Не надо извиняться, доктор Бернс.

— Джонатан.

— Хорошо, Джонатан, зовите меня Габи. Вы хотите поговорить о Нике, я тоже. Все эти дни... Я хочу говорить только о нем.

— К вам приходили детективы, Габи?

— Один. Это было ужасно. Задал множество вопросов — некоторые по десять раз: что я делала в пятницу, где, с кем...

— Алиби.

— Господи, как бы я хотела, чтобы у меня не было этого проклятого алиби! Чтобы я была в тот момент с ним! Тогда Ник был бы жив! При мне ничего не могло случиться!.. Что будете пить, Джонатан? Виски, скотч, вино?

- Можно чаю? С лимоном?
- Конечно. Лимона нет, простите. Сахар?
- Одну ложечку.

— Налью себе тоже. Вы были дружны с Ником, Джонатан? Часто виделись? Ваши кабинеты рядом, Ник мне рассказывал. Каким он был для вас?

— Мы не так уж дружили, если говорить о чисто человеческих отношениях.

— Берите печенье, оно с вишней. Вы бывали на факультетских вечеринках, встречались с Ником у него дома...

— Спасибо. Вкусно, да. Встречались очень часто, но... как бы вам сказать... дружбой это назвать было нельзя. Мы почти не говорили о личном. Наши разговоры всегда были о науке. Он был замечательным физиком.

— Я ничего в этом не понимаю. Нам было о чем говорить, кроме науки. Правда, были темы... вроде табу. Я как-то спросила Ника о его жене... бывшей. Он сделал вид, что не расслышал, и я больше никогда...

— Розалин... При жизни Николаса я бы тоже не стал... Но его нет, и... Собственно, она его бросила. Ради другого мужчины.

— И даже на похороны не приехала.

— Вы не знаете? Розалин умерла года три назад. Рак.

— Вот оно что... Не знала. Ник не рассказывал вам, как мы познакомились?

— Нет.

— Случайная встреча, я торопилась на самолет, Ник прилетел, мы столкнулись на стоянке. Как в голливудских фильмах, которые я терпеть не могу. Посмотрели друг другу в глаза, он что-то сказал, я что-то ответила...

— И опоздали на самолет?

— Нет, успела. Мы договорились встретиться через неделю, так все и началось.

* * *

Полицейские эксперты поработали с жестким диском, прежде чем передать информацию Бернсу. Не оставили ничего, кроме папок с черновиками работ, статьями, расчетами, программами — наука, ничего больше.

А все-таки: что произошло в пятницу? Что известно полиции и о чем детектив Сильверберг не хотел распространяться? Тайна следствия. Закрытая комната. Об этом интересно читать в детективах, но когда такое случается в жизни, значит: или полиция что-то скрывает, или какие-то улики остались

незамеченными. С другой стороны, это очень маловероятно. Эксперты наверняка исследовали в квартире каждый квадратный миллиметр, нашли каждый волос или каплю пота, не принадлежавшие Николасу, и сейчас этим занимается другой детектив, не Сильверберг; кого-то допрашивает, а кого-то, может, уже и задержали.

Секач. Да, висел секач на доске, там еще два или три больших кухонных ножа висели, точно Бернс не помнил, не обращал внимания, хотя довольно часто бывал у Николааса.

Зачем полиции экспертиза научных работ? Ну, узнают они, что Гамов работал в последнее время над проблемой стрелы времени. Очень интересная проблема, едва ли не самая сложная и важная в современной физике, но что до нее копам?

Для проформы? Надо назначить разные виды экспертиз, в том числе научную, раз уж в компьютере множество файлов сугубо научного свойства и что-то надо по этому поводу написать в отчетах. Да, но как объяснить полицейским, ничего не смыслящим в физике, потрясающее изящество работ, помещенных в папке «Расширение вариантности в стреле времени»?

Скажем, можно начать так. «Из второго начала термодинамики известно, что энтропия замкнутой системы может только возрастать»... Не поймут, хотя эту фразу можно прочитать в любом учебнике физики. Надо иначе.

Пальцы Бернса отстукивали текст, а он мысленно тем временем раскручивал спираль рассуждений, оттолкнувшись от вступительной части, написанной Николасом еще в прошлом году. Энтропия... Для полицейских надо написать: мера порядка в физической системе, такая терминология им более понятна. Если системе предоставить самой себе, порядок в ней может только уменьшаться, а беспорядок возрастать. Полиции это известно: если на улицах не убирать мусор, то через неделю по городу невозможно будет ни проехать, ни пройти.

Хороший пример. Только Николаса интересовала энтропия не города, не страны и даже не континента. Он занимался энтропией Вселенной. Стрелой времени. Пытался, как многие до него, ответить на вопрос: почему все физические процессы теоретически не зависят от направления времени, а в реальности мы все движемся из прошлого в будущее, и никак иначе?

Года еще полтора назад Гамов подсел к Бернсу в кафетерии и задал странный вопрос: «Как по-вашему, Джонатан, почему в древности было так много пророков, а сейчас будущее предсказывают одни шарлатаны?» Дожевав сэндвич (не отвечать же с набитым ртом, да и вопрос надо было обдумать — просто так

Гамов обычно ничего не спрашивал), Бернс ответил, как ему показалось, четко и обоснованно: «С чего вы взяли, Николас, что пророки древности предсказывали верно? Не помню, сколько их было в Библии, но разве что-нибудь, ими предсказанное, сбылось?» Гамов усмехнулся и произнес фразу, которую Бернс счел «шуткой юмора». «Конечно, сбылось, ведь дороги в те времена были гораздо уже нынешних, по ним проще было ездить».

Дороги? Вернувшись к себе, Бернс какое-то время обдумывал сказанное, потом, естественно, отвлекся и забыл. Сейчас, читая заметки, записки, обрывочные расчеты, недоведенные до ума уравнения и прочие продукты мыслительной деятельности Гамова, Бернс вспомнил давно забытый разговор в кафетерии. Николас не выразился яснее, хотя и мог, он не сказал в тот день больше ни слова о работе, которой посвятил весь последний год. Но намек был вполне основательный, и, не будь голова Бернса забита совсем другой проблемой, он мог, да что там «мог» — обязан был уже тогда сопоставить все, что сказал Николас, с его прежними работами по стреле времени и энтропии Вселенной.

Как объяснить полицейским экспертам? И нужно ли?

* * *

— Вы знали его жену? Знали, почему они развелись?

— М-м... очень мало. Когда я получил ставку на факультете и переехал в Колледж-Парк, они уже не жили вместе, Ник снимал квартиру на Сэнд-роуд, вскоре переехал на Прейнкерт-драйв, а Розалин уехала в Европу... Миссис Джефферсон...

— Габи.

— Габи, если вам трудно говорить о Нике...

— Я хочу о нем говорить! Иначе сойду с ума. Простите, Джонатан, я сейчас...

— Мне тоже его не хватает. наших споров. Его четкой мысли. Как все это нелепо!

— Не могу поверить! Не могу! Так не должно быть в жизни, Джонатан! И эти намеки... Будто Ник... будто он сам...

— Ну что вы! Он физически не мог, следовательно сказал это совершенно определенно.

— Конечно, нет! То есть да. Ник не собирался, но как иначе...

— Несчастный случай.

— Случай, говорите? Я вам скажу. Когда мы познакомились... то есть вскоре... у меня обнаружили болезнь Гоше. В фазе очень быстрого развития. Сейчас я здорова. А Ника нет. И вы хотите сказать, что это случайно?

* * *

Пятого сентября 1906 года великий физик Людвиг Больцман повесился на оконном шнуре в итальянском городе Дуино. Причиной самоубийства стала депрессия, которую в те годы не могли лечить, а причиной депрессии коллеги Больцмана и его близкие долгое время считали весьма прохладное, если не сказать больше, отношение научного мира к теории, которой Больцман посвятил жизнь, — статистической физике. Впрочем, чтобы снять с себя часть предполагаемой вины, физики поговаривали, что Больцман не выдержал моральных мучений из-за того же собственного вывода, что Вселенную в конце концов ждет тепловая смерть. Все в мире движется к распаду, к хаосу, это однозначно следует из второго начала термодинамики. Стремление к упорядочиванию противоречит законам природы. Мироздание умрет, растворится в полном и вечном беспорядке. Всё сущее ждет смерть. Хаос овладеет миром...

Картина эта стояла перед мысленным взором Больцмана, и нервы его не выдержали.

Вчитываясь в строки, написанные Николасом, всматриваясь в значки формул и ряды уравнений, Бернс думал о том, не произошла ли с Гамовым та же история, что с Больцманом. Мог ли Николас впасть в депрессию, как его великий коллега? И по той же, в сущности, причине. Хотя, конечно, Николас понимал Вселенную на гораздо более высоком уровне, чем Больцман. За столет физика ушла далеко вперед, но и назад вернулась тоже — к тем же проблемам, от которых съехал с катушек Больцман. Новый виток спирали, да.

«Чего от меня ждут полицейские?» — думал Бернс, медленно перемещая по экрану текст, прочитанный уже несколько десятков раз. Им все равно, какая тут физика. Им все равно, решил Гамов проблему стрелы времени или отступил перед ее сложностью. Им нужен мотив. Среди трех возможностей — самоубийство, несчастный случай, убийство — они, похоже, склоняются к первой версии, хотя и ее считают невероятной. Как говорил Холмс: «Среди всего, что невозможно, выберите то, что всего лишь невероятно, это и будет истиной». Несчастный случай? Невозможно. Убийство? В комнате, которая была абсолютно надежно заперта? Значит, остается невероятное: Гамов исхитрился нанести себе удар, и пусть эксперты ломают голову, как ему это удалось.

А мотив? Полиция разобралась, конечно, в личных обстоятельствах Николаса. Розалин умерла три года назад. Разлад с ма-

терью произошел еще раньше — да и вообще, кто кончает с собой из-за раздора с родителями? В детстве такое случается. Но чтобы взрослый мужчина, ученый, доктор...

У Николаса была женщина. Он рассказывал. Можно было понять — и Бернс понимал именно так, — что все у них в порядке. Женщину звали Габриэль Джефферсон, больше о ней Бернс не знал ничего, но ему достаточно было посмотреть Николасу в глаза, увидеть выражение лица, когда тот произносил это имя и говорил: «Прости, Джонатан, сегодня вечером мы с Габи будем в опере, так что отложим дискуссию на завтра».

Бернс еще и еще раз перечитывал тексты. Он знал, почему Николас мог бы покончить с собой. Если бы дело происходило не в двадцать первом веке, а в начале двадцатого. Если у Николаса была бы такая же расшатанная нервная система, как у Больцмана. Если бы физика находилась на том же уровне, что век с лишним назад.

Но сейчас... Глупо.

Глупцом Николас не был. Не было у него и депрессии. Бернс встречался с ним почти ежедневно. Много часов они провели, обсуждая проблемы физики струн и супербран. И стрелы времени, конечно. Ум Николаса был, как всегда, ясен, настроение прекрасное.

Бернс начал писать экспертное заключение. Лучше бы написать статью в *The Physical Review*, но сначала нужно сделать две вещи: отчет для полиции и разговор с миссис Джефферсон. Женщина, ставшая непосредственной причиной смерти Николаса. Женщина, которая не подозревает об этом и никогда не узнает, потому что Бернс будет последним, кто ее просветит. Сейчас он напишет заключение, а потом позвонит миссис Джефферсон и договорится о встрече. Узнает то, что хочет узнать, чтобы поставить точку.

Конечно, Николас не думал уходить из жизни. Самоубийство исключено, как и несчастный случай. Как и убийство. Полиция выбирала из трех вариантов. А был четвертый.

Бернс глубоко вздохнул, и пальцы побежали по клавишам.

* * *

Представленная на мое рассмотрение информация — это черновики исследований, которые вел доктор Гамов на протяжении последних двух с половиной лет. На диске есть также несколько десятков папок, где записаны уже опубликованные статьи, расчеты и доклады (краткое изложение основных тезисов и выводов приводится в приложениях 1—24). Я подробно

остановлюсь на идеях и результатах, изложенных в черновиках, не подготовленных для публикации, поскольку именно эти идеи и результаты могли стать косвенной, а возможно, прямой причиной гибели доктора Гамова.

На протяжении последних десяти-двенадцати лет доктор Гамов занимался теоретическими исследованиями в области теории струн и квантовой теории времени. Целью работы было объяснить и описать существование так называемой «стрелы времени». Дело в том, что уравнения, описывающие элементарные физические процессы, инвариантны относительно направления времени — иными словами, любой физический процесс не зависит от того, движется ли время в будущее или в прошлое. Однако никто и никогда в реальности не наблюдал ни одного процесса, в котором время изменило бы направление своего движения. Мы живем в мире, движемся от прошлого к будущему, и никак иначе.

Почему?

Это принципиально важный вопрос — не только для физики, но и для философии, и для нашего существования. Объяснение обычно находили, используя понятие энтропии, то есть меры беспорядка в физической системе. Любая физическая система (а Вселенная тоже является физической системой) эволюционирует от порядка к беспорядку. Если у вас есть красивый, тщательно отделанный дом и вы предоставите его самому себе, то со временем он разрушится и превратится в груду камней. Никто никогда не видел, чтобы камни сами по себе со временем сложились заново в такой же красивый и тщательно отделанный дом. Это и есть увеличение энтропии: порядок постепенно заменяется беспорядком. Никто никогда не наблюдал обратного процесса.

Но как же, спросите вы, возникло все живое? Разве это не противоречит закону увеличения энтропии, стреле времени? Ведь человеческий организм возник в результате усложнения — от первичной клетки к бактерии и дальше к живому организму. Здесь нет противоречия. Общий хаос увеличивается, однако в небольших областях могут возникать флуктуации, такие как жизнь, разум. Если говорить в масштабах Вселенной, беспорядок возрастает. В конце концов и жизнь на нашей планете исчезнет, внося свой вклад в общий хаос.

Но из этого следует, что наибольший порядок существовал в тот момент, когда Вселенная возникла, в момент Большого взрыва. Тогда существовал идеальный порядок, энтропия Вселенной была равна нулю и могла только возрастать. Мирозда-

ние устремилось к хаосу, тогда и возникла стрела времени — движение от прошлого к будущему.

Это общеизвестно. Современная физика пытается описать, как это происходит на квантовом уровне. Такую задачу и решал доктор Гамов. Казалось бы, сугубо теоретическая проблема. Уравнения — не более того.

Но вернемся к началу времен. Когда в системе царит полный порядок, а мы при этом еще и знаем уравнения движения и состояния частиц, то можем однозначно предсказать, что произойдет в следующий момент времени. Представим, что явился пророк и сказал: будет так-то! Конечно, он окажется прав и пророчество сбудется обязательно, потому, что в то время существовал единственный путь развития системы, других просто не было.

Однако уже в следующее мгновение беспорядок увеличился, возник элемент хаоса. Появилось несколько возможных состояний, несколько путей развития. Будущее стало не таким абсолютно предсказуемым. Но вариантов все еще было немного, и новый пророк тоже мог с достаточной уверенностью предсказать, что произойдет с миром завтра или через неделю.

Хаос, однако, нарастал, и много времени спустя у мироздания уже было множество разных возможных состояний, множество разных путей развития.

Об этом и были последние работы доктора Гамова. Исходил он из принятого принципа возрастания энтропии во Вселенной и вычислял число возможных состояний системы, которую мы называем мирозданием.

Теперь — внимание. Все, сказанное выше, было вступительным объяснением сути последних работ доктора Гамова. Чтобы наглядно показать, как во Вселенной нарастал хаос, он привлек исторические данные, чего до него никто не делал. Физики — потому что не интересовались историей. Историки — потому что понятия не имели (и не имеют) о том, что такое квантовая механика.

Весь прошлый год доктор Гамов посвятил изучению исторических документов, а также материалов, к которым историки относятся (и правильно делают) с предубеждением и недоверием: это свидетельства пророков. Нострадамус — пример классический, но и кроме него были люди, рассказывавшие о будущем, каким они его «видели». Доктор Гамов исследовал каждый обнаруженный им случай и прежде всего старался «отсеять» шарлатанов, единственная цель которых — заработать деньги на невежестве обывателей. В результате в его «Каталоге

пророчеств» (папка «Пророки») оказалось 294 человека и 4967 сделанных ими предсказаний. Временной промежуток охватывал 4 тысячелетия — от первых пророков, описанных в Ветхом и Новом Заветах, до современных (напр., Кейси в XX веке и Дженкинс в XXI).

«Результативность» пророков и предсказателей сначала была близка к единице, но уменьшалась со временем, причем все быстрее и быстрее, а к семидесятым годам XX века число ошибочных предсказаний увеличивалось, как падающая с гор лавина.

Доктор Гамов рассчитал, что еще лет через пятьдесят (ничтожный срок в исторических, а тем более в астрономических масштабах) предсказывать что бы то ни было станет невозможно. Вывод этот касается не только самозванных пророков, но и уважаемых футурологов и прогнозистов. Каждый человек наблюдает это уже и «невооруженным глазом»: прогнозы футурологов не сбываются практически никогда, если речь идет о сроках больше трех-пяти лет. Все чаще ошибаются «профессиональные» предсказатели будущего: фантасты. Если в произведениях Жюль Верна содержалось около ста научно-технических прогнозов, 90 процентов которых оказались верными, то в современных фантастических романах прогностического направления (доктор Гамов, разумеется, исключил из рассмотрения произведения, авторы которых не ставили целью прогнозировать будущее) процент верных «пророчеств» устремился к нулю.

Начал доктор Гамов исследовать и астрологические прогнозы, однако работа осталась незаконченной, хотя по предварительным результатам можно сделать вывод, что и астрологические предсказания подчиняются общему закону увеличения энтропии — иными словами, становятся все хуже и неопределеннее.

Вселенная, как известно, существует почти четырнадцать миллиардов лет. Возникнув, мир развивался от порядка к хаосу, число вариантов развития постоянно увеличивалось, и что такое по сравнению с четырнадцатью миллиардами лет наши четыре тысячи? Одна десятиллионная часть! Представьте гору, по которой вы спускаетесь с вершины. Склон тянется на пару километров. Сумеете вы обнаружить уменьшение высоты, если обследуете десятиллионную часть склона, то есть одну десятую миллиметра пути? Нет, конечно. По идее, на протяжении человеческой истории увеличение энтропии Вселенной (и уменьшение точности предсказаний) должно быть незаметно — тем более при таком грубом рассмотрении, как изучение исто-

рических материалов. Однако это не так! Если верна полученная доктором Гамовым кривая (но ведь и она является предсказанием — следовательно, может равно оказаться ошибочной!), скоро наступит полный хаос, и никто не сможет представить себе, чем для него обернется завтрашний день!

Почему же именно в последние тысячи лет хаос возрастает так быстро и неотвратимо? Гипотеза, которую предложил доктор Гамов, на первый взгляд представляется безумной, на второй — бессмысленной, но, хорошо подумав, начинаешь понимать, что предположение, во-первых, логично, во-вторых, непосредственно вытекает из уравнений квантовой физики (что доктор Гамов показал вычислениями) и, в-третьих, полностью соответствует проведенному историческому расследованию.

Еще во времена Шредингера физики пришли к выводу, что в квантовом мире результат эксперимента зависит, в частности, от сознания экспериментатора-наблюдателя. Наблюдая, что происходит с элементарными частицами, мы влияем на исход опыта. Когда наблюдатель отсутствует, мир находится, как говорят физики, в суперпозиции: одновременно во всех возможных своих вариантах. Наблюдатель, однако, видит один результат, а не все сразу. Значит, своим присутствием в мире разумный наблюдатель, обладающий сознанием, выбирает один вариант мироздания из великого множества возможностей.

Своим присутствием разумный наблюдатель, обладающий сознанием, увеличивает число возможных состояний мироздания, поскольку, в отличие от камня, ветра, вулкана или звезды, обладает уникальной способностью: свободой воли.

Когда человек стал думать, решать, делать свободный выбор, число вариантов окружающей действительности начало возрастать намного быстрее, чем прежде. И предсказать, как будет развиваться реальный мир, стало намного труднее. Вот почему первые пророки еще могли ориентироваться в мире, который они наблюдали, а наши современные предсказатели чаще всего попадают пальцем в небо. Сегодня еще возможно худо-бедно предсказать, что случится через месяц, но скоро мы и на день вперед ничего спрогнозировать не сможем. Таков путь сознательного наблюдателя, такова плата за разум.

И выхода нет? Тупик?

Этот вопрос неизбежно следует из приведенного рассуждения. Доктор Гамов этот вопрос задал и перешел к третьему этапу своего исследования — вернулся к истории. Изучая исторические материалы, он понял, что человек-наблюдатель делает мир все более хаотическим и все менее предсказуемым, потому что

резко увеличивает своим присутствием число возможностей. Но! Изучая те же исторические материалы, доктор Гамов обнаружил еще один феномен, на который прежде не обращали внимания физики, а теологи, наблюдая явление, не понимали причины и приписывали все Божьему промыслу.

Дело в том, что в последние тысячелетия стало возрастать число явлений, которые верующие люди называют чудесами, приписывая им сверхъестественное, божественное происхождение. Физики же или игнорируют многочисленные рассказы очевидцев (наблюдателей!), или, оказавшись перед фактами, которые не могут опровергнуть, утверждают, что ничего сверхъестественного в них нет, это «обычные» явления природы, только чрезвычайно маловероятные.

Физики, конечно, правы. Не происходит в нашем мире ничего такого, что не подчинялось бы известным или еще не открытым, но существующим, природным законам. Кто-то из мыслителей сказал, что любое непонятное явление кажется нам чудом, но потом физики обнаруживают закон природы, и чудо переходит в разряд объясненных явлений. Так называемые чудеса — такие же «нормальные» явления природы, как радуга или затмение Солнца (которые когда-то считались чудесными), только очень редкие и потому производящие впечатление чуда.

Так вот, доктор Гамов обнаружил, что в последние несколько столетий и особенно в последние десятилетия число наблюдаемых «чудес» увеличивается так же стремительно, как возрастает мировой хаос.

И это тоже объяснимо. Более того — увеличение числа «чудес» неизбежно следует из увеличения хаоса (энтропии) во Вселенной.

Видите ли, любое событие происходит с некоторой вероятностью. Что-то происходит непременно. Например, вы каждое утро завтракаете и уверены: вероятность того, что и завтра, и послезавтра вы будете есть в семь утра свой омлет с беконом, близка к единице и отличается от единицы лишь потому, что может все-таки случиться некое менее вероятное событие (например, вас срочно вызовут на службу), из-за которого вам придется отказаться от завтрака.

Есть маловероятные события. К примеру, существует вероятность, что над вашим домом завтра пронесется торнадо, но она не так велика, чтобы учитывать ее в завтрашних планах.

Есть события, вероятность которых настолько мала, что обычно ее считают равной нулю. К примеру, десяток обезьян посадили за клавиатуру компьютера, и они дружно напечатали

полный текст «Гамлета». Никакие законы природы этого не за-
прещают, но вы понимаете, как это маловероятно.

В мире, говорит доктор Гамов, стремительно нарастает хаос. С одной стороны, это приводит, как мы видели, к невозможности предсказать что бы то ни было. С другой: в мире становится возможно все большее число событий. Всяких. Кто-то из писателей-фантастов и по другому поводу сказал: «Невозможное сегодня станет возможно завтра». И это так. Пещерный человек не мог прокатиться в поезде, посмотреть телевизор, съесть суши, увидеть в телескоп далекую галактику. И много чего еще. Вероятность таких событий была равна нулю. Сейчас эти события весьма вероятны.

Почему наши предки не видели НЛО, а сейчас их каждый день наблюдают сотни? Да потому, что за несколько столетий увеличился хаос, увеличилось «поле возможного и вероятного», мы стали наблюдать явления, ранее не происходившие.

И это результат не участвовавших посещений Земли инопланетянами. Природа НЛО неизвестна, но, скорее всего, это спонтанные эффекты, которые были невозможны тысячу лет назад, потому что тогда мироздание было более упорядочено. Эффект сугубо квантовый, точнее квантово-статистический, и только по неведению мы пытаемся объяснить новые явления природы влиянием внеземных или потусторонних сил. На «самом деле», а точнее, по теории доктора Гамова, это результат нашей деятельности. Мы — наблюдатели, обладающие сознанием и свободой воли. И это наше сознание вносит в мир новые возможности, расширяет спектр осуществимых событий и одновременно уменьшает вероятности надежных прогнозов: чем больше всякого может случиться, тем меньше вероятность это всякое предсказать.

Идем дальше вслед за доктором Гамовым. Вероятности осуществления различных вариантов мироздания описывает некая кривая, функция распределения. Скажем, нагретое до тысячи градусов тело с гораздо большей вероятностью излучает «красные» фотоны, чем «голубые», и потому выглядит красным. Вероятности случайных процессов описываются кривой, которую называют Гауссовой, она похожа на колокол или на шляпу с высокой тульей и длинными полями. Есть и другие кривые, другие функции в теории вероятностей, описывающие другие вероятностные процессы.

Естественно, доктор Гамов задал вопрос: какой функцией описывается нарастающий мировой хаос? Поскольку речь идет о случайном распределении, то и описываться оно, скорее

всего, должно обычной функцией Гаусса. Доктор Гамов эту функцию и получил в расчетах, изучая частоту появления в истории тех или иных событий.

Я уже говорил о том, что в квантовой теории наблюдатель способен изменять результаты измерений. В отсутствие наблюдателя — с этим согласно большинство физиков — невозможен никакой однозначный результат: система находится в состоянии суперпозиции, где существуют абсолютно все возможные варианты, и лишь разумный наблюдатель, произведя эксперимент, собственным сознанием выбирает единственный результат.

Но если наблюдатель выбирает результат измерения (а это так) и если наш мир — это квантовый мир (и это так!), то сознание наблюдателя влияет на функцию распределения вероятностей тех или иных событий! Без участия наблюдателя эта функция, как я уже сказал, — распределение Гаусса. «Включите» наблюдателя, обладающего сознанием и памятью, и распределение вероятностей изменится. Функция перестанет быть гауссианой, одни события, которые были наиболее вероятными, перестанут быть таковыми, а другие, находившиеся прежде в «хвосте» распределения, маловероятные и даже почти невозможные, будут происходить сплошь и рядом.

Не в моей компетенции делать какие бы то ни было предположения о причине гибели доктора Гамова. Считаю, однако, необходимым обратить внимание: необъяснимое исчезновение неизвестного убийцы из запертой комнаты странным образом «коррелирует» с исследованием доктора Гамова — нарастанием хаоса в мире, непредсказуемостью будущего и увеличением роли маловероятных или даже невероятных прежде событий.

* * *

— Не рассказывайте, если не хотите, Габи.

— Господи, я не думала, что... Но... Хотите выпить, Джонатан? Ах да, я уже спрашивала. Сейчас... Соберусь с мыслями.

— Если вам трудно...

— Что вы заладили: трудно, трудно!.. Простите, Джонатан... Да, так мы начали встречаться. Ник был замечательный! Он столько знал!

— Конечно. Один из лучших специалистов...

— Я не о физике, в физике я ничего не понимаю, и мы о ней говорили мало, хотя Ник и сказал... об этом потом, хорошо? Я к этому подойду. Я имею в виду: он прекрасно разбирался в современной музыке, в кино, да в чем угодно, он поражал меня

эрудицией, особенно в первое время, нащупывал, знаете, точки, хотел меня понять, чем я живу, чем интересуюсь, мы много говорили, гуляли... То есть что значит много, на самом деле не так уж часто мы бывали вместе, потому что у обоих работа, а когда Ник увлекался какой-то своей теорией... я хочу сказать, у него были периоды, когда, как он говорил, все шло по плану, и тогда он мог оставить расчеты, мол, все нормально, никуда они не денутся, рутина, давай сходим на концерт или в ресторан... правда, мы оба не любили рестораны... люди смотрят, музыка, которая нам не нужна... но иногда... А вдруг ему приходила в голову новая идея, он становился рассеянным и мог забыть, что мы договорились встретиться, извинялся, конечно, но все равно исчезал, пока не... Вы понимаете... Первое время я обижалась, потом приняла к сведению. И тут... послушайте... когда живешь нормальной жизнью, все хорошо, радуешься, и вдруг... Начали болеть кости. Извините, я не хочу вас... Это неприятные подробности. «Непременно запишись к врачу», — потребовал Ник. Мне казалось, что это ерунда, но он бывал настойчив, вы же знаете его, Джонатан. Записалась, и ничего особенного, врач сказал, что это артрит, выписал... Неважно. Через месяц мне поставили правильный диагноз: болезнь Гоше.

— Гоше? Это...

— Мало кто знает, редкая болезнь — говорят, один случай на миллион. Везет, да? Это наследственное, проявиться может в любом возрасте. Живешь себе, и вдруг... Боль. В первое время не сильно, но... Джонатан, когда мне поставили диагноз, врач в клинике, милый такой старичок, объяснил, что это такое... и как с этим жить... точнее: выживать, потому что нормальная жизнь кончилась навсегда. Понимаете? Быть обузой... для Ника? Мы любили друг друга, но... Я помню тот вечер. Весной. Прошлой, да. Я приехала к нему, я редко у него была, мы чаще встречались здесь, а в тот раз у меня случилась истерика... я была на приеме... в общем, поехала к Нику и устроила такое... не хочу вспоминать... Я напилась бы, наверно, но мне совсем нельзя было спиртного, и... Я думала, Ник ничего не знал о том, что такое болезнь Гоше, но это же Ник, он прочитал все, что было в Интернете, во всех медицинских справочниках, он гораздо лучше меня представлял, к чему все шло... Ник сказал, что у него есть мысль, и потому нужно... Джонатан, если бы вы присутствовали при нашем разговоре, вы бы поняли, о чем он говорил. Физика, вероятности, функции... м-м... распределения, да? Я не поняла ничего, а он сказал, это неважно, и даже лучше, что я не понимаю и не могу повлиять на результат. Потому что, если бы я по-

нимала, о чем речь, то уже этим могла невольно изменить... он называл какой-то термин, но я не запомнила...

— Смещение максимума гауссианы?

— Смещение, да. Как вы сказали?

— Был такой математик, Гаусс.

— Слышала, конечно. Нет, не Гаусс.

— Пуассон?

— Тоже нет. Это была английская фамилия... или американская... звучала, по крайней мере, как...

— Может, Вейбулл?

— Пожалуй. Да, точно!

— И наверно, Ник говорил о многопараметрическом распределении, раз уж Вейбулл, а не простой Гаусс.

— Простите, Джонатан, я в этом ничего не понимаю. Если бы вы не называли этого... Вейбулла, да? Я бы в жизни не вспомнила.

— Неважно... Вернемся к тому разговору. Но сначала я задам вопрос, Габи. Вы... Я хочу сказать, вы прекрасно выглядите. Вовсе не...

— Конечно! Погодите, я к этому сейчас подойду. Мне становилось хуже с каждым днем. Очень быстро... Ну, то есть... есть какие-то разные варианты болезни Гоше, одна медленнее, и для них, мне сказали, есть неплохие методы лечения, окончательно болезнь все равно не излечивается, но сильно замедляется, и можно более или менее сносно прожить и тридцать лет... А при быстром течении... У меня оказалось быстрое. Очень больно, прописали кучу лекарств, и мне казалось, что не помогает никакое, я не хочу это вспоминать, Джонатан, рассказываю только потому, что Ник... Джонатан, я перестала его понимать! Вроде бы он делал для меня так много, но у меня было ощущение, будто он не обращал на меня внимания. Все время думал о своем. Может, это нормально, может, физики так и работают, все время думают о своих теориях, он приносил еду, кормил меня, выводил гулять, оставался на ночь, но мне все время казалось, что он не со мной. Вы женаты, Джонатан?

— Да. Двое детей. Взрослые уже.

— И вы, когда над чем-то работаете, тоже так обходитесь с женой?

— М-м-м... Не знаю, Габи. Наверно, нет. Точнее — сейчас уже нет. С возрастом наука становится рутиной. Новые идеи приходят кому-то другому, а ты подхватываешь, дорабатываешь, это тоже важно — собственно, наука практически вся на том и стоит: на доработке чьих-то идей. Но ощущение... В мо-

лодости были идеи, было... Я хочу сказать, что временами завидовал Нику. Мы с ним написали несколько хороших работ, но... Идеи было его, математика общая, доработка моя. И мне знакомо такое его состояние, это замечательное ощущение, полет, со мной такое случается очень редко. Простите, я...

— Хорошо, что сказали, Джонатан. Я думала... Теперь уже неважно.

— Простите, Габи, болезнь Гоше... Вы сказали — наследственная, и что... неизлечимая?

— Нет. То есть да. Окончательного излечения не существует. Можно замедлить течение, а в тяжелых случаях, вроде моего, не очень сильно замедлить.

— Но вы...

— Хорошо выгляжу, да? Врачи называли это чудом. «Спонтанная реабилитация», — как сказал профессор Хидман, первый случай в его практике.

— Поздравляю! Искренне рад за вас.

— Я узнала об этом в четверг. Была в Чикаго, в клинике, и профессор Хидман сказал... Тут же позвонила Нику, он был на седьмом небе, теперь все стало хорошо, в пятницу я весь день была занята, последние осмотры, Нику позвонила под вечер — договориться, чтобы он встретил меня в понедельник в аэропорту, но он не отвечал...

— Вы беспокоились?

— Сначала — нет. Ник часто по выходным работал, а когда у него идеи, он отключает в телефоне звук, не смотрит почту... Утром в пятницу, когда мы говорили, он сказал, что очень рад за нас обоих, и, пока меня нет, а я должна была прилететь в понедельник, он будет работать, и я... нет, не беспокоилась. В понедельник я вернулась, Ник по-прежнему не отвечал, и я поехала к нему, а там... Господи...

— Не вспоминайте, Габи...

— Простите, Джонатан... я сейчас приведу себя в порядок...

* * *

— Спасибо, доктор Бернс. Ваше заключение...

— Не думаю, что оно как-то поможет в расследовании, детектив.

Сильверберг пожал плечами. Файл, присланный Бернсом, он внимательно прочитал, но в физике был не просто чайником, в школе говорил о себе: «В норд-норд-вест я еще отличу Ньютона от Эйнштейна, а при южном ветре оба на одно лицо».

— Разберутся, — уклончиво сказал Сильверберг. — Наш

Главный эксперт Арик Розенфельд фиговый физик, но компьютерный гений, пусть почитает.

С профессиональным интересом детектив наблюдал, как Бернс подносит ко рту одноразовый стаканчик с жутким кофе из автомата, обжигает пальцы, но терпит. Неприятно ему, а надо скрывать. Хотя зачем? Но ведь не он один такой, почти все делают вид, что им тут нормально, подумаешь, полицейский участок, вот если бы вызвал начальник и выдал письмо об увольнении...

— Зря вы не положили сахар, без сахара эту бурду пить невозможно.

— Значит, вы не пили кофе из автомата на факультете.

— Пил, конечно. И хоть бы кто предложил приличный кофе, а ведь почти у каждого в кабинете стоит собственная кофеварка. Так я о чем... Моти получил хорошую пищу для размышлений, но размышлять он не будет. Чистая формальность, для архива. Надеюсь, вы не потратили много своего времени, и полагаю, вас устроила оплата.

— Да. Я хотел бы спросить, если это, конечно, не составляет тайну следствия...

— Какие тайны, доктор? Вы читаете газеты? Новости в Интернете? Журналисты, естественно, выжали эту историю досуха. Все следственные версии разобрали на мелкие детали и вышвырнули в мусор. Полиции досталось по первое число.

— Но сейчас такие методы... Я читал: можно найти преступника по капельке пота...

— По кончику ногтя, по запаху одеколона, по флюидам его мысли... Шучу. Ничего этого нет, понимаете? У Розенфельда группа классная, три месяца назад они вычислили серийного убийцу, помните, газеты писали? Скоро дело уйдет в суд. А здесь — ничего. Говорю вам, поскольку в газетах и так все есть. Доктор Гамов был в квартире один. Никто в тот день не входил и не выходил. Никто не влезал в окно и не имел такой возможности.

— Но кто-то же...

— Именно! Если все версии невозможны, надо взять самую невероятную, она и будет истинной.

— Любите Конан Дойла?

— Терпеть не могу. Примитивно, хотя для конца девятнадцатого века, наверно, очень круто. Фразу помню, потому что ее повторяет каждый debil, особенно в последнюю неделю. Только выводы они все делают неправильные.

— Да?

— Конечно. Невероятный, но верный, если верить прессе, вывод: в полиции нет хороших экспертов, копы упустили решающую улику и так далее.

— А вы не...

— Нет. И тот невероятный вывод, о котором я говорю...

— Да?

— Послушайте, доктор, вам-то это должно быть очевидно. Если все следственные версии оказались глупыми и нелепыми, то осталась единственная, которую эксперты даже не рассматривали, хотя у них есть полная... впрочем, об этом я еще скажу... полная информация. Не смотрите на меня, будто видите привидение, доктор Бернс. Вы тоже пришли к этому выводу.

— Я...

— Доктор, я не знаю физику, но я хороший психолог. Могу, читая фразу, пусть она даже по этой вашей квантовой теории, определить, в каком был настроении автор и написал ли он все, как есть, или о чем-то умолчал.

— Вы хотите сказать...

— Я не хочу сказать, я прямо говорю, доктор Бернс: вы поставили точку там, где нужна была запятая. Гибель доктора Гамова как-то связана с его исследованиями. Не пожимайте плечами, это единственная версия, которую никто не принял в расчет. Никто, кроме вас. А теперь, пожалуйста: что должно было быть после точки, которую вы поставили в отчете? Вы же знаете, как погиб ваш коллега. Или полагаете, что знаете, я вижу по вашему лицу. У вас есть окончание заключения? Записали в файл или держите в уме? Не отворачивайтесь, пожалуйста, в окне, уверяю вас, ничего интересного. Да, вы знаете свои права: у меня нет достаточных, понятных окружному прокурору, оснований, чтобы изъять информацию из вашего компьютера. К тому же я не полный дебил и понимаю, что, скорее всего, ничего не найду, информацию сейчас принято хранить в разных, как говорят компьютерщики, облаках... Я все понимаю, доктор, и надеюсь на ваше добровольное сотрудничество.

— Слишком много слов...

— Ровно столько, сколько нужно, чтобы вы рассказали. И учтите: я не просто чайник, я понятия не имею, чем вектор отличается от этого... м-м... скаляра. Не говоря о тензоре.

— Если вам знакомы эти термины, значит...

— Это значит, что я перед разговором с вами посмотрел... пытался посмотреть... текст о квантовой физике в Вики. Так что, доктор? Расскажите? Кстати, зачем вы ездили к миссис Джефферсон? Зачем испытывали у нее информацию о ее болезни?

— Она сама, я не...

— Конечно. Она наотрез отказалась разговаривать с журналистами, она и мне не сказала ничего такого, чего я не знал. Вечером в четверг миссис Джефферсон узнала о выздоровлении от неизлечимой болезни, и менее суток спустя погибает доктор Гамов.

— После этого — не значит вследствие этого.

— Вы тоже умеете говорить цитатами, доктор! Конечно, не значит. Если не знать причинно-следственных связей.

— Вы обвиняете миссис Джефферсон?

— Конечно, нет! Я рад, что с ней все в порядке.

Помолчали. Бернс заставил себя допить кофе, выбросил пустой стаканчик в урну, стоявшую возле двери, — прицелился и попал, Сильверберг посмотрел на физика с одобрением.

— Вы всегда так ловко попадаете в цель? — спросил детектив добродушно.

— Случайно, — пробормотал Бернс, удивленный собственной меткостью.

— Может быть, вы случайно, — детектив подчеркнул это слово интонацией, — попали в цель и тогда, когда продолжили вычисления доктора Гамова?

— О чем вы? — поджал губы Бернс, тоскливо думая, что в иных обстоятельствах он просто встал и ушел бы, но в полиции это не пройдет, придется сидеть и выслушивать глупости.

— Вообще-то, — задумчиво произнес Сильверберг, — утаивание части экспертного заключения не является ни преступлением, ни даже административным нарушением. Единственное, что я могу сделать: больше не обращаться к вам за какой бы то ни было экспертизой. А присланный вами документ наши эксперты признают недостаточным, и файлы доктора Гамова я передам другому эксперту, есть еще немало физиков даже в нашем Колледж-Парке. Кого вы сами можете посоветовать, доктор? Профессора Берандота? Доктора Карстерса? Они хуже вас знали доктора Гамова, но физики-то они первоклассные, если верить индексу цитируемости.

— Нет! — воскликнул Бернс, представив, как Берандот... только не это. Он терпеть не мог пафосности, но сейчас в уме вертелись, как навязчивый шлягер, слова: «спасти мир, спасти».

— Нет — что?

— Послушайте, Сильверберг...

— Детектив Сильверберг.

— Детектив... Я не имею права вам указывать, но ни Берандот, ни Карстерс и никакой другой физик-теоретик не предста-

вят вам такого полного отчета, как я, поскольку я понимал ход мыслей Николаса.

— Потому мы именно к вам обратились, и я после ваших слов лишний раз убедился в том, что результаты, полученные доктором Гамовым и подтвержденные вами, имеют отношение к его гибели. Если отбросить все фантастические версии...

— О господи!

— А что? Правильная цитата, хотя еще неделю назад я считал ее глупой.

— Я не могу вам сказать...

— А! Значит, есть что говорить, верно? Я был уверен: в конце концов мы с вами придем к разумному решению.

— Вы не понимаете!

— Конечно. Я чайник. Объясните. Единственное, что меня интересует, — что случилось с доктором Гамовым. Вы это знаете.

— Нет, — устало произнес Бернс. — Как я могу это знать, меня там не было. Могу предполагать.

— То есть вы признаете, что у вас, по меньшей мере, есть версия, которую вы не отразили в экспертном заключении.

— В поставленной передо мной задаче не говорилось ничего о том, что я должен еще и версии придумывать.

— Ничего не стоит изменить вопрос, поставленный перед экспертом, и вернуть вам на...

— Послушайте, Сильверберг...

— Детектив Сильверберг.

— Детектив... Чего вы от меня хотите?

— Объясните чайнику, что и почему, по вашему мнению, произошло с доктором Гамовым.

— Криминального — ничего. Доктора Гамова не убили, если вы об этом. И самоубийством он, конечно же, не покончил.

— Он физически не мог...

— Я о том и говорю.

— О'кей. Рассказывайте. Дело пойдет в архив, когда кончится срок расследования, на научный приоритет мы не претендуем, оставьте его себе... Вы собираетесь написать статью, опубликовать?

— Нет.

— Тем более. В чем проблема, доктор?

Детектив терпеливо молчал минут десять, в течение которых Бернс смотрел в окно на проплывавшие в небе облака.

— Проблема в том, — сказал наконец Бернс, не выдержав молчания и желая только одного: скорее покинуть кабинет, —

проблема в том, что Габи... миссис Джефферсон может узнать, что убила доктора Гамова. И как ей потом жить с этой мыслью? Детектив Сильверберг сложил на груди руки и приготовился слушать.

* * *

«Я испугался, детектив. Я и сейчас боюсь, и к этому примешивается чисто человеческая жалость к женщине, которая ни сном ни духом... Но из-за которой всё произошло. Если это будет опубликовано и она поймет... А она умная женщина, доктор Гамов ей много чего рассказывал, и она способна сложить два и два. Ей и без того тяжело...

Да, я возвращаюсь к сути. Почему именно в последние три тысячи лет мир устремился к хаосу? Почему еще во времена библейских пророков некоторые люди могли предсказывать события, которые произойдут много лет спустя, и почему в наши дни в прогнозах даже на будущий год ошибаются все: от футурологов до штатных предсказателей? Да потому, что во Вселенной появился разумный наблюдатель, обладающий сознанием и имеющий возможность свободного выбора. В отличие от камня, дерева, звезды или галактики. Наблюдатель не изменяет реальность, он не бог, знаете ли, но, получив свободу выбора, он создает новые, ранее не существовавшие варианты реальности. Создает в огромном количестве — каждым своим выбором, даже самым, казалось бы, тривиальным: перейти улицу на красный свет или дожждаться зеленого.

Это вы понимаете? Да? Тогда продолжу, и слушайте внимательно. Итак, число вариантов бытия растет, но ведь события осуществляются с разной вероятностью, верно? Вероятность того, что солнце взойдет завтра в семь часов шестнадцать минут, практически равна единице. А вероятность, что вам на голову свалится метеорит, близка к нулю, хотя никаким законам природы это не противоречит. Между нулем и единицей располагается все огромное множество возможных событий, которые могут произойти с мирозданием и с вами лично. И естественно, эти вероятности распределяются по какому-то закону — скорее всего, по закону нормального распределения Гаусса. В отсутствие разумного наблюдателя со свободой воли это распределение в точности гауссово. Таким оно было много миллиардов лет, а потом... Потом появился человек. Изменять материальную природу силой мысли человек не может — телекинеза, уверяю вас, не существует, потому что это явление противоречит закону сохранения энергии. Как и вечный двигатель. Но созна-

ние разумного наблюдателя способно менять вероятности событий. Влиять на функцию распределения. Когда появились первые пророки, распределение вероятностей перестало быть классической гауссианой — прежде невозможные события стали просто маловероятными, маловероятные оказались более вероятными, понимаете?

Интуитивно человек пользовался этим всегда. Разве вы не думаете, заболев: “Я должен выздороветь к понедельнику” — и ждете, что так и произойдет? Разве вы не думаете: “Хочу, чтобы эта женщина стала моей” — и ждете, что она посмотрит на вас с вожделением? Разве каждый день и каждую минуту вы не призываете в уме то или иное событие, надеясь, что ваши желания сбудутся? Чаше всего они не сбываются, и знаете почему? Разумный наблюдатель, делая тот или иной выбор, меняет распределение вероятностей событий в мире. Но он понятия не имеет на самом деле, о чем нужно подумать, какой выбор сделать, чтобы именно нужное событие стало намного более вероятным, чем было ранее. Нам кажется, что существует прямая связь: “Буду думать о выздоровлении, и оно станет возможным”. Нет. Распределение вероятностей действительно изменится, но случайным образом. Вы не поправитесь, а какое-то другое событие, вероятность которого была мала, в результате вашего наблюдения за реальностью произойдет, о чем вы, скорее всего, и не узнаете. Скажем, вы упорно думаете о выздоровлении, и в соседнем доме (а может, в далеком городе) неожиданно загорается одеяло, под которым спит некто, вам вообще не известный. Вероятности сместились, и...

Что вы сказали, детектив? Да, вы правильно предположили, все-таки вы не такой чайник, каким хотите себя представить. Получив из расчетов функцию распределения событий, доктор Гамов задался естественным вопросом: как это распределение изменить в нужную сторону?

Он нашел решение. Вообще-то, детектив, это не так уж сложно. Когда знаешь, откуда что... Я? Да, я же шел по следам доктора Гамова, проверил все его вычисления, повторил их и не нашел ошибки.

Примерно месяц назад доктор Гамов отправил в The Physical Review статью о роли сознания наблюдателя в экспериментах по ускорению частиц в коллайдерах. Насколько я знаю, рецензию он не получил — если, конечно, в его электронной почте, которую вы мне не дали посмотреть... я понимаю, тайна переписки... Письма из журнала там не было? Это, в общем, неважно: освободившись от одной задачи, доктор Гамов

полностью переключился на другую, тем более что время поджимало: состояние здоровья его любимой женщины, я имею в виду миссис Габриэль Джефферсон, становилось все хуже. После разговора с ней я посмотрел кое-какие материалы о болезни Гоше. Очень неприятная болезнь. И неизлечимая, к сожалению, — заболевание генетическое, а лечить гены... кое-какие можем... но болезнь Гоше пока не поддается, к сожалению.

Если говорить в терминах мировой энтропии и теории вероятностей... Скажем, так. Тысячи лет назад, когда число возможных вариантов реальности было гораздо меньше, чем сейчас, вероятность заболеть болезнью Гоше была строго равна нулю. Потом появились генетические отклонения, мир стал более хаотичным, возникло множество не существовавших прежде болезней, в том числе и эта. В функции распределения вероятностей эта редкая болезнь располагалась в самом хвосте распределения. А излечения не существовало, вероятность вылечиться была тождественно равна нулю. Шло время, хаос нарастал. Число возможных состояний мироздания увеличивалось лавинообразно. Среди новых возможностей появилась и возможность спонтанного излечения от болезни Гоше. Чрезвычайно малая возможность. Настолько малая, что — я видел расчет этой функции у доктора Гамова — нужно было бы прожить два десятка миллионов лет, чтобы наверняка выздороветь. Это звучит как бред, но математике все равно, сколько живет человек... Важно было понять, что спонтанное исцеление в принципе возможно. Чрезвычайно маловероятно, практически нет шансов, но вероятность оказалась хотя оглушающе и безнадежно малой, но все же не равной в точности нулю. Понимаете?

Да, верно. Доктор Гамов вычислил переход от одной функции распределения к другой. Самое смешное... для физика, конечно... то, что форма распределения вычисляется очень легко, важно понять принцип. Всякий раз распределение вероятностей задается, как, собственно, всегда в математике, начальными и граничными условиями. Если их правильно задать, остальное — просто. Заданием начальных и граничных условий можно изменить распределение так, что маловероятные события окажутся на гребне колокола, а те, что вчера были вполне вероятны, — в хвосте.

На восход солнца таким образом не подействуешь, вы правы. Но есть великое множество событий (и число их увеличивается с каждым днем, поскольку — не забывайте — энтропия нарас-

тает по экспоненте), которое зависит от сознания наблюдателей, формируется сознанием, сознание осуществляет выбор реальности и, следовательно, задает распределение вероятных и невероятных событий. Черт возьми, детектив, мы же все это делаем постоянно, не задумываясь о том, что происходит! Я же сказал только что! Скажем, у вас температура, вы принимаете лекарства, но при этом думаете: "Не хочу болеть, пусть я завтра проснусь здоровым!" Ваше желание, желание сознательного наблюдателя, немного изменяет распределение вероятностей происходящих событий. Это всегда так. Но вы просыпаетесь утром с еще большей головной болью и, конечно, делаете вывод, что от вашего желания ровно ничего в этом мире не зависит. Но это не так! Ваше мышление изменило функцию распределения, но в реальном мире все гораздо сложнее, особенно при таком росте хаоса, как сейчас! Ваша мысль изменила вероятности, но вы понятия не имеете — каким образом! Возможно, ваш внутренний посыл привел к тому, что более вероятным стало событие, к вам никакого, как вам кажется, отношения не имеющее. Кто-то, возможно, излечился от рака и принял это за чудо, хотя излечение его стало вероятным исключительно благодаря вашей мысли о собственном выздоровлении. Понимаете?

Какой-то поэт... я не силен в литературе и не помню автора, но сказал он так: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется". Или мысль. Мы постоянно меняем распределение вероятностей событий в мире, даже сейчас это происходит. Очень редко попадаем в резонанс, и событие, которое мы себе желаем, но считали маловероятным, действительно происходит с нами.

Вы понимаете, к чему я веду? Конечно! Доктор Гамов вычислил изменение распределения вероятностей, при котором исцеление миссис Ричардсон сместилось с далекого хвоста распределения в самый центр, в купол. Чрезвычайно маловероятное стало практически неизбежным. Миссис Джефферсон поправилась, врачи в шоке: такого никто никогда не наблюдал, но факт есть факт — спонтанная реабилитация, чрезвычайно редкий, почти невозможный случай...

Что? Да, детектив. Вы сделали правильный вывод. Думаю, вы понимаете теперь, почему я не включил эту часть в свое экспертное заключение. Я очень хотел бы, детектив, чтобы этот разговор остался сугубо между нами. Вы умный человек и понимаете причину.

Да, вы правы и в этом: если кто-то сделал открытие, значит, наука уже к этому подошла. Если бы не Эйнштейн, принцип от-

носительности открыл бы кто-то другой. Пуанкаре, например. Все так, но я бы не хотел...

Сам? Видите ли... Доктор Гамов был теоретиком, он и не стал бы экспериментировать с функциями распределения, если бы не беда, произошедшая с любимой женщиной. Тут уж он был вынужден... А я... Да, я проверил расчеты, я могу повторить их в любой момент. Но я этого не сделаю. Слава богу, у меня все в порядке: кафедра, должность, семья, публикации, авторитет... Надеюсь, что и у вас, детектив, все нормально в жизни. Вот видите, как хорошо... Не хочу приумножать хаос.

Что? Об этом я тоже думал, конечно. Скорее всего — нет, доктор Гамов не жертвовал собой. Он любил Габриэль, безусловно, но не думаю, что до такой степени, чтобы... Просто... Сейчас это невозможно вычислить, понимаете? Вы выбираете событие и рассчитываете такую функцию распределения, чтобы вероятность этого чрезвычайно маловероятного события увеличилась на много порядков. Это вычислить достаточно просто, да. Но доктор Гамов прекрасно понимал, что при этом меняется форма всего распределения. Другие чрезвычайно маловероятные события смещаются в центр — и наоборот. И это уже не рассчитаешь, пока, во всяком случае. Думаю, что и потом не удастся — хаос нарастает, и распределение становится все более сложным из-за включения событий, которые еще вчера были невозможны в принципе...

Да, именно так: если исключить заведомо невозможное, то оставшееся и будет истиной, какой бы невероятной она ни казалась. Старик Холмс прав, конечно...»

* * *

Детектив Сильверберг проводил Бернса до выхода. Оба молчали — все было сказано, личных отношений между ними не возникло, говорить было не о чем. Физик детективу не нравился, физика детективу не нравилась. Дело никогда не будет закончено, останется привычным «висяком», каких много, и от занудных объяснений Бернса ничего не изменится ни в формулировках, ни в уже написанном обращении к окружному прокурору с просьбой о продлении срока расследования.

Бернс протянул Сильвербергу руку, но детектив сделал вид, что не заметил. Или действительно не заметил, мысли его витали в пространстве, а взгляд остановился на облаке, висевшем в небе за окном и похожем на пухлую кошачью морду.

— Наверно, наш разговор записывался? — спросил Бернс. — Я бы не хотел, чтобы... Это не вошло в текст заключения и...

— Нет, — буркнул Сильверберг. — Записываются официальные допросы подозреваемых и свидетелей. А вы... — он помолчал, подыскивая наиболее правильное определение, — гость.

Бернс кивнул. Он хотел поскорее уйти, но не мог не задать вопрос, все время вертевшийся на языке.

— Вы так и не сказали... И в прессе этого не было... Только то, что удар нанесен секачом и что сам Николас... доктор Гамов не мог это сделать. Но экспертиза должна была показать, как конкретно...

— Секач висел на доске над мойкой. Доктор Гамов стоял у стола и нарезал овощи в салат. Повернулся спиной, хотел зажечь газ в плите. Секач слетел с доски, описал в воздухе кривую, и острое вонзилось доктору в затылок. Баллистики уверяют, что иного варианта не было, но и это произойти само по себе не могло.

— Не могло... В принципе?

— В принципе возможно, что те часы над дверью вдруг свалятся, при падении ударятся о косяк, и если кто-то в это время откроет дверь, траектория изменится, а вы в этот момент повернетесь, и часы попадут вам точно по носу...

— В принципе возможно, но практически невероятно, верно?

— Доктор Гамов умер от потери крови, — сообщил детектив. — Если бы его нашли через несколько минут или даже через час, его можно было спасти.

— Вы хотите сказать...

— Я все думаю над вашими словами, доктор. О функции этой. О том, как управлять вероятностями. Доктор Гамов хотел спасти любимую женщину. Вы уверены, что он не понимал, чем это грозит именно ему? Вы сказали, что самоубийцей он не был, и даже ради любимой...

— Мне так кажется. Насколько я его знал. То есть он понимал, что вероятность выжить (чрезвычайно малая!) миссис Джефферсон связана с вероятностью (еще меньшей!) ему умереть, ведь оба они участвовали в этой игре вероятностей, они были близки... Но одно дело — рассчитать изменение формы кривой и изменение вероятности одного события, и совсем другое — двух и больше. Он понадеялся на... вы понимаете...

— И обоим дико, невероятно повезло, — мрачно закончил детектив. — Ей повезло жить, ему — умереть.

«Достойная эпитафия», — подумал Бернс и взялся наконец за ручку двери.

— Берегите себя, доктор, — сказал ему в спину детектив. — Жизнь, вы знаете, скоро станет совсем непредсказуемой.

* * *

Сильверберг и Розенфельд сидели в баре и пили пиво. Долго уже сидели, молчали, отдыхали, думали, обменивались взглядами, усмехались, качали головами — вели немой разговор, прекрасно понимая друг друга.

— Да, — вспомнил эксперт, — ты разобрался с уборщицей? Ну, которая...

— Конечно! — Детектив допил очередную кружку и промокнул салфеткой усы. — Она приходила к Гамову убирать по вторникам и пятницам. Утром в пятницу у нее случился приступ радикулита, не могла разогнуться. К вечеру все прошло. Врач, к которому женщина обратилась в понедельник, сказал, что никакого радикулита у нее нет в помине, а приступ... ну, мало ли, всякое случается...

— Иными словами, если бы не этот неожиданный, необъяснимый, чрезвычайно маловероятный приступ...

— Миссис Роджерс, как обычно, постучала бы в шестнадцать часов в дверь Гамова, не услышала бы ответа, открыла бы дверь ключом, который у нее был, прошла бы на кухню за шваброй и тряпкой, как делала всегда...

— Ужас, — прокомментировал Розенфельд. — И ничего не докажешь.

— Ничего, — согласился Сильверберг.

— Еще одна косвенная улика, — продолжал Розенфельд. — Я, конечно, не спец в квантовой физике и всех этих вероятностях, но... В общем, могу утверждать, что Бернс куда более талантливый математик, чем Гамов. У них несколько совместных работ, я их просмотрел. Посмотрел работы, написанные каждым в отдельности. Готов свидетельствовать под присягой: Гамов великолепный физик, идеи — блеск, но математик посредственный. Бернс — наоборот. И никто не убедит меня в том, что пресловутую функцию перераспределения вероятностей Гамов рассчитал сам.

— Но, черт возьми, Арик, за каким дьяволом нужно было Бернсу убивать Гамова?

— Закажи еще по паре кружек, и я отвечу.

— Ответь, потом закажу.

— О господи, будто ты сам не понимаешь!

— Типа — зачем ему конкурент? Теперь он вообще-то единственный, кто умеет играть вероятностями, а собственной судьбой — уж точно.

— И если завтра тебе на голову свалится кирпич...

— Ты серьезно? Это ему зачем?

— Слишком много знаешь, — хмыкнул Розенфельд.

— Так он же воображает, что я чайник! Я видел его глаза. Полицейские для него — копы, низшая раса, ржавые чайники, да? Он уверен, что я ничего не понял, иначе не стал бы передо мною распинаться.

Розенфельд кивал.

— Конечно. Он знал, что разговор не записывался, но все равно потом спросил — на всякий случай. Верно? И он знает, что память у тебя прекрасная. Чайник, да. Но...

— Закажу еще пива.

Детектив поднялся и направился к стойке, неуверенно переставляя ноги.

— Гамов был посредственный математик, — пробормотал Розенфельд, покачивая рукой пустую пивную кружку. — Бернс прекрасный математик. Но есть математики и получше, верно?

Он отвернулся к окну и принялся разглядывать собственное отражение в темном стекле, за которым тускло светили уличные фонари.

Олег МУХИН
БОГ В МАШИНЕ

Не хватит никакого здоровья, чтобы приспособиться к этому глубоко больному обществу.

Кришнамурти

Бойся своих желаний, потому что они могут исполниться.

Китайская поговорка

Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь.

Екклесиаст

Часть первая. Сопротивление окружающей среды

1

Он с восхищением смотрел на Луну. Луна была огромная, серебристая и светила, как ему казалось, нереальным, неземным, божественным светом. Луна притягивала его взор своим величием, безразличием к людям, своей недостижимостью, недоступностью. И от ощущения собственной ничтожности перед Луной, от чувства неполноценности, от краха ему вдруг захотелось завывать на Луну. Завывать волком, завывать вервольфом. Желание было до такой степени сильным, что он действительно чуть было не завыл на Луну. Лишь мысль, а если кто-нибудь из приближенных увидит, как он, вождь нации, воет на небесное тело, удержала его от этого поступка.

«Надо было в сорок третьем снова идти на переговоры с этой мразью, с этим карточным шулером. Надо было заключить перемирие, выиграть время, а потом нанести ему сокрушительный удар нашим оружием возмездия. Надо было... Но так не хотелось гнуть спину перед этой мразью, перед этим карточным шулером, перед недочеловеками.

Низшая раса!.. А теперь все кончено. Теперь даже фон Браун с его ракетами мне не поможет. Поздно. Партия проиграна. Осталось только застрелиться».

Холодный ночной воздух пробирал до костей. Он поплотней надвинул фуражку и втянул голову в воротник кителя.

«А ведь немец мог бы первым в мире ступить на месяц!» Богатое воображение живо нарисовало ему кроваво-красную Луну с белым кругом в центре, внутри которого чернела гигантская

свастика. «Вот это был бы шедевр, почище всякой там еврейской мазни. Шедевр поистине вселенских масштабов! Шпееру бы понравилось! Эх, повернуть бы время вспять. Все бы изменил. Генералов бы, предателей, как вшей, передавил. Эх, мне бы машину времени!»

Луна со свастикой исчезла, а вместо нее на него теперь смотрела Луна в виде черепа — круглое лицо с черными провалами глаз, носа, рта. И тут он все-таки не выдержал. Завыл. Как волк, как собака, как человек, раздавленный солдатским сапогом фатального рока.

2

С кровати Артем не встал, а свалился. Навернулся так, что почувствовал резкую боль в левой руке. «Не хватало мне только ко всем моим бедам еще и перелома», — туманно подумал он. И сразу же вспомнил жуткий сон, который ему давеча довелось видеть. Вспомнил мерзкую рожу черта, его наглые, чуть подслеповатые глазки, свиное рыло, смрадную вонь, идущую из усмехающейся пасти, доллароцветную шерсть. «Не зря он мне приснился». Правда, никак не мог воскресить в памяти, что тот ему говорил. «А ведь сказал он что-то напоследок, какую-то гадость. Но вот какую, ни хрена не помню».

Артем уже сидел на краю кровати, изучал ушибленный локоть и одновременно осматривал полупустую комнату.

Комната действительно была почти пустая. 9-го числа он отнес на барахолку последние тома книг из роскошной библиотеки отца. 16-го продал за бесценок соседке из второго подъезда картину Сторма Торгерсона «Человек с лампочками». Не какую-то там копию, а настоящий оригинал, за который, по нынешним временам, наверняка можно было получить не одну тысячу в валюте. А 28-го пришлось расстаться с коллекцией винила. Распродажа хищными щупальцами добралась-таки до святая святых.

«Вроде нормально все с рукой». Безрадостно констатируя факт, Артем теперь искал глазами ее — являющуюся вот уже который месяц источником единственной радости, ежедневным смыслом существования, всегда дружелюбную и желанную бутылочку водочки. На горизонте источник радости почему-то не просматривался. «В холодильнике стоит, родимая». И даже сглотнул от того, что представил, как ледяная чудесная жидкость морозит его горящую гортань.

Холодильник, однако, был пуст — хоть шаром покати. Никакого намека не только на «блондинку», но и на закуску. «Про-

дать его тоже, что ли, к чертовой матери? Зачем мне холодильник, если в нем, кроме инея, нет ничего?» — подумал Артем, пытаясь сообразить, куда он вчера подевал остатки водки. Информация никак не вспоминалась.

Перед глазами стояла лишь классическая этикетка «Столичной», больше ничего из памяти извлечь не удалось. «Видимо, все-таки до донышка я ее выжрал, а бутылку в сортир закинул. Надо там посмотреть».

Туалет, совмещенный с ванной комнатой, у постороннего наблюдателя вызвал бы неприятный осадок. Кафельная плитка местами обвалилась, зеркало с поврежденной амальгамой треснуло, раковина висела на соплях, унитаз отдавал тухлятиной, а давно не используемая по назначению ванная была почти доверху завалена пустой стеклотарой. Владелец данного богатства удовлетворенно хмыкнул и, под урчание мочи, стал строить планы, как всю эту уйму бутылок превратить в товары, пригодные для хранения в холодильнике.

«Колбасы куплю и сыра. Сыра что-то я давненько не едал. А еще огурчиков солененьких. Или квашеной капусточки. Ну, и на пару пузырьков должно хватить. Эх, сегодня попирую!.. Как же мне всю эту мутотень в пункт приема посуды доволочь? Где-то у меня тут мешок полиэтиленовый валялся... Куда я его подевал? Черт, никак найти не могу!.. Куда он запропастился? Черт! Как же теперь тащить-то бутылки без мешка?! Черт, черт, черт!»

И вдруг он с поразительной ясностью вспомнил, что сказал ему тот самый черт из ночного сна. И от этой фразы Артем вспотел даже. А сказал ему нечестивый следующее: «Жить тебе, Темка, осталось недолго. По земле ходить скоро забудешь. Дрова горят. Вода закипает. Чугунный котел ждет не дожидется. Скоро встретимся у меня, в аду! Скоро увидимся в Машине!»

3

Чарльз, как и вчера, вышел первым. Хоть и были мы с ним в одном звании, но поскольку он являлся все же командиром корабля и за плечами у него имелся богатый опыт полетов на «Близнецах», то положение, как говорится, обязывало. Субординация, так сказать. К тому же он был на два года старше меня. Я вышел на десять минут позже.

(Вчера — на полчаса позже!)

Как и вчера, мы собирали образцы лунного грунта, для чего исследовали шесть малых кратеров. А затем отправились выполнять основное задание второго дня. На расстоянии примерно

ста шестидесяти ярдов от «Интерпида», почти в центре довольно большого цирка, стояла автоматическая межпланетная станция «Сёрвейер 3», находящаяся там с апреля 67-го. Нам нужно было демонтировать некоторые ее элементы для изучения в земных лабораториях. Именно поэтому посадочный модуль сел неподалеку от «Сёрвейера».

Автоматическая станция на вид была неказиста. Этакая тренога с мачтой, на конце которой располагались две квадратные солнечные батареи. Но когда мы спустились в кратер и подошли к станции поближе, как я, так и Чарльз (как он мне потом признался) ощутили некое теплое чувство от этого самого, неказистого на вид треножника, увидав за 240 тысяч миль от матушки-Земли что-то пусть и металлическое, но земное, что-то родное, посреди абсолютно чужого, в основном однообразного пейзажа.

Помимо солнечных батарей, на жестком каркасе «Сёрвейера» имелась еще куча всякого оборудования: основной и вспомогательный двигатели, различного рода антенны, контейнеры с электронной начинкой, топливный бак, телевизионная камера и прочая мелочевка.

Пришлось повозиться, пока мы с Чарльзом снимали одну из панелей батарей, контейнер с электроникой и телеглаз. Особенно намучились с антенной посадочного радиолокатора, находящейся рядом с соплами двигателя мягкой посадки, отчего, возможно, и деформировались болты крепления антенны. Не хотела антенна домой. Тем не менее с заданием мы справились, и спустя семь часов стартовали.

И только после стыковки с «Янки Клиппером» и фотографирования Луны с селеноцентрической орбиты — на прощание! — в компании с соскучившимся по нам Ричардом я неожиданно понял, что ведь на «Сёрвейерах» всегда было два контейнера с электронным оборудованием. А вот на «Обозревателе 3» — почему-то один. Но я об этом им не сказал. Ни Ричарду, пилоту основного блока корабля «Аполлон 12», ранее летавшему с Чарльзом на «Близнеце». Ни Чарльзу, нашему командиру, который был и постарше меня, и поопытнее.

4

Внешностью и ростом Толик одновременно был похож на известного рок-певца Ронни Джеймса Дио и на композитора детских песен Шаинского. Но сам Толик больше любил, когда его сравнивали с Дио. Поскольку музыка Дио была ему гораздо ближе, чем какие-то там попсовые мелодии для дошколят.

Толик Гусев, по кличке Рок-н-ролл, был меломаном, и не просто меломаном, а аудиофилом. Аппаратура стоила огромных денег, была, что называется, фирменная, и на этой фирменной аппаратуре слушал Толик преимущественно виниловые пластинки. Которые тоже были фирменные и стоили немало.

— Ты зачем, придурок, продал Торгерсона какой-то шлюхе? — возмущался Рок-н-ролл и даже при этом поплеывал на Артема брызгами слюны. — Не мог мне его предложить? Я бы тебе хорошую цену дал, а не копейки копеечные. Ушел за такой мизер! Мозги у тебя вообще есть или пропил все?... Как она тебя охмурила? Чем взяла? На вид-то — стерва из стерв! Арт, ну что ты, в самом деле! Зла на тебя не хватает... Ну подумай, на кой ляд ей «Человек с лампочками»? Что она в этом понимает? Наверняка толкнула его уже...

Артем молчал, виновато пожимал плечами и криво улыбался. Объяснять ему ничего не хотелось. Да и трудно было словами объяснить. Соседка из второго подъезда — это просто его женщина, и все тут. Пусть она страшненькая, пусть далека от совершенства, а он что — Ален Делон? Он же неудачник и алкоголик. С ней ему хорошо бывает. Этого достаточно. И рассказывать Толику подробности, как ему бывает с ней хорошо и от чего, — все равно что трусы свои на всеобщее обозрение выставлять. Любовь — дело интимное. Индивидуальное. Даже Толику, близкому другу, о ней говорить не следует.

— Что это там по ящику показывают? — чтобы сменить тему, Артем перевел разговор. Телевизор у Рок-н-ролла показывал что-то странное. Звука, правда, не было.

— Андрей Комаревич в Кремле с «Deep Purple» выступает. Вчера с телека записал.

— Шутишь!

— Ты что, разве не знаешь? Ах да, у тебя же «Сонника» больше нет... Смотри сам. Андрей за кулисами «дип-пёпловцам» даже свой старый бобинный магнитофон продемонстрировал, на котором он их музыку раньше крутил. Вот сейчас они закончат икрой водку закусывать, и он им его покажет... Надо только звук врубить...

«Всегда обожал этих мерзавцев, полюбил, начиная с альбома "In Rock": "Король скорости", "Дитя во времени". Почему я, советский мальчик, запал на западную музыку? Потому что у нас никто так играть не умел. Да и сейчас не умеет. В России нет ни одной группы, которая хотя бы отдаленно напоминала "Led Zeppelin", "Queen", "Pink Floyd". А тем более "Deep Purple". На их концертах постоянно аншлаги. Вон Иэн Пейс даже футболку

надел с надписью "I love Russia"... Что движет человеком? Желание. Нет желаний, нет человека... Даже представить себе не мог, что вот так, по-семейному, буду с ними за одним столом сидеть. Чаи гонять. И на сцене Кремля вместе с "дип-пёпловнами" играть. Исполнилось желание юности...» — подумал Комаревич и нажал клавишу на магнитофоне.

А Толик в это время нажал кнопку на пульте телевизора, и из «Панасоника» полились заводные хард-роковые рифы.

5

Хрустальная люстра просто убила меня наповал. Практически вся целенькая, ничуть не заросшая водорослями и прочими разными ракушками, висит себя такая и посверкивает отраженными иглами лучиков. Я даже дышать перестал, когда она из мрака возникла. И речь отнялась. Минуты на две. Не меньше.

Ну и молодец «Джейк»! Так бы и поцеловал его. Прямо в стеклянный глаз. Пролез туда, куда батискафы русских никогда бы не добрались. Не зря мы его и «Элвуда», дублера, смастерили. Не зря кучу долларов на них истратили. Отработали ребята затраты. В полной мере. Теперь все эти кадры мы выгодно продадим. Хорошую прибыль получим. А если еще удасться кое-что из найденных предметов на борт «Академика» поднять, так вообще миллионерами станем. Это точно.

Билли сидел слева от меня, за соседним монитором, наблюдал за находками нашего робота. Он так же, как и я, оторваться не мог от экрана. Я лишь мельком на него взглянул и понял, что мой приятель сейчас смотрит самый интересный фильм в своей жизни. Вся продукция Голливуда сейчас для него превратилась во второразрядную подделку. В мусор, который не имеет никакой ценности. Потому что фальшив, как вставная челюсть. А то, чем в настоящий момент занимался Билли, практически сросшись с «Джейком» при помощи джойстика, это вот и было настоящее кино.

Русские тоже парни что надо. Если бы они не нашли корабль, фиг бы я сегодня люстрой любовался. Судно у них хорошее, головы умные, руки золотые. А капитан так вообще умница. Язык знает, в искусстве разбирается и дисциплину железную на «Академике» держит. Я оторвался от экрана, посмотрел на «мастера». Он в это время у цветного эхолота стоял. О чем-то с Мишкой-«чифом» беседовал.

И тут до этого тихо сидевший мне прямо в ухо как заорет: «Джейми! Посмотри, что я нашел! Это же умно непости-

жимо! Это же черт знает что такое!» — и локтем больно как двигает в мой левый бок.

6

День не заладился с самого начала. Может быть, потому, что был понедельник. («Не люблю понедельники», — сказал однажды Боб Гелдоф и именно так назвал свою самую знаменитую песню.) А возможно, из-за того, что наступило тринадцатое число. Как бы там ни было, но в понедельник тринадцатого он ощутил на собственной шкуре очень сильное СОС. Аббревиатура СОС расшифровывалась как «сопротивление окружающей среды». Так Артем в шутку называл те мелкие и крупные неприятности, которые ежедневно обрушивались на него, как только он просыпался и начинал что-то делать. Бывали дни, когда сопротивление окружающей среды почти не ощущалось. А случилось и по-другому (особенно в последнее время) — СОС, как назойливая муха, весь день преследовало его. Нынче же оно ну просто озверело.

Утром, как только поднялся с кровати, Артем обнаружил, что куда-то пропали тапочки. Тапочки хоть и были давно некрасивы и, хуже того, в районе больших пальцев протерты до дыр, однако ходить в них по полу было гораздо теплее. Тапки он отыскал почему-то не под кроватью, не под креслом, а на крючках вешалки, по соседству с джинсовыми штанами и рубашкой.

Потом в кране не оказалось горячей воды. И умываться пришлось холодной, почти ледяной. Он посмотрел на свое отражение в зеркале, спросил: «Почему ты сегодня грустный?» И равнодушно ответил: «Потому что трезвый». Фарфоровая мыльница, выскользнув из рук, разбилась практически вдребезги. Он собрал осколки, зная, что это еще не конец. Несчастья только начинались.

Электроплитка, представлявшая собой кустарного производства кирпично-жестяное чудище, обменянное у одного барыги на рок-энциклопедию, сразу же вышла из строя, издав характерный хлопок короткого замыкания, лишь только он воткнул вилку в розетку. С заляпанной пятнами от еды плиткой он провозился не менее получаса, пока нашел и устранил дефект в проводе. Вскипятил чай, позавтракал вчерашними бутербродами.

Теперь ему надо было побриться и устроить себе банный день. Потому что сегодня он собирался пойти к Рок-н-роллу, а Толик очень не любил, когда Артем плохо выглядел и уж тем

более когда от него дурно пахло. Бритьем и мытьем Артем собирался задобрить Толика, чтобы тот был сегодня лояльно настроен к другу и купил у Артема компакт-диски. Артем представил недовольно скривившуюся физиономию Рок-н-ролла, когда он выложит перед ним стопку «сидишек». Рок-н-ролл считал, что качество музыки на компакт-дисках гораздо хуже, чем на виниловых пластинках, поэтому он предпочитал слушать аналоговый звук, а не «цифру». Однако винил уже был Рок-н-роллу продан, оставались только компакты. Артем поставил на плитку кастрюлю с водой, с опаской воткнул шпатель и пошел отбирать диски.

Раньше Артем любил свое имя главным образом потому, что оно содержало в себе слово «арт», которое ему весьма импонировало. Музыка именно в стиле арт-рок больше всего раньше нравилась Артему. Он вынул из картонной обувной коробки три десятка компашек, разложил их на диване. Здесь были и Манфред Мэнн, и «Супертрэмп», и «Джетро Талл», и «Йес», и «Барклай Джеймс Харвест», и «Кэмел», и... самая-самая группа — «Пинк Флойд». Он подержал в руках «Темную сторону Луны», «Завтрак в Америке», «Раджаз». Раньше это было для него настоящим сокровищем. Но не теперь. Он дошел до той стадии, когда эти альбомы не вызывали в нем больше никакого волнения, никаких светлых чувств. Теперь ему было все равно, есть у него эти диски или их не будет. И даже на то, сколько за них заплатит Толик, ему по большому счету было в общем-то тоже наплевать.

Со стороны кухни потянуло какой-то ядовитой гарью. Артем принялся, подумав: «Парад планет сегодня, что ли?» И в этот момент его буквально оглушила трель дверного звонка. Он даже дернулся от неожиданности. Потому что давно забыл, как звучит его дверной звонок. К нему ведь никто не приходил вот уже лет сто. А может, и все двести.

Артем нехотя приблизился к двери, посмотрел в глазок. Ничего не увидел. Видимо, тот, кто стоял с обратной стороны, закрыл глазок ладонью или заклеил жвачкой. Он не ждал ничего хорошего, но все же тихо спросил: «Кто?» Из-за двери ответили: «Конь в пальто».

7

Миссис Полли Самсунг не спалось. Не потому, что за окном впервые за несколько лет падал снег, который она очень любила. А потому, что спать сегодня было невозможно. Из-за Джилмора. Из-за его ужасного храпа. Ее муж сегодня снова пе-

ребрал виски и снова выдавал такие рулады, что находиться с ним рядом было для нее просто невыносимо.

Она закрыла на защелку дверь спальни и прошла в крохотную гостиную. Там, закутавшись в старенький плед, она уселась в свое любимое кресло-качалку, придвинутое почти к самому подоконнику, и стала наблюдать, как крупные, похожие на лебяжий пух хлопья снега бесшумно опускаются с небес на тихую улочку. Со второго этажа ей хорошо были видны и дорога, и два фонаря, и телефонная будка, покрытые белым нежным одеялом. И она с умилением вспомнила первое в своей жизни Рождество, когда, будучи маленькой девочкой, она вместе с другими детьми водила вокруг елки хороводы. Вспомнила, какое это было счастье. Вспомнила конфеты и конфетти. Раньше она всегда радовалась Рождеству и Новому году.

Полли печально подумала о том, как беспощадно время. Как оно бессердечно. Как оно жестоко обошлось с ней. Больше нет той веселой, жизнерадостной хохотушки в летнем платьице в синий горошек. Нет популярной красавицы-журналистки, которую одаривали комплиментами известные писатели. Нет светской дамы, подруги знаменитого богача-гитариста, которой завидовали окружающие.

А есть прокисшая лондонская богадельня. Есть высохшая больная старуха. Есть муж, проигравший в казино и прокутивший в дорогих ресторанах гигантское состояние. Есть дети, которым больше не нужны их родители. И есть единственная радость в жизни — окно, выходящее на Лэндсиар-роуд. И в этом окне сегодня показывают ее любимый снег.

Снег падал и падал. И вчера еще грязная улочка становилась девственно чистой. Полли подумала, что такой день, наверное, хорош для похорон. В такой день, наверное, хорошо лежать в могиле, зная, что снег укроет тебя своим теплым белоснежным покрывалом. А еще лучше лежать вместе с Джилмором, потому что с ним не так одиноко. И пусть он лысый и толстый, пусть у него большой живот и слуховой аппарат. Пусть ему уже девяносто один, а ей всего лишь семьдесят четыре. Пусть он слабый человек. Но все же, несмотря ни на что, она до сих пор испытывает к нему нежные чувства. И ей будет чертовски тоскливо в земле без него.

Ей приснились ее и Джилмора похороны. Она была вся в белом. А он, естественно, в черном. Их дети и внуки плакали. Оркестр играл музыку мужа. Шел снег. Торжественная и величественная картина.

А под утро, когда ее разбудила сильная боль в коленях и она,

встав с кресла-качалки, собралась принять обезболивающую пилюлю, Полли машинально посмотрела в окно. И чуть было не свалилась в обморок от увиденного. Стоявшая бог знает сколько лет на тихой Лэндсиар-роуд телефонная будка вдруг куда-то за ночь исчезла, а вместо нее остался лишь темный след, черный квадрат Малевича посреди белого поля.

8

Сашка Немец, как оказалось, не попал ни в какую тюрьму, а просто довольно длительное время пребывал в «загранкомандировке». Сашка Немец был «черным археологом», хотя в трудовой книжке у него было написано «музыкант». Что же касается фамилии, то я не помнил, какая у него была фамилия. Все и всегда звали его Немцем. Потому что любил Сашка немецкую атрибутику времен Второй мировой войны, собирал книги по истории третьего рейха, коллекционировал фашистские песни и фильмы.

Нет, Сашка Немец не состоял ни в каких скинхедских организациях, в последнее время особо модных в России. Ни в каких группировках не числился. А объяснял свое хобби чистым любопытством и желанием детально изучить прошлое, приводя в качестве примеров или образцов для подражания таких общеизвестных во всем мире личностей, как Дэвид Боуи и Лемми Килмистер. И тот и другой, по словам Сашки, обладали солидными архивами антикварных вещей, относящихся к Германии периода 1933—1945 годов, и «почему-то никто их за это не осуждал, несмотря на то что их родина воевала с Гитлером».

А еще Сашка Немец любил юмор. Его «фирменным блюдом» были крылатые выражения и поговорки, переделанные им на шутливый манер. Ну, например, фраза «голь на выдумки хитра» в Сашкиной интерпретации звучала так: «голая на выдумки хитра». Он и меня заразил этим своим хохмачеством. Правда, я сумел всего лишь переименовать некоторые названия знаменитых альбомов группы «Pink Floyd»: «Темная сторона жены», «Вам бы здесь поблевать», «Блюдец, полное секреции»¹.

Я был безмерно рад его появлению. К тому же Сашка пришел не с пустыми руками. Трехлитровая бутылка свежайшего бочкового пива и увесистый шмат вяленого балыка служили тому доказательством. Мы пили пиво, слушали «Classic Rock FM» и разговаривали.

¹ Имеются в виду названия известных альбомов «Pink Floyd»: «Темная сторона Луны», «Вам бы здесь побывать», «Блюдец, полное секретов».

Надо сказать, что, войдя в мое опустошенное жилище, Сашка Немец не изрек ни одного слова удивления, не издал ни единого возгласа разочарования и уж тем более не стал с ходу банально наезжать на меня. И за это я ему был очень благодарен. Сашка вел себя как настоящий дипломат, делая вид, что он не видит у меня никаких изменений и обстановка в моей квартире осталась той же, какой она и была, когда он тут находился в последний раз. Я, разумеется, заметил, что лицо его сделалось чуть-чуть унылым, но Сашка Немец сразу же пустился рассказывать о своих веселых приключениях, и тень печали быстро слетела с его загорелой физиономии.

В Крыму, под Керчью, они откопали большое количество хорошо сохранившегося оружия, как немецкого, так и нашего; кроме того, нашли семь железных крестов, столько же эсэсовских финок и даже золотой перстень, принадлежавший якобы какому-то фашистскому бонзе. Будучи рок-музыкантами, Сашкина банда с наглым видом расхаживала по городу, спрятав и металлоискатели, и найденное в кофры из-под гитар, пока не реализовала основную часть раритетов одному местному знатоку-перекупщику.

По ходу авантюры подпольным старателям пришлось столкнуться как с нарядами полиции, так и с эфэбэшниками, но всегда они выходили сухими из воды, поскольку мэр города выдал им бумажку с печатью, удостоверяющую, что они являются главной группой, приглашенной им на день города. Что полностью соответствовало действительности. Потому что Сашкина банда ночью занималась незаконными раскопками, а днем вполне легально исполняла популярную среди молодежи музыку. Весь прошедший год они подобным образом «гастролировали» по полуострову.

Излагая свою историю, Сашка вставлял в повествование следующие выражения: «Обделались легким испугом», «Лучше синица в руках, чем утка под кроватью», «Сколько тебе дать денег, чтобы ты наконец сдох?», «Береги челюсть смолоду».

9

На бейджике было написано: «Michael Douglas. Security». Но в действительности охранника звали по-другому. Секьюрити, конечно же, не был в прошлом известным голливудским артистом. А был он мексиканцем и просто сменил свои имя и фамилию, когда получал американское гражданство. Он стал Майклом Дугласом, чтобы, как ему казалось, лучше вписаться в свою новую жизнь, ну а фильмы с участием именно этого ак-

тера были его любимыми фильмами, и поэтому ничего более подходящего ему в голову не пришло.

Хотя новоиспеченный Майкл Дуглас и был мексиканцем, но мексиканцев он не любил. А тем паче индейцев. Он сразу заметил рослого аборигена США, когда тот появился в выставочном комплексе почти перед самым закрытием. Несмотря на то что индеец был одет в обычный джинсовый костюм, носил стандартную бейсболку, а за плечами у него висел традиционный рюкзачок, то есть он практически ничем не отличался от многих других посетителей музея астронавтики, смуглое лицо и две длинные, туго заплетенные косички выдавали в нем потомка персонажей книг Фенимора Купера.

Охраннику индеец сразу не понравился. Своим рюкзачком. «А что если там бомба? — подумал он, не обращая никакого внимания на тот факт, что посетитель успешно преодолел рамку металлодетектора с сенсорами. — Знаю я этих краснокожих проходимцев. Они и через сигнализацию бомбу пронесут. Вся эта инженерия лишь для янки преграда. Надо бы ему в сумку заглянуть».

Индеец не смотрел в сторону Майкла Дугласа. Он с интересом разглядывал экспонаты, читал информацию о них на стендах и вроде как не собирался ничего тут взрывать. Особенно его заинтересовал корабль «Меркурий», на котором Джон Гленн впервые совершил свой суборбитальный полет. Краснокожий с косичками даже голову засунул внутрь капсулы. Потом он походил вокруг лунной четырехколесной тележки и что-то там произнес на своем индейском языке. Охранник не понял что, но пока терпел. А вот когда он остановился напротив «Аполлона», состыкованного с русским «Союзом», и вроде бы собрался подняться по трапу, ведущему в глубь этих огромных цилиндров и сфер, здесь лже-Дуглас не выдержал.

Немцы и австрийцы уже убралась, на прощанье еще раз прощелкав артефакты своими фотоаппаратами. Поэтому с индейцем охранник остался один на один. Поправив фуражку и правой рукой на всякий случай ухватившись за рукоятку «кольта», торчащую из поясной кобуры, он приблизился к сыну прерий и как можно вежливей произнес:

— Добрый вечер, мистер. Не могли бы вы показать мне содержимое вашего рюкзака?

Коренной житель Северной Америки вздрогнул от неожиданности, увидав перед собой охранника. Видимо, ранее он принял его за некий космический экспонат. Краснокожий с косичками чуть-чуть подумал и на плохом английском ответил:

— Ругсаг? Ругсаг фустой.

Индеец широко улыбнулся, выставив на обозрение два ряда желтых от табака зубов, снял котомку с плеч, расстегнул замки и... совершенно неожиданно вытащил на свет божий какой-то алюминиевый ящик. Дальше все произошло очень быстро. Держа ящик на ладони, он подsunул его прямо под нос Майклу Дугласу и сказал:

— Пошалуста.

Глаза у секьюрити вылезли из орбит.

— Так это же... — растерялся он, но не договорил. Потому что краем уха услышал плевков, взор его помутился, а сознание резко отключилось.

— Сердечный приступ, — на абсолютно нормальном английском сказал экскурсант, вытащил из шеи мешком лежащего Майкла Дугласа маленький дротик, затем прошел в другой конец зала к табличке с надписью «Элементы, снятые с АМС “Сёрвейер 3”», заменил имеющийся контейнер с электронным оборудованием на фальшивый, принесенный им в рюкзачке, и, насвистывая какую-то веселую песенку, не спеша побрел к дверному проему, в котором просматривалась первая ступень гигантской ракеты «Сатурн 5», стоявшей снаружи, у входа.

10

— Не болтай ерундой, — сказал Сашка. — Гитлер не был гомосексуалистом. Это ты «TEN TV» насмотрелся, когда у тебя телевизор был. Ты еще скажи, что он высасывал кровь из младенцев. Чушь полная. Ничего общего с реальностью не имеющая. А вот тебе, Арт, исторический факт: американский журнал «Time» в 1938-м назвал Гитлера человеком года. Тебе это известно? Весь мир тогда восхищался им: и США, и Англия, и СССР. Потом возненавидели, когда их любимец повел себя неадекватно, и о том, что они ему пели дифирамбы, все быстро позабыли.

Сашка был одет в новенькую бундесверовскую форму, привезенную им из своих крымских вояжей. Из-под пятнистой кепки с черно-красно-желтым флажком торчал его белобрысый чубчик, а на меня смотрели небесно-голубые Сашкины глаза. Ни дать ни взять — «истинный ариец, характер нордический, стойкий».

— Ты прямо адвокат Гитлера, — сказал я, вытирая рот куском газеты. Балык был до того жирный, что жир стекал на подбородок. — Разве он не считается самым чудовищным злодеем на земле?

— Ямщик, не гони лошадам. Это евреи его так называли. Если бы Гитлер евреев не тронул, он бы сегодня был окутан такой же славой, что и Наполеон. Евреи просто умеют за себя постоять. В отличие от русских. Сталин русских солдат не жалел, они для него пушечным мясом были. А русские до сих пор Сталина почитают. Он в России национальный герой. И в адвокаты Гитлера меня не записывай. Я вообще терпеть не могу кровавых диктаторов. Но я за объективность и историческую справедливость. Если быть до конца честными, то всем нам давно надо признать, что Великая Отечественная война Советским Союзом была фактически проиграна. Так называемая победа в ней была сомнительного свойства, не оправдывающая принесенных ради нее жертв. Это была пиррова победа.

— Вот только как это ветеранам объяснить? — сказал я.

— Тут я с тобой согласен. Они не поймут... Ветераны и все те, кто погиб, сражаясь за родину, — на самом деле истинные герои, достойные всяческого уважения. Никто не собирается преуменьшать их подвиг. А вот советские стратеги во главе со Сталиным — мясники и душегубы, бездари, понапрасну угробившие миллионы солдатских жизней, — сказал Сашка, а помолчав, добавил: — Или еще один убойный факт. Отгадай, чей автограф в Интернете самый дорогой — пять тысяч долларов стоит?

— Неужто Гитлера?

— Я тоже удивился, когда узнал. Напрашивается вывод. Оказывается, как ты говоришь, самый чудовищный злодей в мире пользуется самой большой популярностью среди пользователей Сети.

— И все-таки ты — адвокат Гитлера, — я снова атаковал Сашку, хотя пил его пиво.

— При чем здесь?... Ладно. Давай тогда о тебе поговорим. — Немец, видимо, решил сделать ответный выстрел. — А зомби-то здесь тихие. Да? Ха-ха-ха!.. Темка, ты не обижайся, пожалуйста, но я совершенно тебя не узнаю. Что с тобой случилось-приключилось? Почему человек, занимавший вполне нормальное положение в обществе, вдруг превратился в аутсайдера? Почему ты не работаешь, Арт? Тебя выгнали?

— Нет. Я сам ушел. Просто работа, какая бы она ни была, даже любимая, это рабство. Она для роботов, а я — человек. Однажды утром я проснулся и подумал: а почему, собственно говоря, я должен сегодня идти на работу? Потому что мне нужно зарабатывать деньги, чтобы покупать на них еду, одежду, оплачивать квартиру и прочее? И это все? Я нахожусь в Машине

только ради этого? Трачу свою уникальную жизнь на такую чепуху? Неужели я не могу позволить себе не работать? Хотя бы год? Неужели я не могу сделать себе подарок? Раз в жизни? Пожить так, как мне хочется, а не так, как им надо?

— Ну и проблемку ты себе придумал, — сказал Сашка. — Все же в этой системе, и ни у кого подобных вопросов не возникает... Ах да, ты же не все... И ты ушел с работы, а потом резко кончились деньги. Правильно?

— Деньги кончились, мое место занял другой, я выпал из обоймы.

Исправно работавший все это время радиоприемник вдруг шелкнул и вырубился, погрузившись в гробовую тишину.

— Целый день сегодня какая-то чертовщина, — прокомментировал я. — Сначала плитка сгорела, теперь вот приемник отключился.

— А ты ведь был еще и президентом фэн-клуба «Pink Floyd».

— Был. — Я вылил остатки пива в свою и Сашкину кружки. — Понимаешь, «Pink Floyd» — это пустышка. Соска такая детская. Обманка. Думаешь, что напился молока, а во рту — только вкус резины.

— Не верю ушам своим. Помнится, раньше ты говорил совершенно обратное. Если я адвокат Гитлера, то ты тогда убийца «Пинк Флойда»... Подожди, но ведь у них же классная музыка, Арт...

Приемник, шелкнув, снова ожил и, как это ни странно, проиграл песню группы «Pink Floyd». Под названием «Money» («Деньги»).

Натюрморт был такой: две пустые кружки, на промасленной газете — обглоданные кости и шкурки от рыбы, а рядом в виде веера — десять банкнот достоинством сто долларов каждая. Натюрморт мне нравился. Из овалов купюр на меня глядели десять близнецов — десять Франклинов. Здорово похожих на покойного соседа дядю Колю.

Сашка дал мне деньги, чтобы я, как он выразился, «выкупил у этого вампира Рок-н-ролла хоть какие-то свои вещи», а сам, прихватив бутылку, ушел за пивом. Как я ни пытался в знак благодарности подарить ему компакт-диски, Немец брать их наотрез отказался. Сказал, что я их еще сам буду слушать. Надо признаться, не ожидал я такого от «адвоката Гитлера». Хоть и тринадцатое число было на календаре и к тому же понедельник, а день явно удавался. Несмотря на то, что утром навалилась всякая всячина.

В дверь позвонили. «Что-то он быстро вернулся», — подумал я, всунул баксы в карман джинсов и с радостью побежал открывать.

На пороге стоял человек в синей униформе с какой-то бумажкой в руке.

— Артем Иванович Комаров? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Лисконоженко, восемнадцать, квартира пятьдесят девять?

— Да, — ничего не понимая, подтвердил я.

— Вам посылка. Заносите, ребята.

Он посторонился, давая дорогу трем крепкого телосложения парням, одетым точно в такие же, как у него, комбинезоны. Парни подняли огромный ящик, стоявший на лестничной площадке, и стали втаскивать его ко мне в квартиру. Ящик был действительно огромный, он еле прошел в дверной проем.

— Но я ведь ничего не заказывал, — отчаянно пытаюсь сообразить, что бы все это значило, сказал я. — И ничего платить не буду.

— Все уже оплачено. Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Парни поставили ящик в прихожей, установив его вертикально. Я расписался на бумажке, спросил:

— Кто отправитель? Здесь ничего не указано. И вообще, что вы мне принесли?

— Это сюрприз, есть у нас такая услуга, — сказал главный. — Мы — служба доставки. Нам дали задание доставить, мы доставили. К доставке претензии есть? Нету. Всего хорошего.

Уходя, четверо незнакомцев повернулись ко мне спинами. У каждого между лопаток было написано оранжевыми буквами «DHL».

«Что это может быть? — подумал я, оставшись один и в явном смятении прохаживаясь вокруг ящика. Ящик был из фанеры и не имел ни единой надписи. Только на одной стороне внизу черной краской от руки были нарисованы какие-то мелкие циферки. — Может, это холодильник? Может, Толика совесть замучила и он решил вернуть мне мой рефрижератор? Да нет, мой «LG» хоть и был большой, но этот просто гигант. Может, из-за упаковки? Обалдеть!»

Я направился в гостиную и выглянул в окно. Четверо парней в синих спецовках, вышедшие из подъезда, уже садились в автофургон.

Часть вторая. Машина

1

Все ликвидаторы имели личные номера, и только у него помимо цифрового кода было еще и прозвище — Хет-трик. Как-то раз ему удалось за одни сутки ликвидировать три объекта. Он был один такой уникальный в Управлении.

На этот раз задание было пустяковое. Один старый хрыч (из бывших) впал в маразм и стал слишком много болтать. Наболтал известному таблоиду то, чего не должен был, и теперь надо было заткнуть ему рот. Намертво.

Объект был нетрудный. Поэтому Хет-трик не стал лезть на крышу или на балкон или подниматься черным ходом, а пошел напрямую, через парадное крыльцо, прихватив с собой лишь пару микрофонов и пистолет-шприц.

Консьержка оказалась первой категории внушаемости. Фактически можно было сделать так, чтобы она сама всю его работу выполнила. Но он не захотел возиться, а только запрограммировал ее на неузнавание.

Дверь искомой квартиры была стандартная: два английских замка, обычный глазок. Таких дверей у него были тысячи. Микрофоны вообще не понадобились. И так было ясно — работает телевизор, старый хрыч наверняка сейчас смотрит футбол. Именно в это время должны были играть наши со швейцарцами.

На самом деле ситуация складывалась несколько другая. Источник звука находился на кухне. И оттуда слышался не футбольный матч, а эстрадный концерт. Он тихонечко заглянул в дверной проем. Видимо, это была домработница, о которой говорил Контролер. Она мыла посуду и что-то мурлыкала себе под нос в такт с транслируемой музыкой. Он видел ее со спины. Несмотря на свои шестьдесят четыре, энергичная особа, длинные рыжие волосы, большая задница. Он не стал ее трогать. Она ему пока не мешала.

Хрыча он нашел в зале. В зеркале отражалась его сгорбленная фигура, сидящая в кресле. Старик выглядел как мумия — желтая восковая кожа, глаза закрыты, не лицо, а маска — и дремал, чуть-чуть посвистывая носом. Хет-трик вытащил пистолет-шприц и... потерял сознание.

2

— Ты видишь то же, что и я? — спросил Немец. — Или мне чудится?

Мы только что разломали упаковку. Вокруг нас валялись фанерные щиты. Гвозди угрожающе торчали, того и гляди — наступишь. Немец бросил на пол молоток и ломик.

— Красивая, зараза. Неужели она прямиком из Англии пришла?

— А то. Вон у окна фотка висит. Из журнала вырезал. Там Сева Новгородцев рядом с такой же стоит.

Изучив фотографию, Сашка произнес:

— Точно, как две капли воды. А Сева постарел, сморщился весь, да и седой стал как лунь. Что это он так вырядился: цилиндр, смокинг?

— Его же Орденом Британской Империи наградили. Из рук самой королевы получил.

— Ну да, висит какая-то бляха. Железный крест, правда, красивей будет... Погоди-ка, так, может быть, это Сева тебе ее подогнал?

Я посмотрел на Сашку, словно на сумасшедшего.

— Ты что! Сева скорее удавится, чем что-то пришлет. Придумаешь тоже! Я книгу ему свою про «Pink Floyd» выслал, шесть лет ответ жду.

— «Кирпич к кирпичу»?

— Угу.

— Ну да, это сколько же надо было фунтов потратить, чтобы такой сюрприз тебе организовать? На пересылку несколько тысяч ушло, а уж сколько на сам подарок, я и представить боюсь. Может, у тебя еще какой знакомый в Лондоне живет?

— Есть один. Роджером Вотерсом кличут.

Немец расхохотался.

— Чтобы он раскошелился, глубоко сомневаюсь. Флойды, насколько я знаю, до сих пор делят, никак не поделят, кто из них что сочинил.

— Чем богаче человек, тем жаднее.

— Ладно, — сказал Сашка, — сейчас выясним имя твоего читателя.

Он достал мобильный телефон, начал нажимать на кнопки. Я обратил внимание, что от удивления Сашка прекратил вставлять в свою речь шутки-прибаутки. Да и я тоже был в шоке от происходящего. Голова у меня шла кругом.

— Алло, — сказал Немец. — Справочная? Мне бы номерок местного отделения «DHL». Да, «DHL». Ага, ага, еще раз. Ага. Понял. Спасибо, девушка. — Он снова набрал комбинацию. — Алло. «DHL»? Это вам из ФСБ звонят, полковник Михеев. Да. Вопрос национальной безопасности. Час назад вами была до-

ставлена посылка Комарову Артему Ивановичу, проживающему по адресу: Лисконоженко, 18, квартира 59. В посылке оказалось мощное взрывное устройство, которое мы сейчас обезвреживаем. Да. Нам нужно имя отправителя, его координаты. Да. Комаров Артем Иванович, Лисконоженко, 18, квартира 59. Да, я жду... Да. Как вы говорите? Еще раз. Понял. Спасибо... Мы тут закончим с разминированием и к вам подъедем. Письменные показания взять.

Я резко повернулся к Сашке, спросил:

— Кто?

На его физиономии читалась полная растерянность. Он смотрел на меня так, словно ему только что сказали, что отправитель он — Сашка Немец (или Александр Михеев, если Михеев его настоящая фамилия).

— Ну, кто? Говори.

Сашка молчал. А потом он перевел взгляд с меня на что-то, что происходило за моей спиной. Его лицо при этом еще больше вытянулось, а рот приоткрылся. У меня сердце упало, когда он воскликнул:

— Мать честная! Да что же это в самом-то деле?!

3

Когда Хет-трик пришел в себя и разлепил веки, он увидел сразу двух Аналитиков. Сначала он подумал, что у него двоится в глазах, но потом обратил внимание, что один Аналитик отличается от другого. Тот, что сидел в левом кресле, спал и похрапывал. А тот, что в правом, просто сидел и смотрел на него, на Хет-трика. На коленях у того, что смотрел, лежали большой рыжий парик и черная папка. Лица близнецов тоже несколько отличались. У того, что сидел слева, цвет кожи был как у покойника.

Не спавший Аналитик заговорил первым. Он сказал, что ждал его, Хет-трика, еще вчера; что интервью таблоиду он дал специально, чтобы Управление встревожилось и прислало ликвидатора; что все получилось так, как он, Аналитик, и спланировал; что ликвидатор, то есть Хет-трик, попался на удочку; что хотя ему, Аналитiku, и девяносто семь с лишним, но голова у него очень хорошо работает, а будет она работать намного лучше, если он, Хет-трик, выполнит его, Аналитика, задание.

Хет-трик еще плоховато соображал, но понял, что старик действительно ловко переиграл его, что этот хитрый лис вколол ему медицину и что, скорее всего, заснял его откровения на «цифру», а рассказать ему, Хет-трику, есть о чем, и что

если Контролер обо всем этом узнает, то ему, Хет-трику, конец.

Словно прочитав его мысли, Аналитик сказал, что положение у него, Хет-трика, на самом деле аховое, но отчаиваться не надо, а надо послушаться его, Аналитика, и сделать так, как он посоветует.

Хет-трик обнаружил также, что сидит он в кресле-каталке и что руки и ноги у него закованы, но не в наручники, а в какие-то чудные, никогда ранее им не виданные мини-кандалы с цифровым замком, от которых вряд ли можно быстро избавиться. Кроме того выяснилось, что Аналитик тоже владеет гипнозом, и уровень у него очень даже приличный.

Аналитик сказал, что похороны его, Аналитика, состоятся завтра; что вот эта сидящая рядом с ним высокотехнологичная кукла будет лежать в гробу; что она по внешнему виду практически не отличается от оригинала и что все им уже организовано. Он сказал также, что завтра Хет-трик возьмет положенный ему после ликвидации отпуск и доставит из-за границы то, что он, Аналитик, ему укажет.

Потом Аналитик вынул из черной папки бумаги и кое-какие из них зачитал. Там были копии секретных документов NASA. Там были отчеты о глубоководных экспедициях. Там были также аналитические выкладки самого Аналитика. И по мере того как Аналитик читал эти выкладки и подробно комментировал их, засевавшая в голове у Хет-трика мысль о том, чтобы ухитриться вырваться из оков и все-таки убить старого хрыча, постепенно улетучилась, а ее место заняла другая — а почему бы ему, Хет-трику, и не поучаствовать в этом деле.

Тем более что Хет-трику было хорошо известно, что старый хрыч в свое время разработал прекрасную схему, как выкрасть у американцев технологию изготовления атомной бомбы, и Лаврентию Павловичу, по сути, только и оставалось, что выйти на Розенбергов. Ходили слухи, что и к «шаттлу» Аналитик имел самое прямое отношение. Поэтому слетавший с его уст бред, казавшийся на первый взгляд абсурдом, вполне мог оказаться совсем и не бредом.

Тщательно взвесив все «за» и «против», Хет-трик дал согласие.

4

Телефонная будка своей иллюминацией слегка походила на светофор. Короны в самом верху светились желтым цветом; ниже, надписи «TELEPHONE», — кроваво-красным, а над дверной ручкой английское слово «PULL» горело зеленым.

— Аккумулятор в ней где-то спрятан, — сказал Сашка. — То ли под полом, то ли в крыше. И датчик, видимо, стоит. Среагировал на расконсервацию. — Он поглядел на меня. — Да не ломай ты себе голову. Кто-то хреново пошутил. Какая-то сволочь прикрылась именем твоего отца. Кто-то из знакомых, которому известна история вашей семьи... Папа у тебя ведь, кажется, военным был. А он точно умер двенадцать лет тому назад?

— Точнее не бывает.

— И тело его ты видел?

— Конечно.

— При каких обстоятельствах он погиб?

Мне не хотелось ни вспоминать, ни отвечать, но я и вспомнил, и ответил:

— При испытаниях вакуумной бомбы под Семипалатинском. Он был аэрофотографом, а самолет зацепило. Ну и...

— Ладно. Ясно. — Немец понял, что из меня он вряд ли что еще вытянет, и снова обратил свой взор на объект исследований. Он подошел к телефонной будке, открыл стеклянную дверь, вошел внутрь. Я нервно прохаживался снаружи, наблюдая за Сашкой. Пенопластовая крошка похрустывала под ногами.

Как только он вошел, к красному, желтому и зеленому добавился еще и синий свет, включившийся внутри будки. Свет был такой яркий, что Сашка мгновенно стал похож на инопланетянина из фильма «Аватар». Но он не испугался, а улыбнулся из-за стекла и скорчил страшную рожу. Сашкина жизнерадостность мне импонировала.

Сняв телефонную трубку, он приложил ее к уху, послушал, и я опять увидел удивленное выражение на его ставшей теперь синей физиономии.

— Представляешь, аппарат работает, — сообщил Немец. — И что поразительно — разговаривает, подлец, на русском языке.

— Чего говорит? — спросил я.

— Говорит, введите десятизначный код, а то никакого соединения не будет.

Теперь удивился я:

— На фига мне такой телефон, если с него позвонить нельзя. Где я, черт побери, возьму этот код?

— А те, из «DHL», тебе его не сказали?

— Нет, я только на бумажке расписался.

— Не горюй, узнаем. — Сашка продолжил свои изучения. Он

наугад набрал десять цифр. Потом другие десять цифр. Потом он ощупал аппарат со всех сторон и радостно воскликнул: — Арт, тут же нет никаких щелей: ни для монет, ни для пластиковой карточки!

— И что это значит? — сказал я. — Мобилка?

— Что это значит? По-моему, это вообще не телефонная будка.

5

«Блюда» в меню располагались по мере увеличения цены. Первыми в списке значились: «Apollo» и «Spoetnik». Стоили они одинаково — по 5,00.

Мысли его ворочались вяло, но все еще ворочались, и он подумал: «Американская и советская космические программы повлияли и на наркош. “Аполлон” со “Спутником” увековечены в названиях химической дури. Теперь без всяких ракет можно в космос летать».

Следующими шли «Joints» по цене 10,00 за один.

«Косяки с марихуаной. Пробовал-пробовал я эти сигаретки. Неплохая вещь, но слабовато. Не пойдет. Надо что-то убийственное. Гробовое. Чтобы уже не вернуться».

Потом потянулись «восточные сладости»: «Maroc», «Afganistan», «Lebanon». В ценовом диапазоне от 11,00 до 18,00. Он равнодушно прокомментировал:

«Марокко, Афганистан, Ливан. Раскаленный ветер пустыни. Песок на зубах. Караваны верблюдов... Нет. Пас. Что там дальше? “Crack”. О да. Знаменитый “крэк”. “Бог хочет “крэка”...”¹ Откуда это?.. Разбодяженный героин. Этот посильнее будет. Но не то. Отрава должна быть фатальной».

Затем он прочел:

«“Cokepasta”. Понятно. А это разбодяженный кокаин».

В скобках стояло: (for love).

«Для любви... Перемолола она меня. Своими шестеренками. Раздробила кости. Порубила мясо. Никаких чувств не осталось. Лишь ошметки мозга... Самая дорогая проститутка Голландии ниче сделать не смогла. Какая, к дьяволу, любовь? Все, приехали, вылезай, паря».

За 40,00 можно было приобрести «Speed» («Скорость»). В скобках было написано: (Madonna!). Он холодно заметил:

«Мадонна с младенцем. Матерь божья... Или поп-певичка. Скорее всего, поп-певичка. Скоростной оргазм. Точно».

¹ Фраза из песни «То, что Бог хочет» с сольного альбома Роджера Вотерса «Amused to Death» («Развлекенные до смерти»).

Наконец появились тяжеловесы. Цена резко возросла. Первым шел «Boris». За 135,00.

«Опять русское слово. Что-то им русские слова понравились. Как будто мы такие уж наркоманы... Хотя...»

Вторым значился 90-процентный кокс из Америки. А завершал список 90-процентный героин из Турции. Кокс стоил 200,00, героин — 275,00. В самом низу было приписано: «Included Tax!!!» То есть: «С учетом налогов!!!» В этом месте его сознание несколько оживилось: «Турки побили америкосов... Хотя на самом деле, наверное, героин из Афгана, а кокс из Колумбии. Подобно тому, как «настоящий английский чай» всегда был индийским... Не исключено даже, что оба наркотика из Колумбии... Как раз то, что надо. Гульдены есть. Возьму побольше. На все деньги. И... Только одна мысль гложет меня. Не дает покоя. Как червяк, грызет. Ну, сам-то ты не выдержал, не справился, надорвался, а ему зачем ее оставляешь? Это же Армагеддон, конец света... Они же ничего не понимают. Они думают, счастье, рай. Стремятся, жаждут, тратят свои жалкие душонки. Аналитик и тот с ума съехал... Почему я ее не взорвал? Да потому что сам такой же. Ничем не лучше. Потому что однажды заключил сделку с сатаной... Это меню, его ведь продолжить можно. Женщины. Деньги. Власть... Но в конце все равно будет стоять она — Машина. Ниже нее просто ничего уже поставить невозможно...»

6

Роджер с восхищением смотрел на Луну. Луна была огромная, темно-желтая и светила, как ему казалось, манящим, гипнотическим светом. «Почему ее сравнивают с головкой сыра? Совершенно она на сыр не похожа. Как по мне, так она скорее напоминает круглый самородок. Золотой шар. А цвет золота всегда меня прельщал. Может быть, поэтому Луна присутствует в моем творчестве? Да, наверное. Только вот хрен они клали на мое творчество. Из Безумца культ сделали¹, а меня забыли. Они вообще не знают, кто я такой. Ничтожные людишки. Червяки. Плюнуть бы им всем в рожи. «Темную сторону Луны» боготворили, вечеринки в честь нее устраивали. «Стену» обожали, с ума по ней сходили. А «Amused to Death» проигнорировали. Такую пластинку не заметили! Шедевр! Если бы на ее обложке было написано «Pink Floyd», то тоже вознесли бы до небес. Развлеченные до смерти. Комфортабельно онемелые.

¹ Имеется в виду сошедший с ума Сид Барретт, участник группы «Пинк Флойд».

А они вознесли до небес «The Division Bell». Первое место и в Англии, и в Штатах. Ни «Луна», ни «Стена» таких высот не достигали. Поразительно! Эти бездари обманули все человечество! Эти подонки: Пижон, вечно строящий из себя гения, Автогонщик, ради денег предавший меня, своего самого близкого друга, и Джазист-Анашист, постоянно недовольный моими идеями, но так ни разу не родивший ни одной своей. «Роджер, ты сочинишь не ту музыку, надо больше оркестровок, больше джаза». Идиот обдолбанный! Я его выгнал, но он опять со своим хорькообразным рылом влез в группу. А жена Пижона стихи им сочинила! Совсем свихнулись, идиоты. Мать их!

Эх, мне бы машину времени. Мне бы вернуться из девяностых в восьмидесятые. Все бы изменил. Они бы у меня поплясали. Как шелковые бы ходили. А не нравится, повыгонял бы к хренам собачьим».

Богатое воображение живо нарисовало ему картинку, как Пижон и Автomeханик ползают перед ним на коленях, умоляя, чтобы он оставил их в «Пинк Флойде». Как он со всего размаху бьет кулаком по наглой носопатке Автогонщика. А Пижон в это время в испуге закрывает ладонями свое кукольное модельное личико. Роджер улыбнулся и увидел на золотом фоне Луны гигантскую черную надпись: «ROGER WATERS».

«Вот это был бы промоушн! Куда там надувной свинье! Это было бы бессмертие. Выходишь вечером на балкон, а в небе висит Луна с моим именем. Круто! Круче не бывает!»

Но тут воображаемая надпись исчезла, и он в который раз снова подумал о том, какую колоссальную кучу долларов его бывшие коллеги заработали без него. И тогда в бессильной злобе на них он завыл на Луну. Как Симус, как Мадемуазель Нобс¹, как человек, раздавленный сапогом фатального рок-н-ролла.

7

У Степана Плотникова была странная привычка справлять малую нужду, стоя на корме яхты, на которой он путешествовал. Самому себе он объяснял это философски — мол, я возвращаю назад воду, испарившуюся когда-то с поверхности океана, то есть закольцовываю кругооборот H_2O в природе. Кроме того, была и другая логическая причина. Своими действиями он значительно снижал наполняемость фановой цистерны судна.

Степан знал множество историй, рассказанных бывалыми

¹ Клички собак, имеющих отношение к творчеству «Флойда».

морьяками, о том, что такие вот привычки заканчивались порой трагически. Люди, не идущие в галльон, а писающие с палубы того или иного плавсредства, иногда бесследно исчезали, а спустя время их трупы вылавливали в море. Обстоятельства гибели никому точно не были известны, поскольку, как правило, свидетели отсутствовали, но предположительно «писающие мальчики» поскальзывались, бились затылком о металл, теряли сознание и падали за борт. Однако на этот случай у Степана имелся так называемый «пояс монтажника». Если бы не странная привычка, то Степан не стал бы свидетелем еще более странного явления природы.

В тот вечер он, как обычно, отправился на корму «Мурены», пристегнулся карабином к лееру, расстегнул ширинку и... на расстоянии полутора кабельтовых от яхты увидел столб зеленого света, который неожиданно возник строго по линии движения судна. Свет шел из-под воды, уходил в густо усыпанное звездами небо и там рассеивался. Плотников так удивился, что даже забыл о цели своего прихода. С расстегнутыми штанами он минут пять наблюдал за необычным океанским феноменом.

Яхта со скоростью семь узлов удалялась от таинственного луча, и Степан уже стал подумывать о том, что, может быть, развернуть ее и исследовать явление. Он с удовольствием освободил свой мочевой пузырь, одновременно размышляя, как ему половчее подобраться к зеленому столбу. Не успел он как следует заправить рубашку в джинсы, как новое обстоятельство заставило его опять удивиться. Из зеленого луча... вылетел оранжевый шар. Два вопроса сразу же задал себе Степан: откуда это он взялся и почему шар не зеленый, а оранжевый?

Но помыслить над вопросами основательно ему не довелось, потому что шар стал стремительно догонять «Мурену». Через десять секунд он был на полпути к яхте, а через двадцать висел точнехонько над головой Плотникова. Большой, цвета апельсина шар, словно прожектор, обрушил на Степана всю мощь своего свечения. Степан так перепугался, что забыл, что он пристегнут к лееру цепью. Он попытался убежать в каюту, но какая-то неведомая сила его не пускала. Он боялся смотреть вверх, а смотрел на все еще хорошо видимый зеленый луч, торчащий вдали из воды, и молился. Он три раза прочел «Отче наш», а потом словно кто-то там, наверху, нажал на выключатель — и зеленый луч и оранжевый шар бесследно исчезли, будто их и не было никогда.

Ночью он почти не спал. Впадал в полудремоту. Снился ему

странный сон. Вроде как он ныряет в том месте, где видел луч. Ничего не находит. А выныривает — и оказывается, что одна рука у него зеленая, а другая оранжевая.

Рассвет застал его у штурвала. Он думал о том, что хотя он и знаменитый путешественник, но никто ведь не поверит его рассказу; что нужно все время ходить с фотоаппаратом; что одиночная кругосветка не предполагает очевидцев и что если бы он не помолился, то неизвестно, чем бы все это дело с шаровой молнией закончилось. А когда солнце по-настоящему пригрело и он снял штормовку, вдруг вспомнил, что вчера чисто автоматически засек координаты луча по GPS-навигатору. Он спустился в каюту, нашел записи и в справочнике Ллойда выяснил поистине поразительную вещь. Оказалось, что вчера его яхта «Мурена» прошла над местом гибели одного очень легендарного корабля. И назывался тот корабль «Титаником».

8

Клацнула клавиша. Появился человек. Он стоял спиной к зрителю. Одетый непонятно во что, но во все черное. Его плечи, спина, руки, ноги были увешаны большими лампочками. Лампочками накаливания. Матовыми. Она прикинула на глаз, сколько их тут, подумала: «Примерно пятьдесят... Да, есть что-то от Дали. Смотришь — и смотреть хочется. Завораживает. Сюр».

Щелкнуло колесико. На зажигалке была картинка «летающей тарелки» с буквами ELO посередине. Затянулась ментоловой сигареткой. «Он думает, он самый умный. Объяснял, что эти лампочки обозначают. Что Торгерсон имел в виду. А я с серьезным видом его выслушивала. Хи-хи. Нес какую-то хрень. На самом деле идея довольно примитивная. Хотя... Питер Габриель смотрелся довольно здорово. Особенно в темноте. Видимо, тоже в поклонниках Сторма ходит. Иначе зачем бы ему из себя делать реального “Человека с лампочками” на сцене. Немного смешно, правда, выглядел кабель-хвост позади чудокуртки. Хи-хи».

Бахнула пробка. Зашипело шампанское. Полилось в фужер.

«“Сегодня праздник у девочек...” Ушла реликвия-меморабилия: За 8 тысяч у. е. ушла. С аукциона Е-бай. Хи-хи. Это надо отметить. Теперь я импланты вставляю. И в груди, и в ягодицы. Они там, в Альбионе, спермой изойдут, когда Лизу-Королеву увидят... Мозгов навалом, а вот красоты... Сошлись мы с ним на почве обоюдной симпатии к английскому языку и западной

рок-музыке. Продал мне “Человека” за 30 долларов, а на все деньги цветов купил. Влюбился, дурачок. “Рыжий, рыжий, конопатый...”»

Клик, клик, клик-клик. «Вот кто обаяшка, вот мой настоящий герой. Кучерявенький, с бородкой. Великий и неповторимый Джефф Линн! А какой талантливый! Все песни для “Electric Light Orchestra” сочинил! Где самая вкусенькая — “Ticket to the Moon”?» Клик, клик, клик-клик. В наушниках зазвучала ее любимая песня. Она стала подпевать: «I’ve got a ticket to the moon, I’ll be leaving here any day soon (У меня есть билет на Луну, скоро я уеду отсюда, в любой день)... Got a ticket to the moon, I’ll be rising high above the earth so soon (Есть билет на Луну, очень скоро я вознесусь высоко над Землей...) Ticket to the moon, fly, fly through a troubled sky up to a new world shining bright (Билет на Луну, полечу, полечу сквозь тревожное небо в новый ярко сияющий мир)... Ну, просто прелесть! А от “Пинк Флойда” у меня голова болит».

Клац, клац, клац-клац. Вернулась к «Человеку с лампочками». До дна осушила бокал, закусила шоколадкой. Клац, клац, клац-клац. Ожил цифровой лазерный принтер. Вставила лист бумаги. «Как бы у него “Два лица в одном” выманить? Мне ведь еще фейс надо подправить. “Ты ненакрашенная страшная и накрашенная...” Хи-хи. А эту копию я в рамочку вставлю, на стеночку повешу. Пусть думает, что оригинал».

9

Конечно, изображая человека с лампочками, знаменитый художник-оформитель подразумевал световые шоу, которыми так славилась группа «Пинк Флойд». Но лично для меня этот персонаж имел более глубокий смысл, о котором сам Торгерсон, как оказалось, и не догадывался. Я полагал, что у каждого человека есть, фигурально выражаясь, такие вот лампочки. Правда, не у каждого они зажигаются. Есть люди, прожившие всю свою жизнь с лампочками, так и не загоревшимися. Есть люди, у которых они светятся лишь вполнакала. Таких, у которых лампочки ярко горят, единицы. Причем есть те, у которых лампочки горят белым светом, а есть те, чьи светятся черным. К числу последних я теперь относил и одного из моих близких друзей.

Я ушел от Рок-н-ролла в расстроенных чувствах, не выкупив у него ни одной своей вещи. Приобретенное за бесценок Рок-н-ролл собирался продать мне почти по магазинной цене. Честно признаться, не ожидал я от него такого подвоха. Он про-

сто убил меня наповал. В моем сознании словно что-то перевернулось. Рок-н-ролл в одночасье вдруг превратился в маленького злобного карлика, стал похож на мерзкого упыря, и иметь с ним какие-либо отношения дальше мне больше уже не хотелось. Вот такой подарочек я получил на свой день рождения.

Никто, однако, не спешил меня с ним поздравлять. Может быть, потому, что мой мобильный телефон остался невыкупленным у Рок-н-ролла. Пойти и приобрести новый? Очень смешно. Жалко, что Сашка Немец снова уехал в очередную свою «археологическую экспедицию», а то бы мы с ним сегодня погудели. Это, наверное, мой единственный настоящий друг. Вместо мобильного телефона куплю лучше бутылку хорошего вина. И пойду праздновать к Лизавете. Она, к сожалению, так и не поняла моих объяснений по поводу лампочек, хотя сделала вид, что вроде как поняла. Ну а куда мне еще идти? Не праздновать же свой день рождения в компании лишь с телефонной будкой? Что мне с этой будкой делать, ума не приложу. Стоит вместо мебели. Абсолютно бесполезный агрегат. Код так и остался неизвестен. Сашка все же набрался наглости и посетил местное отделение «DHL». Однако толку от этого визита не было никакого... Елки-палки! Вот это да! Я совсем забыл! Какие-то цифры были на ящике написаны! Точно! Я же их видел, когда будку привезли! Где эта фанера? Если я ее не выкинул, то на балконе, наверное, лежит. Кажется, не выкинул.

Артем сидел за столиком и пил вино в полном одиночестве. Целый час он провозился, пытаясь добраться до фанерного щита с цифрами. Поскольку балкон был завален основательно. Всяким никому не нужным барахлом, чье место на свалке — только вот руки у Артема не доходили отправить его туда. К сожалению, все его труды оказались напрасными. Цифры, обнаруженные на бывшей упаковке, не подошли. Цифр было не десять, а девять. Скорее всего, просто номер посылки. Ничего более. Тем не менее он набрал цифры на телефоне. Впрочем, совершенно напрасно.

Чтобы было не так грустно, включил радиоприемник, настроенный на «Classic Rock FM». Передавали концерт по заявкам. Кто-то кого-то с чем-то поздравлял. От этого ему стало только хуже. «Напьюсь хорошенько и все же пойду к ней. Такая тоска, что умом можно двинуться. День рождения называется. Как там в песне? День рожденья грустный праздник...» И тут его ухо уловило нечто необычное. Ведущий зачитывал следующее

поздравление, и это поздравление касалось конкретно его, Артема. Некий поклонник «Пинк Флойда» с совсем не русским именем Боб Клоуз поздравлял его с днем рождения, желал всяческих благ, просил исполнить для Артема Комарова песню «Welcome to the Machine» и, самое главное, настоятельно рекомендовал ему позвонить по номеру 095-525-66-76. Номер телефона диктор повторил дважды.

Под пение Вотерсом слов «Welcome my son, welcome to the Machine...» Артем вошел в телефонную будку и набрал указанную комбинацию. В серебристой трубке раздался длинный гудок, а потом мужской голос вместо привычной фразы «неправильно набранный десятизначный номер, попробуйте еще раз», давно осточертевшей Артему, сказал совершенно другую:

«Добро пожаловать, сынок. Добро пожаловать в Машину!»

Часть третья. Опции

1

— Ловко ты с пожаром придумал, Ваня. Не ошибся я в тебе, — похвалил его Аналитик. Говоря это, он на Хет-трика не глядел, а все свое внимание сосредоточил на телефонной будке. И к тому же руки потирал, словно собирался что-то вкусненькое скушать.

— Откуда сведения? — Загоняя тельфер в дальний конец ангара, Хет-трик мысленно увидел, как огонь пожирает трехэтажное здание.

— Интернет, Ваня, да и в «Евроньюс» кое-что сообщили. — Аналитик, одетый в белый халат, доставал из карманов резиновые перчатки. Ни дать ни взять — хирург готовится к операции. Только вот шапочки не доставало и марлевой маски. — Денег-то тебе хватило?

Пожар действительно был замечательной идеей. Музейные работники сами вынесли будку наружу. Осталось лишь в атмосфере всеобщей паники и дыма незаметно подменить ее на пожарную. Что им и было блистательно проделано.

— Хватило, Олег Петрович. Около десятки еще на карточке лежит. — Хет-трик остановил тельфер, бросил пульт управления, тот закачался на толстом электрошнуре, словно маятник.

— Оставь себе, заслужил... А сколько тебе, Ваня, надо денег, так сказать, для полного счастья? — Аналитик вооружился стетоскопом и линзой с нехитрым приспособлением, надеваемым на голову.

Хет-трик молча подошел к Аналитiku, сбоку посмотрел на его пергаментную, почти столетнюю физиономию, усыпанную старческими пигментными пятнами, подумал: «Полоснуть бы бритвой по твоей цыплячьей шее, да нужен ты мне пока», а вслух ответил:

— Ну, не знаю. Миллионов сто, наверное. Не рублей, конечно.

Аналитик обернулся, уставился Хет-трику в глаза; усмехнувшись, сказал:

— Если дело получится, обещаю. Будет у тебя сто миллионов долларов.

— Одного не пойму, Олег Петрович. — Хет-трик присел на металлический табурет с круглым вращающимся сиденьем, регулируемым по высоте. — Вот вы говорите, что мы продадим это... э... устройство американцам. Но ведь это же их устройство. Не наше. Не российское. Не советское. Иначе как оно очутилось на Луне?

Аналитик вошел в телефонную будку, но дверь не закрыл и оттуда стал объяснять ситуацию, одновременно внимательно осматривая корпус телефонного аппарата.

— Правильный вопрос задаешь, Ваня. Предполагаю, что это, как ты говоришь, устройство имеет отношение к Вернеру фон Брауну, который, как выясняется, был большим поклонником великого американского изобретателя по имени Никола Тесла. Слышал про такого? Нет? По моим данным, они несколько раз встречались в сорок втором году, за год до смерти этого выдающегося электротехника. Никола Тесла был не только талантливым ученым, но еще и большим чудачком. Отсюда, видимо, и вся эта эксцентричность: Луна, «Титаник».

— Подождите, но если это какое-то сверхмощное оружие, тогда почему Браун не применил его во время Второй мировой войны, чтобы Германия победила?

— Это мы и попробуем выяснить, мой друг. А ты уверен, что это именно оружие? Может быть, это что-то совершенно иное... Посиди, Ваня, покури пока. Мне надо найти, как тут коробка открывается.

Аналитик вставил в уши стетоскоп, надвинул на глаз линзу и стал исследовать телефонный аппарат. Хет-трик забросил ногу на ногу, закурил сигарету. «Старому хрычу помирать пора, а он надеется, что деньги его от смерти спасут. Конечно, с большими деньгами он, возможно, и продлит себе жизнь. Но на много ли? Хотя, с другой стороны, безусловно, в его возрасте каждый день на вес золота. — Он огляделся по сторонам. —

Зачем ему такой огромный ангар? Совершенно пустой. Неужели нельзя было найти что-нибудь типа гаража?»

Усилия Аналитика увенчались успехом, коробка телефонного аппарата, слегка скрипнув, раскрылась. Он еще немного покопался в ее внутренностях, потом вышел из будки и восторженно сообщил:

— Я так и знал. Пустая в середине. Никакой начинки.

Затем Аналитик подошел к пузатому алюминиевому кейсу, лежавшему прямо на бетонных плитах ангара, присел на корточки, откинул крышку, осторожно вытащил электронный блок.

— Тот самый, с «Сёрвейера»? — спросил Хет-трик, про себя отметив, что у старика мелко трясутся руки.

— В прошлый раз, Ваня, ты принес поистине уникальную вещь. Все в ней вроде бы как обычно: диоды, конденсаторы, сопротивления, транзисторы, но есть несколько странных электронных деталей, идентифицировать которые не удалось. Если бы американцы должным образом исследовали содержимое контейнера, то они бы поняли, что он таит в себе некую загадку. Но они проигнорировали рапорт Алана Бина... На это было, видимо, и рассчитано. Не добавился ведь еще один контейнер, третий, а наоборот, один исчез. А на тот, что вернулся, никто пристального внимания не обратил. Изучили, как радиация на него повлияла, лунная пыль, и все... И теперь нам осталось, Ваня, вставить этот вот электронный блок в корпус телефона — он, кстати, как раз подходит, и разъемы соответствующие там для него имеются, — и тогда мы увидим, что получится в результате...

2

Какое-то смутное, едва уловимое беспокойство разбудило Вольфа посреди теплой московской летней ночи. Он открыл глаза. Спальню снизу доверху заливал серебряно-голубой лунный свет. Повинуясь неведомой силе, Вольф поднялся с постели. Луна притягивала, манила, обещала ответы на все вопросы. И только что-то темное, с обратной ее стороны, мешало их получить. Он подошел к настежь распахнутому окну. Маленькая полная Луна глядела на него своим единственным гипнотическим глазом. Появилось острое желание влезть на подоконник. «Нужно сделать лишь пару шагов. Ответы так близко», — услышал он голос в своей голове. «Не влезай, — предостерегал кто-то другой. — Ты никуда не улетишь. А просто разобьешься». Несмотря на полусонное состояние, неверо-

ятным усилием воли Вольфу удалось удержать свое тело на месте. Он смог отвернуться от опасного окна. Присел на край подоконника, вытащил из лежащей на нем пачки папиросу, закурил. Жадно затянулся.

«Мама говорила, что в самом раннем детстве я страдал лунатизмом. Вылечила корытом с холодной водой, поставленным у моей кровати. Нога попадала в воду, и я просыпался... Видимо, все повторяется снова. Опять нужно ставить корыто... Что же меня в последнее время так мучает, какая неудовлетворенность грызет?» Магические чары Луны развеивались, сонливость уходила, он пытался разобраться в своих переживаниях. В сознании всплыла реплика булгаковского председателя Акустической комиссии: «...Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили бы перед зрителями механику ваших фокусов... Разоблачение совершенно необходимо... Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление».

«Вот оно что. Который уж год не могу забыть заключение, полученное из Института философии Академии наук СССР, в котором говорится, что в моих опытах нет ничего сверхъестественного и что все их можно объяснить материалистической наукой... Ну ладно, телепатию и гипноз, допустим, можно. А вот какой наукой объяснить мои предвиденья? Откуда мне стало известно, чем закончится Карибский кризис и что первыми на Луну ступят американцы?.. Сталин даже правительственную телеграмму прислал в мае сорок пятого с благодарностью за точно названный мною день окончания войны... Меня изучать надо, а они не замечают...»

Вольф представил висящую в пространстве бесконечно длинную ленту киноплёнки, где каждый кадр — день из жизни человечества. «Я каким-то образом умею перемещаться по этой ленте и рассматривать кадры, находящиеся далеко впереди или далеко позади от того места в истории, где в данный конкретный момент я пребываю.

Может быть, все на свете уже давно предрешено?»

Он мысленно попытался отправиться туда, откуда, как ему показалось, надвигалось что-то темное и зловещее. Переместился лет на тридцать-сорок вперед. Но там некое неведомое невидимое существо, типа домового, своими волосатыми лапами сдавило, смяло, скрутило его до боли в сердце и в висках. И он вынужден был отступить от этого ада. И не заглядывать туда больше никогда. До самой своей смерти.

3

Со стороны орбитальная станция «Skylab» с пристыкованным к ней «Аполлоном» была похожа на вертолет. Иллюзию пропеллера создавал комплект астрономических приборов со своими четырьмя длинными панелями солнечных батарей, образующими крест. «Ну вылитый несущий винт вертолета», — подумал Алан. Он висел в безвоздушном пространстве, ничем не соединенный со станцией. Это вот Оуэн Гарриот был связан с ней фалом, а Бин — абсолютно ничем. Миссия второй экспедиции подходила к концу, и сегодня экипаж занимался последним из запланированных экспериментов — испытывал ранцевую установку для перемещения в открытом космосе.

На спине у командира корабля располагался алюминиевый ранец со стальным шарообразным баллоном сжатого азота. К его ботинкам были прикреплены микродвигатели. А на подлокотниках находились ручки управления. Оуэн, выбравшись наружу из бокового люка шлюзовой камеры, одной рукой держался за поручень, а другой снимал Бина портативной кинокамерой. Джек Лусма, второй пилот, в это время был в помещении орбитальной станции. За испытаниями он мог наблюдать разве что через иллюминатор.

Самостоятельно летая в космосе, Бин наслаждался своими новыми возможностями. При помощи ранцевой установки он мог удаляться от станции на любые расстояния, он мог за считанные минуты долететь до какой угодно ее части, он мог совершать такие повороты и перевороты, которые без этого замечательного приспособления астронавту были недоступны, а самое главное, ранец давал возможность ощутить непередаваемую радость свободного полета. От которого просто дух захватывало.

— Как картинка? — спросил Алан. — Все заснял?

— О'кей, босс. Лучше не бывает. Теперь вы — герой Голливуда. Правда, буквы «S» на груди не хватает. А так — высший класс. Ха-ха-ха!.. Ой!

Сквозь стекло полностью прозрачного шлема Бин увидел, как Гарриот от смеха сорвался с поручня и, растерявшись, закрутился на одном месте, словно юла. Фал намотался на ногу, но кинокамеру, надо отдать ему должное, он не выронил.

«Ох уж мне эти доктора наук», — подумал Алан, а вслух сказал:

— Хватит веселиться. Приказываю размотаться, закрепить на поручнях, вернуться в шлюзовую камеру и ждать моего воз-

прашения. А я пока сделаю полный облет станции. И осмотрю «Аполлон» перед отправкой домой. Конец связи.

Он добрался до кормы «Скайлэба» и там, у самой дальней его точки — радиатора, завис. И тут заметил белую яркую звезду, быстро увеличивающуюся в размерах. Звезда летела на фоне Малой Медведицы. В космосе летало много чего, изготовленного руками человека, поэтому поначалу звезда Бина не удивила. А вот когда она изменила цвет на красный и вытянулась в сигару, тут он очень заинтересовался, что бы это могло быть. В «летающие блюда» с инопланетянами Алан не верил, хотя слышал, что вроде бы даже сам Нил Армстронг о них рассказывал. Но как можно было доверять его рассказу, если Нил одно время лечился у психиатра?

Поэтому если бы кто-то еще из товарищей-астронавтов рассказал Алану о том, что он сам через минуту увидел своими собственными глазами, он отнесся бы к этой истории с большим скепсисом. Красная сигара увеличилась в размерах настолько, что стали видны белые иллюминаторы. А потом... Потом некий объект с огромной скоростью пронесся мимо Бина и постепенно погас, уйдя в плотные слои атмосферы. Алан смог довольно хорошо его рассмотреть.

Двадцать минут спустя Бин вернулся на борт «Скайлэба», но о том, что он увидел, никому не сказал. Потому что ни Оуэн, ни Джек объекта не наблюдали, они приняли бы его за сумасшедшего. Объектом, летевшим со скоростью не менее 300 миль в час, была... светящаяся изнутри белым светом красная телефонная будка.

4

«Какая еще Машина? Что за фигня?» — подумал Артем.

Между тем трубка продолжала говорить. Теперь уже приятным женским голосом:

«Вы обратились в Центр Обслуживания Абонентов. Центр Обслуживания Абонентов исполняет следующие категории желаний. Деньги, золото, драгоценности — нажмите 1. Власть и титулы — нажмите 2. Слава, популярность — нажмите 3. Сексуальные забавы — нажмите 4. Азартные игры и игрушки — нажмите 5. Приключения и путешествия — нажмите 6. Наркотики — нажмите 7. Экзотические напитки — нажмите 8. Деликатесы — нажмите 9. Для связи с оператором — нажмите 0».

Голос, как в мобильном телефоне, был синтезированным, искусственным, механическим. Закончив перечисление, трубка добавила:

«Важное сообщение. В этом месяце самым популярным желанием является тур в Гонолулу на четыре недели. Выберите опцию «Приключения и путешествия». Посетите земной рай». А затем начала повторять все сначала: «Вы обратились в Центр Обслуживания Абонентов...» и так далее.

Артем прослушал информацию еще раз, потом еще раз.

«Ничего не пойму, — подумал он. — Чьи это шутки? Кто-то меня явно разыгрывает. Но кто? Что за чертовщина?» Он повесил трубку и вышел из телефонной будки. В голове была путаница, сумятица. Сел за столик, налил полный стакан вина, отхлебнул сразу же половину. Радиоприемник играл лед-зеппелиновскую «Лестницу в небо». «Есть только один способ разоблачить того, кто водит меня за нос». Артем дослушал песню до конца, осушил стакан и решительно вошел в будку. Десятизначная цифровая комбинация навечно засела в его голове. Выслушав начальные стандартные фразы, он надавил на единицу. Женщина в трубке сказала:

«Категория: Деньги, золото, драгоценности. Рубли — нажмите 1. Доллары США — нажмите 2. Евро — нажмите 3. Золото — нажмите 4. Серебро — нажмите 5. Платина — нажмите 6. Алмазы — нажмите 7. Драгоценные камни — нажмите 8. Украшения — нажмите 9. Изысканные сувениры — нажмите 0».

Артем нажал на двойку. Голос продолжил:

«Категория: Доллары США. Монеты — нажмите 1. Банкноты — нажмите 2». Артем опять надавил на клавишу с цифрой «2». Услышал:

«Сообщите общую сумму денег, которую вы желаете получить. Укажите, в каких купюрах и где она должна оказаться. Во избежание недоразумений сформулируйте свое желание четко и внятно. Я вас слушаю. Желайте, пожалуйста».

Артем четко и внятно сформулировал:

— Хочу десять тысяч американских долларов купюрами по сто долларов. Пусть деньги появятся в кармане моей рубашки.

И как только он произнес это, то тут же почувствовал, как тугая пачка чего-то оттянула его нагрудный карман.

5

Прилетев из Стокгольма, он сразу же позвонил Аналитику. Аналитик снова не ответил. Подсознательно сработал сигнал тревоги. Хет-трик живо представил свою голову в перекрестии оптического прицела. «Опять он меня наколол. Напрямую связался с американцами. И кого-то еще взял в помощники. Теперь

я ему больше не нужен... В последний раз все называл меня Ваня, Ванечка, Ванюша. Старый педик!» Мобильный телефон с единственным занесенным в его память номером Хет-трик выбросил в урну. Из «Домодедово», взяв такси, прибыл не в Управление, а в «Альфа-банк». Там из индивидуальной ячейки взял «Пистолет Макарова». Ехать домой к Аналитiku не имело смысла, поэтому он спустился в метро и отправился на Каширку, предварительно помотавшись по кольцевой линии, чтобы замести следы. На всякий случай.

Трясаясь в вагоне, мысленно прокрутил подробности последней акции. Объект, сдав лондонскую агентуру, спрятался в Карлиффе. В усиленно охраняемой психиатрической лечебнице. Англичане сделали ему пластику, поселили в люкс-палате и через неделю собирались перевезти в Ирландию. С новыми документами. А оттуда, скорее всего, в Канаду. Можно было устроить пожар, как в музее электротехники и средств связи, но он устроил потоп. При помощи лопнувших водопроводных труб и гипноза почти без проблем добрался до объекта, повесив предателя родины на проводе от торшера. Особенно запомнился момент, как объект обмочился. От страха.

Дверь ангара была заперта. Ключи, как это ни странно, подошли. Замки были не электронные, а простые, поэтому здесь подвоха он не ожидал. А вот саму дверь открывал с большой осторожностью — с обратной стороны могла стоять растяжка. Но нет, никаких неприятных неожиданностей Аналитик для него не приготовил. Удивило лишь то, что, еще недавно будучи пустым, ангар сейчас был чем-то забит под завязку. Какой-то бумагой.

Как только Хет-трик вошел внутрь, он тут же понял, что это за «макулатура» такая; правда, отказывался верить собственным глазам. Все пространство по ширине ангара занимала пирамидальная стена, состоявшая из денежных пачек. Пачки были упакованы в блоки прозрачным целлофаном. Из этих самых блоков ее и сложили. Стена своим верхом упиралась почти в самую крышу. Чтобы убедиться, что его не обманывает зрение, Хет-трик надорвал целлофан на одном из блоков. Вытащил пачку, снял банковскую упковку. Никаких сомнений не осталось. Доллары.

«Уму непостижимо! Я такого количества в жизни никогда не видел! Тут же как минимум годовой бюджет страны! — восторженно подумал он. — Где ж Аналитик столько бабла-то раздобыл? А что если пачками завален весь ангар? Какой толщины стена?» Чтобы узнать это, нужно было на нее взобраться. Че-

тыре попытки не увенчались успехом — целлофан не давал залезть, руки и ноги скользили, но с пятого раза ему удалось втащить свое тело на верхотуру.

Стена оказалась толщиной где-то шесть метров. Когда он по ней полз, от такой груды денег у него начали закипать мозги. Но когда денежная стена кончилась и он увидел, что идет за ней, из его ушей, образно говоря, пошел пар. Предохранительный клапан сработал. Дальше вровень со стеной из денег шла стена из золота. Штабеля из слитков тянулись тоже метров на шесть-семь, не меньше. «Да это же Форт Нокс! Тут же целая куча золота! Я на нее весь мир куплю! Ну, Аналитик! Где ж он отхватил все это богатство? И где он сам? Затаился, сволочь!» Хет-трик извлек из-за спины заткнутый за ремень «Макаров», пополз дальше. Аналитик мог появиться в любую минуту. Откуда угодно.

6

Бутылка подверглась самому тщательному изучению на предмет подделки. Однако никаких отличий от другой, стоявшей рядом, им обнаружено не было. Даже после осмотра через лупу. Бутылка была точно такая же. Слегка зеленоватое стекло, идентичная этикетка с названием и цветной картинкой дома на фоне восходящего солнца, обычная пробка. Тогда он произвел дегустацию. Сначала из-за предвзятого отношения ему показалось, что вино несколько горчит по сравнению с уже выпитым. Однако затем, маленькими глотками выхлебав почти целый стакан, он пришел к иному заключению: «Отличный “Дом восходящего солнца”. Ничем не хуже гастрономного. Может, еще бутылочку заказать?.. А что если?.. Там у них, кажется, опция “Сексуальные развлечения” имеется. Мне бы сейчас сексуальные развлечения очень не помешали».

Он вошел в будку и уже было протянул руку к трубке, когда совершенно неожиданно телефон взял да зазвонил. «Это еще что?» — даже сквозь винный туман на лице Артема проступило удивление. Звонок на слух был стандартный, типичный для стационарных аппаратов. Он с опаской снял трубку, осторожно приложил к уху.

— Алло.

— Артем? — спросил кто-то на том конце линии.

— Да.

— Привет, дружище. Еле к тебе дозвонился. Все время занято и занято. — В голосе говорившего слышался легкий акцент. — Видимо, тебя завалили звонками. Я тоже присоединяюсь к по-

здравлениям. Желаю, чтобы твоя любовь к «Пинк Флойду» не угасла никогда. Секса, наркотиков и рок-н-ролла тебе. Плюс творческих успехов.

Артем вспомнил, что у него сегодня праздник, и понял, кто это.

— Спасибо, Юрий. Ты на какой номер телефонируешь?

— Как «на какой»? На мобильник тебе звоню, а что?

— Да так, просто спросил. Не бери в голову.

Юрий жил в Вильнюсе. И был ярким фанатиком «Флойда». Артем относился к нему с некоторой долей неприязни. Потому что Юрий порой доставал его своими странными мыслями. Не любил Артем фанатиков.

— А известно ли многоуважаемому гуру-имениннику, что именно в этот день в 1994 году группа «Пинк Флойд» выступила в Чехословакии и на том давнишнем концерте ваш покорный слуга побывал? Помню, приехали мы в Прагу за час до представления. Но мне все же удалось пробиться к самой сцене. Ну, а во время шоу я несколько раз умирал и воскресал — так было круто!

— Да уж.

— Слышь, а ты знаешь, что клавишное вступление Райта в песне «What Do You Want from Me?» звучало на том концерте почти как лаундж семидесятых?

— Как что?

— Как лаундж семидесятых годов... Оно и на «Пульсе» есть.

— А... — сказал Артем и раздраженно подумал: «Опять двадцать пять. Что ты от меня хочешь? What do you want from me?»

— Да, и еще. Хотел тебя спросить. В песне «Dogs» на одиннадцатой минуте, тридцать второй секунде вроде как шепот какой-то идет. Не знаешь, что это такое? На официальном релизе.

Именно за такие вот вопросы Артем дал Юрию кличку «Гибель подводной лодки».

— На какой минуте?

— На одиннадцатой минуте, тридцать второй секунде. Шепот какой-то сатанинский... Ой! Совсем забыл тебе сказать. Хорошо, что вспомнил. Ты обращал внимание на даты дней рождения флойдов? Роджер Вотерс родился 6 сентября — вчера, значит, отметил. Сид Барретт — 6 января. А у Дэвида Гилмора день рождения — 6 марта.

— И что?

— А то. Три основные фигуры «Пинк Флойда» — три ше-

стерки. Число зверя. «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Юрим процитировал Библию.

— То есть...

— Конечно! Чтобы стать знаменитыми, они продали души дьяволу!

«Это уже ни в какие ворота, — у Артема лопнуло терпение. — Больше не хочу слушать бред. Устал от идиота... По-моему, у Вортеса день рождения не шестого, а девятого... Обкурился он, что ли?... Может, и мне наркотиков заказать? Никогда не пробовал... А то грустно как-то снова стало».

— Артем, ты где? Куда пропал? Алло, Артем!

Артем повесил трубку.

7

Игрушки, игрушки, игрушки и еще раз игрушки. Плюшевые мишки, зайцы, заводные автомобильчики, барабаны, волчки, кегли, пистолеты, автоматы, мячи, дудочки, кубики, сабли, пожарные машины, солдатики, пирамидки, свистки, танки, роботы, коробки с настольными играми: лото, паззлы, шашки, конструкторы, сборные модели самолетов, кораблей и прочее, прочее, прочее. Все было свалено в кучу — не пройдешь. Он встал на колени, поднялся во весь рост. За огромным морем игрушек увидел кусочек красной крыши телефонной будки. Будка стояла почти в самом углу ангара.

Прямо над головой — рукой подать — висел тельфер. Хет-трик засунул «Макаров» за пояс, снял джинсовую куртку, подпрыгнул, уцепился за балку, долез до тельфера, подтянул к себе пульт управления, одной рукой повис на крюке, другой нажал на кнопку. Доехал до конца ангара, опустился на бетон. Здесь было почти пусто. Можно было ходить.

В будке на полу сидел человек в костюме клоуна. То ли мертвый, то ли живой — непонятно. Хет-трик распахнул дверь. Несмотря на рыжий курчавый парик, красный шарик носа на резинке и разноцветный балахон, не узнать Аналитика было нельзя. Он так сладко чему-то улыбался во сне, что Хет-трик наконец-то перестал его бояться. Рядом с Аналитиком лежал пластмассовый буратино.

— Так вот где ты спрятался, Петрович! — громко сказал Хет-трик. — Давай просыпайся! Я вернулся! Подъем! Будем деньги делить!

Аналитик открыл глаза, обрадовался.

— Ой, Ванюшка. А я тебя заждался совсем. Выбраться не могу. Сижу тут, как хрен знает кто. Ты батарейки принес?

Из носа Аналитика тянулись две зеленые дорожки соплей, но он их почему-то вытирать не спешил.

— Какие батарейки? — не понял Хет-трик.

— Как — какие, Ваня? «Крона». Железная дорога без них никак не работает. А Машина батареек не дает... Так ты что, не принес батареек, значит?

«Да он же с ума съехал, — догадался Хет-трик. — Я и сам-то еле держусь... А я все думаю, откуда игрушки».

— Подожди-ка, Олег Петрович. Ты мне лучше скажи, где ты доллары и золото взял.

— Машина дала, Ванечка, Машина. Телефонная будка. Надо только код набрать и пожелать. Будка все тебе даст.

— Будка? Это же вроде психотропное оружие.

— Какое оружие, Ваня? Телефонная связь с Богом. Прямая линия. Это — Машина Теслы. Его изобретение. А моя голова — Машина Тьюринга. Я один догадался, задачку решил. И код я, Ванюша, отгадал. Долго не мог. Но отгадал все-таки. Очень простой оказался... Как же я теперь без батареек? А, Ваня?

«Что он несет! Точно свихнулся. Пора с ним заканчивать».

— Где твоя мобила, Петрович? Почему не отвечал?

— Мобилы нету. Слиток свалился — и вдрызг. Пять килограммов-то весу, — Аналитик засмеялся, показав жемами, как упал слиток и что стало с мобильным телефоном. Потом подошел к игрушечной железной дороге, опустил на четвереньки. Рукой повел по рельсам паровозик с вагончиками. — Придется так ехать. Ту-ту! Ту-ту!

«Дорога-то гэдээровская. У сына в детстве такая же была, — подумал Хет-трик. — Кажется, я дверь ангара забыл запереть. Ладно, ничего».

Он вытащил пистолет. Из кармана штанов достал глушитель, прикрутил. Аналитик был полностью увлечен железной дорогой.

— Слышь, Аналитик. А код-то какой?

— Что? Код? А... Год рождения, год смерти. Год рождения, год смерти. Год рождения, год смерти. Пых-пых, пых-пых! Пых-пых, пых-пых! Ту-ту! Ту-ту! Ту-ту! Поберегись!

Хет-трик сделал два выстрела. Один — в сердце Аналитику. Второй — ему в голову. Контрольный.

На бельевых веревках, колышимое теплым ветерком, болталось женское нижнее белье: панталоны, лифчики, комбинашки.

Какой-то молодой парень, сняв с веревки лифчик, пытался примерить его на себя.

— Простите, вы не подскажете?.. — начал я фразу, но так и не закончил ее, потому что парень бросился бежать — только пятки засверкали.

У ворот, сколоченных из нестроганных и неокрашенных досок, я увидел волынщика. Однако трогать его не стал. Пусть играет свою шотландскую тягомину. Только подумал: «А что у шотландца под юбкой?»

Сразу за воротами стоял большой трехколесный велосипед. На руле вместо звонка, свесив ножки, сидел гном Гримбл-Громбл. Сидел ко мне спиной.

— Вы не знаете, где оно? — обратился я к нему.

Гном обернулся, посмотрел на меня своими глазками-бусинками, поморщился и сказал:

— Ничего себе... Нет, не знаю. Но поискать можно. Садись, поехали.

Я поставил «дипломат» в багажник, поплотнее нахлобучил черный котелок, подтянул белые нитяные перчатки, взобрался на сиденье, и мы покатили.

Дорога была пыльная, но без ухабов, велосипед почти не трясло. Нормальная была дорога.

— Брысь, Сэм! — крикнул гном черному коту, попытавшемуся ее нам перебежать. — Брысь, Люцифер! А то удачи не будет.

— Как надоели, — в ответ недовольно мурлыкнул кот. — Пойду напьюсь валерьянки.

— Кто это у вас женское белье ворует? — спросил я гнома.

— Арнольд Лэйн, кто же еще? Он как с Эмили поцапается, так всегда отомстить ей норовит.

Вокруг шелестела изумрудно-малахитовая трава.

— Красиво, — восхитился я.

Гном понял, о чем речь, сказал с пафосом:

— Луга Грантчестера!

Видимо, ему тоже очень нравилась здешняя природа.

На лугу паслась пестрая корова. Мы подъехали к ней.

— Настрой приборы на центр Солнца, — промычала она и, немного пожевав жвачку, добавила: — Забирай стетоскоп и проваливай.

«Грубиянка», — подумал я, а вслух сказал:

— Не в духе она, что ли?

— Не обращай внимания. Конопля Лулубель наелась, вот и приняла тебя за ветеринара.

Я надавил на педали. «У кого же еще узнать?»

Впереди, у обочины дороги, расстелив на траве юнион-джек и скрестив по-индийски ноги, сидел полуобнаженный человек. Человек загорал и курил сигару. Рядом на спиртовке жарилась яичница с беконом.

— Кто это? — спросил я у Гримбла-Громбла.

— Алан. Он в это время обычно завтракает.

От сковородки шел аппетитный запах, смешанный с ароматом сигары. Мы подъехали к Алану.

— Добрый день, — сказал я. — Можно к вам присоединиться? У меня в портфеле есть яблоки и апельсины.

— Могу предложить только сигару. Хочешь? — ответил Алан.

«Жадина, — подумал я. — Знает ведь, что не курю». Вслух же спросил:

— Не видели, где оно?

Алан посмотрел на меня, скривился, ответил:

— Поосторожней с топором, Юджин.

— О чем это он? — спросил я, когда мы немного откатились.

— Да бродит тут один военный по маковому полю. С коробкой киноплёнки под мышкой и с кухонным ножом в спине.

Велосипед запыхал по грунтовке. На пути нам попала отара овец, которую к неподалеку видневшемуся озеру гнали собаки. После овец к водопою проследовало и стадо свиней.

Старое жирное солнце было уже в самом зените. Припекало.

— Жарко, — сказал я.

— Лето шестьдесят восьмого, — равнодушно прокомментировал Гримбл-Громбл.

Похоже, он тоже страдал от высокой температуры.

— Может быть, и нам съездить к озеру? Водички попьем.

— Я не против, — согласился гном.

9

Если бы не заикание, то Ричард, скорее всего, стал бы, как его отец, адвокатом и, может быть, даже достиг дедушкиных высот. (А дед его, почтенный сэръ Джордж Брэнсон, был, между прочим, судьей Высшего суда и членом тайного совета.) Юрист-заика — что может быть более нелепым? Дефект речи мешал молодому Ричарду и в учебе. (К сожалению, никакие логопеды помочь ему не сумели.) Однако именно это обстоятельство явилось побудительным мотивом, чтобы Ричард Брэнсон смог заявить о себе во всеуслышание.

С ранней юности у Ричарда проявилась тяга к предпринимательству. Известно, что он занимался выращиванием рожде-

ственных елей и разведением волнистых попугайчиков. И хотя эти затеи потерпели неудачу, Ричард не отчаивался. В шестьдесят лет он организовал свой первый успешный бизнес — журнал «Student», а в семнадцать даже руководил студенческим благотворительным фондом. Но основной стартовый капитал младший из Брэнсонов сколотил, занимаясь звукозаписывающим бизнесом.

Сначала он торговал уцененными грампластинками, развозя их на личном автомобиле по торговым точкам Лондона, потом придумал рассылать диски по почте, затем открыл свой собственный магазин и, наконец, построил независимую студию звукозаписи под названием «Virgin Records», то есть «Записи девственника». Друзьям и знакомым необычное название Ричард объяснял юмористически. Мол, в этом бизнесе он абсолютный новичок. На самом же деле из-за заикания у него были большие проблемы в общении с девушками, и в свои двадцать два года он все еще оставался мальчиком.

Первым релизом «Virgin Records» был альбом Майкла Олдфилда «Tubular Bells», который в 1973 году стал в Великобритании бестселлером. (Кстати, Олдфилду до этого отказали все официальные лондонские рекорд-лейблы.) Помимо Майкла Олдфилда, компания Брэнсона подписала контракты с панк-группой «Sex Pistols», с new-wave-командой «Culture Club», с сольным музыкантом Питером Габриелем. И не прогадала. Благодаря ей эти исполнители прославили и себя, и «Virgin Records» на весь мир.

Кроме тяги к предпринимательству, Ричард Брэнсон обладал и большой любовью к спорту. Еще в школе он показывал отличные спортивные результаты (особенно в плавании), а разбогатев, решил взяться за мировые рекорды. В 1986 году Брэнсон со второй попытки на собственном судне «Virgin Atlantic Challenger II» побил мировой рекорд скорости пересечения Атлантического океана. Год спустя он снова пересек Атлантику, но теперь уже на воздушном шаре. Это был первый в мире воздушный шар на горячем газе, перелетевший через Атлантический океан. В январе 1991-го Ричард установил новый мировой рекорд, преодолев на аэростате Тихий океан (пролетев от берегов Японии до арктической части Канады).

После успехов в пластиночном бизнесе Брэнсон в 1984 году создал авиакомпанию «Virgin Airways». В 1997 году он уже участвовал в железнодорожном проекте, а в 1999-м — в телефонном. Империя «Virgin» захватывала все новые и новые пространства. Появились фирмы: «Virgin Cola», «Virgin Vodka»,

«Virgin Comics», «Virgin Animation». Брэнсон занялся футболом и автогонками.

С целью коммерческой доставки пассажиров на суборбитальные высоты при помощи «челноков» Ричард Брэнсон в 2004 году организовал компанию космического туризма «Virgin Galactic». С 2006 года он начал спонсировать ученых, занимающихся поиском экологически чистого топлива, исследующих стволовые клетки, изобретающих технологии, идущие на пользу человечеству.

Ричард Брэнсон добился того, чего он так сильно желал, будучи подростком. Среди ведущих предпринимателей планеты Брэнсон получил прозвище «лидер трансформаций» за смелость в своих бизнес-начинаниях. Он вошел в десятку самых богатых людей Великобритании. Королева присвоила ему титул Рыцаря. Его имя стало известно каждому англичанину.

Только вот почти никому не было известно, что в 2000 году после неудавшейся сделки с покупкой «Национальной лотереи» Ричард Брэнсон заболел раком почек, прошел курс химиотерапии, который ему совершенно не помог, уединился на одном из Виргинских (Девственных) островов и там ожидал своей скорой смерти. Но случилось чудо. Приглашенный его русским другом шаман вуду вылечил Ричарда от рака. Мало того, с тех пор у Брэнсона полностью исчезло заикание.

Часть четвертая. Аллю

1

Итак, что мы имеем? Есть телефонная будка. Английская. Прислана из Лондона. Есть отправитель, назвавшийся именем моего отца. Есть также кто-то, кто позвонил на радио и сделал заказ на поздравление. Некий Боб Клоуз. Понятно, что псевдоним. Понятно, что и Боб Клоуз, и отправитель — одно и то же лицо... Сто процентов, что это не Юрий. У него с деньгами негусто, работает в Вильнюсе дорожным строителем... Тот, кто отсылал будку, богат. Очень богат. Может быть, даже миллионер. Кому из миллионеров мира сего я писал письма? С кем контактировал? Ага... Флойдов исключаем сразу. Жадные до невозможности. Кроме не лучшего качества фотографий с автографами я от них больше ничего не получил. У Ника Мэйсона, барабанщика, попросил для Клуба экземпляр его книги «Inside Out» — отказал.

Значит, так. Королева Великобритании Елизавета Вторая. Потом премьер-министр Тони Блэр. Дальше. Президент «ЕМІ»

Стивен Ралбовски. Директор издательства «Omnibus Press» Крис Чарльзворт. Кинорежиссер Алан Паркер. Музыкант, актер, продюсер Боб Гелдоф. Художник-карикатурист Джерри Скарф. Дизайнер Сторм Торгерсон. Сценические декораторы: Марк Фишер и Джонатан Парк... Вот. Кого еще я забыл? Из богатых, кажется, все.

Королева и премьер — маловероятно. Из оставшихся миллионеров теоретически будку мог выслать любой. Чисто теоретически... А имя моего отца? За деньги все, что угодно, можно узнать. Хорошо. Но зачем тогда кто-то из них подогнал мне будку? И не просто будку, а телефонную будку, исполняющую желания?

Доллары оказались настоящими. Как и вино. Каннабис вроде тоже. Женщина была самая что ни на есть реальная. Приехала из противоположного конца города. Волосы, лицо, фигура, интеллект, пристрастия — все полностью соответствовало моему заказу.

Единственно, она вела себя так, словно частично потеряла память. Ей казалось, что мы с ней давно знакомы, но она не могла вспомнить, где и когда мы повстречались. Ладно.

Никогда не верил ни в какие потусторонние силы. А тут самое время начать. Потому что в голове не вмещается, каким образом будка так ловко исполняет желания... Возможно — фокусы, иллюзионизм, престижиджитация. Что там еще у нас? Нанотехнологии, голография, компьютерные трюки. Скорее всего, участвую в розыгрыше, снимают скрытой камерой. Потом покажут на всю страну. Или на весь мир. Все перечисленные особы так или иначе связаны с шоу. С реалити-шоу в том числе. Кто же из них кукловод?..

И как мне вести себя в этом случае? Расслабься, Артем, и получай удовольствия. Что у них еще имеется в том списке? «Путешествия и приключения»? А что, возьму-ка я Жанну, и махнем мы с ней в Гонолулу, на самый популярный курорт текущего месяца, в рай земной. Жанна — не Лиза. Красивей в сто крат. Жанна и Лиза — это небо и земля.

2

Изначально я не хотел вмешиваться в процесс. Думал, просто со стороны наблюдаю. Переживу такие ощущения, каких никогда в моей жизни не было. Но вмешаться все-таки пришлось. Сатаму, или, правильнее будет сказать, Сатану, ликвидировал в бостонском аэропорту. А иначе как бы я попал на самолет? Плюнул в него дротиком, когда он мочился в писсуар.

А потом расстегнул ему штаны и на унитаз усадил, пусть посидит, пока его обнаружат.

Захват они начали точно по графику — в 8.14. Подкараулили, когда стюардесса пилотам кофе понесла. Сразу же ее отпихнули, и двое в кабину ворвались. А третий, тот, что с бородкой, стюардессу за волосы схватил, сказал: «Всем молчать, никому не двигаться», а потом добавил: «Аллах велик».

С летчиками они быстро управились. И, как вышли из кабины, их лидер, Мохаммед Атта, резко поднялся с кресла и к штурвалу пошел. А эти трое саудовцев в салоне остались, порядки наводить. Стюардесса пыталась вырваться, так тот, что с бородкой, ей в живот кулаком двинул. Тогда один из пассажиров вступить за нее решил. Скромного вида такой, щупленький.

Убили они этого щупленького. Горло ему перерезали. Я не уловил, чем ему по шее полоснули, но, видимо, лезвием от бритвы. Его во рту спокойно пронести можно. И тут, как народ кровь увидел, все в движение пришли, а то сидели, словно мумии, — немая сцена в театре. Мужчины ругаться стали, дети плакать, а женщины выть. А одна, в зеленой кофте, так завизжала, что у меня даже уши заложило. Ну, думаю, началась похота.

А потом из динамиков по внутренней связи объявление прозвучало. Мол, сидите тихо, и все в порядке будет, возвращаемся в аэропорт. И через минуту снова: «Никому не двигаться. Если вы попытаетесь двигаться, вы подвергнете опасности и себя, и самолет». Ну, толпа немного приутихла. Кто молится, кто беззвучно слезу пускает. В 8.26, чувствую, самолет разворот делает. То есть действительно на Нью-Йорк пошли.

Да, переживания незабываемые. Трудно все словами выразить. Но одно самое острое — ощущение абсолютной непредсказуемости нашей жизни. Знаешь, что все эти девяносто человек через двадцать минут отправятся к праотцам. Со всеми их планами, желаниями, надеждами. (Хотя они еще об этом не догадываются.) И от этого как-то грустно становится.

Не хотел я вмешиваться в процесс. Но пришлось. Как только камикадзе из кабины снова трепаться начал насчет того, чтобы никто сопротивление не оказывал, и самолет стал снижаться, ко мне тот, что с бородкой, подошел. Смотрит на меня, значит, и спрашивает, а где Сатама, он должен на моем месте сидеть. А я ему в ответ говорю, что сидит твой Сатама сейчас в Бостоне на унитазе. Очень напрягся бедняга Сатама, когда какал, вот тромб у него и оторвался.

А эта гнида нож костяной вынул и собрался в меня его воткнуть. Я подумал, не один я такими ножами пользуюсь. И еще подумал, что сейчас кино-то закончится, а мне его досмотреть ох как охота.

Двоих я этим ножичком и порешил. А третьего, того что с бородкой, леской собственной удавил. Народ как это увидел, обрадовался, начал мне аплодировать. Словно я Брюс Виллис какой-то.

В кабине кровь пилотов аж под ногами хлюпала. А эта сволочь египетская самолет уже на небоскреб нацелил. Ну, я ему по-быстрому голову свернул и сам за штурвал уселся. Минуты три-четыре у меня оставалось. Я штурвал влево, вправо — ничего. На себя потянул — никакой реакции. Самолет меня не слушается. В полный отказ ушел.

Последнее, что помню, — увидел расширенные от ужаса глаза какого-то парня, смотрящего сквозь окно небоскреба на гигантскую тушу «Боинга-767», который вот-вот врежется в северную башню Всемирного Торгового Центра. Услышал, как заверещала та женщина в зеленой кофточке. И как я от страха крикнул: «Банзай!!!»

3

На указателе было написано: SAN TROPEZ.

Потянулись сельские деревянные домики. На фоне одного из них я увидел молодую супружескую парочку — танцующих испанцев. На самом деле они не танцевали, а только делали вид, что танцуют. Поскольку танцевать им не позволяли туго натянутые веревки, во все стороны идущие от их гибких тел. Концы веревок были привязаны к колышкам, вбитым в землю. Как у туристической палатки.

— Что-то типа ныряльщика, — сказал я.

— Да. Там, на озере, был их сынок, — подтвердил Гримбл-Громбл.

У ныряльщика из воды торчали ноги, а круги от него не шли. Видимо, он давно нырнул. Да забыл вынырнуть.

Впереди, оставляя за собой облако пыли, кто-то ехал нам навстречу. Громко тарахтел мотор.

— Только ведь искупались, — недовольно пробурчал гном.

Буквально через минуту мимо нас пронесся мотоциклист. На него я внимания не обратил, а вот от его спутницы трудно было оторвать взгляд. На заднем сиденье мотоцикла сидела совершенно голая, очень сексуальная рыжеволосая красotka в

красных лакированных туфельках и с красным же ранцем на спине.

«Порнозвезда», — подумал я.

Облако пыли накрыло нас, и мы закашляли. А когда прокашлялись, я спросил у гнома:

— Кто этот мотоциклист?

— Кто, не знаю, но то, что он уже нашел то, что искал, это бесспорно.

— Бесспорно, что он с порно, — пошутил я.

Гном захихикал.

Дальше дорога шла вверх. Въехав на пригорок, я увидел справа, за полем, синюю полосу моря.

— Сворачивай к морю, — сказал гном. — На берегу не так душно будет.

С моря потянуло свежестью. Я поднажал. Велосипед подкатил к развилке. На квадратном дорожном знаке была нарисована вилка. Отсюда стали видны бухта и песчаный пляж.

— Как называется бухта? — спросил я у Гримбла-Громбла.

— Кратковременная потеря рассудка, — был его ответ.

Над бухтой кружил дельтаплан. На самом же пляже стояло несколько сотен кроватей, вереницей в пять рядов растянувшихся вдоль побережья. Кровати были металлические, аккуратно застланные одеялами. Между кроватями ходила медсестра с пухлой стопкой постельного белья.

Съезжая с кручи в бухту, я заметил и темноволосого парня, сидевшего на одной из кроватей и читавшего какую-то большую книгу. Когда мы к нему приблизились, он закрыл книгу, отложил ее в сторону. На обложке я прочел: «Inside Out» («Наизнанку»).

— Как книга? — спросил я у него.

— Такую чушь пишет! — махнул рукой парень.

На нем была черная футболка с желтыми буквами LSyD.

— Не подскажите, где оно? — снова спросил я.

Парень поглядел на меня, нахмурился и сказал:

— Это тебе в «Баттерси» надо. Там чего только нет.

4

Зал взорвался овациями. Зрители хлопали стоя. В знак уважения к человеку, который только что завершил свое потрясающее шоу. Расшитая блестками рубашка, строгие темные брюки, театральные жесты признательности, обворожительная улыбка.

Маг, волшебник и чародей, великий и непревзойденный Дэвид Копперфилд. Собственной персоной.

Артем выключил запись, подумал: «Да, его фокусы впечатляют. Особенно поражают полеты. Задаешься вопросом — как он это все делает? Не зная секрета, складывается впечатление, что Копперфилд — современный старик Хоттабыч или Джинн из лампы Аладдина. На самом деле — хорошо подготовленные сложные технические трюки.

Ничего более. Это понятно. А вот что такое моя телефонная будка? Полный туман».

Артем посмотрел на приклеенную скотчем к обоям фотографию, вырезанную из «British Style». Опершись о красную телефонную будку, ему улыбался Сева Новгородцев. Седые длинные волосы, на голове черный цилиндр, руки нагло всунуты в карманы потертых синих джинсов, расстегнутый черный пиджак, на лацкане — аляповатый белый крест, маленьким колечком соединенный с красной пятиугольной планкой. Общий посыл — «посмотрите на меня, какой я крутой, получил орден из рук коронованной особы, да я теперь небожитель, не меньше». Журнал вынес фото на обложку, внизу приписав: «Сева Новгородцев: Sax, Sex & Sixty Six».

«В этом наряде он больше похож на Безумного Шляпника из “Алисы в Стране Чудес”, чем на диск-жокея, — усмехнулся Артем. — ...Раньше я действительно боготворил Севу. Ловил каждое его слово, смеялся над его антисоветскими шутками. По пятницам в полночь настраивал старенький “VEF” на Русскую службу Би-Би-Си, чтобы услышать “Рок-посевы”. Потом записывал передачи на магнитофон и распечатывал текст на пишущей машинке. Как только «железный занавес» рухнул, отправил Севе письмо. Он на самом деле реально помог мне в плане организации Клуба — сделал несколько передач по моим письмам. Но потом настал момент, когда я понял, что Сева, грубо говоря, никто, лишь ловкий мошенник. Он плохо знает историю “Pink Floyd”. Совершенно не вник в смысл альбома “Amused to Death”. Да и вообще, как оказалось, Новгородцев не очень-то любит рок-музыку. Он ведь джазист, саксофонист. А рок-музыка для него это просто работа, а не настоящая привязанность. Так уж сложилась жизнь, что ему пришлось делать программы о роке. За двадцать лет не взять ни одного интервью ни у одного знаменитого рок-музыканта! Я бы на его месте уже пил чай с Полом Маккартни, а с Ричи Блэкмором в футбол играл... Да, на вид точно такая же будка, как у меня. Только вот моя явно от Копперфилда».

Артем перевел взгляд с фотографии Севы на картину Сторма Торгерсона в рамочке по соседству. На картине были изображены два идола, «два истукана с острова Пасхи», как сказал Сашка Немец, смотрящие друг на друга, глаза в глаза. И он сразу же вспомнил свой наркотический трип.

5

— Жили-были два брата-близнеца, — рассказывал гном. — Одного звали Виш Ю, а другого — Ве Хиа...

— Китайцы? — поинтересовался я.

— Местные. Сан-тропезцы... Один работал музыкантом, второй — бизнесменом. И оба однажды сгорели...

— На работе?

— Нет. На улице. Просто поздоровались, друг другу руки пожали и натурально загорелись. Рыжим пламенем. Сперва Ве Хиа полыхнул, потом — Виш Ю.

— Прогорели, наверное.

— То, что от них осталось, тут вот и похоронили. А сверху пирамиды поставили. Типа памятников. Всем Сан-Тропезом деньги собирали.

Пирамиды были высокие, сложенные из белых пластиковых кирпичей, одна на другую похожие, как близнецы. На той, что слева, было написано: WISH YOU, а ниже можно было прочесть эпитафию — Remember a Day (Вспомни День). На той, что справа, стояло имя: WERE HERE, а эпитафия была такая — Let There Be More Light (Пусть Там Будет Больше Света).

Я шел пешком, потому что велосипед увязал в песке, не ехал, и его пришлось бросить на границе пустыни. «Дипломат» с наклейками-этикетками «Obscured by Clouds», «Dark Side of the Moon» и «Wish You Were Here» остался в багажнике. Гримбл-Громбл сидел у меня на плече.

— Вон она! — крикнул гном пискляво.

На горизонте, подсвеченное красными лучами заходящего солнца, показалось мрачное строение электростанции. Благодаря четырем столбообразным трубам создавалась иллюзия севшего на мель корабля.

— «Баттерси» раньше была центром современности. А теперь там упадок и запустение. Теперь она тоже что-то вроде памятника. Прошлой жизни.

И действительно, подойдя к ней, я увидел разбитые окна, осыпавшуюся штукатурку, отвалившуюся плитку, прогнившие доски, ржавую колючую проволоку. На одной из потемневших

от времени стен кто-то гвоздем нацарапал: THE FINAL CUT. Кривыми буквами.

Как сказал парень с пляжа, здесь много чего было — целый склад старого барахла. Внутри электростанции в полном беспорядке валялись телевизоры, каски, часы, инвалидные кресла, подушки, колокола, шприцы, молотки, парики, пулеметы, рюмки, радиоприемники, призмы, вуали, указки, манекены, кассовые аппараты, занавески, мегафоны, аквариумы, кресла, парашюты и прочая всякая дребедень.

— Нет тут ничего моего, — печально сказал я после долгого безрезультатного осмотра.

— Вон оно, — гном указал своей маленькой ручкой на темный угол помещения.

И тут я тоже его увидел.

— Это разве мое? — растерянно спросил я.

— Ну не мое же, — ответил Гримбл-Громбл. — Мое у меня.

— Там ведь два лица.

— Даже три — два лица в профиль, плюс еще одно, из них состоящее. Три лица в одном.

— Но я же не такой...

— Да, ладно. Бери, не капризничай. Других все равно нет.

6

До «часа икс» было еще восемь минут, и он решил опять покурить. Из внутреннего кармана кожаной куртки вытащил початую пачку «Marlboro» и зажигалку «Zippo», а также пустой коробок из-под спичек, служивший пепельницей. «Винчестер» был полностью настроен на стрельбу, осталось только дожждаться кортежа. Уселся на ящик с учебниками, так, чтобы одним глазом посматривать через раскрытое окно на улицу. На улице людей было немного, но они были. Ждали проезда высокопоставленной персоны. Какой-то человек, стоявший на газоне, почему-то раскрыл черный зонтик. Хотя дождя и близко не было.

«Ну, если ничего нельзя изменить, — подумал Хет-трик, — то почему нельзя поучаствовать? Интересно ведь. Гораздо круче, чем компьютерная игра, — он вспомнил 11 сентября, вспомнил катастрофически приближающийся небоскреб. — ...Да, тогда я реально испугался. Когда не сумел увести самолет в сторону. Просто жутко испугался! Такой адреналин! — Он чиркнул зажигалкой, приятно затрещал кончик горящей сигареты. — ...Итак, Харви на шестом, я на пятом. Он сделает три выстрела, но все три раза промахнется. А кто-то, пока я еще не

знаю кто, скорее всего, из-за изгороди вон на том холме дважды точно попадет в президента. Ну что ж. А я добавлю свои пять копеек в этот праздник прицельной стрельбы. В этот шутер».

Таймер на ручном хронометре «Casio» сыграл короткую звонкую мелодию. Все. 12.28. Двухминутная готовность. Хет-трик сделал последнюю затяжку, раздавил окуроч, оставил его в спичечном коробке. Выглянул из окна — кортеж уже сворачивал с Хьюстон-стрит на Элм-стрит. Сквозь линзы оптического прицела увидел открытый лимузин с Кеннеди, его аккуратно подстриженный затылок. Совместил перекрестие с мушкой.

Сверху трижды сухо грохнул карабин Ли Харви Освальда. Как и предсказывал Хет-трик, ни одна пуля не попала в цель. Он прекрасно видел, что Джон Кеннеди цел и невредим. Лимузин президента удалялся. Но больше ничего не происходило. «Почему тот, второй, не стреляет?» — стремительно пронеслась мысль. А лимузин с каждой секундой все удалялся. Дальше тянуть было нельзя. Хет-трик дважды нажал на курок. Первая пуля должна была попасть в сердце, но угодила в правую половину спины. А вот вторая попала куда надо. Брызнули мозги. Кусок черепа отлетел к Жаклин. Та в шоке попыталась приложить его назад, к голове мужа. Но муж был уже не жилец.

Хет-трик отбросил «Винчестер», встал во весь рост. Больше никаких выстрелов не услышал. Ни со стороны холма, ни отсюда, из склада школьных учебников, ни откуда-то еще. «Что же это получается? Выходит, это я убил Джона Кеннеди?.. Ах ты, сволочь гребаная! Снова меня обманула, железка безмозглая! Чертова Машина!»

Кортеж продолжал удаляться. К тяжело раненному президенту бежали телохранители. А человек с зонтиком, стоявший на газоне, как в воду канул.

7

В чате шла оживленная дискуссия на тему предстоящего приезда в Москву Роджера Вотерса. Вотерс в конце апреля собирался посетить столицу России со своим шоу «Стена». Особенно горячо обсуждали будущий концерт Юрим и некто под ником *ummagutta*, уже посмотревшие бутлегерское видео, снятое в Чикаго. Юрим, как всегда, нес полную ахинею, а вот аммагаммовец довольно толково анализировал плюсы и минусы концертной деятельности Роджера. Оба друг друга не слышали, не понимали, каждый отстаивал личную точку зрения, не считаясь с мнением оппонента.

Артем ради любопытства тоже посмотрел пиратскую запись

представления, однако в спор вступать не захотел. А вместо этого сунул свой нос в Википедию и прочел там статью об Анджелине Джоли. «Ну и чем ты думаешь заинтересовать эту Лару Крофт? — спросил он самого себя после того, как внимательно ознакомился с информацией. — Деньгами? Да она же входит в тройку самых высокооплачиваемых актрис в мире. Завалю ее подарками. И все? Ладно, а Брэда Питта куда денешь? Его имя даже вытатуировано у нее на теле. Ведь ты же не хочешь, чтобы она, как Жанна, память потеряла? Нет, не хочу. А что делать с шестью чужими детьми? Тебе же нужны только свои собственные».

Жанна и Гонолулу наскучили Артему уже через неделю. И вроде бы Жанна отвечала всем его требованиям, и вроде бы Гонолулу был раем на земле, но что-то все же было не так, что-то не устраивало Артема. Слишком все было сладко, слишком приторно, ну просто сахарная вата какая-то. Он раньше времени вернулся из поездки. Один, злой и разочарованный.

«Нет никакого смысла снова подключать телефонную будку в этом вопросе. Заказывать секс с порнозвездой Дайаной Дорз, например, или с «матушкой Терезой» — Анджелиной Джоли. Искусственная ситуация ни к чему хорошему не приведет. Дает мне будка деньги, и хватит. И на том спасибо. А я уж сам как-нибудь буду устраивать свои отношения с женщинами».

Он снова зашел на сайт «Пинк Флойда», покопался в архиве. И, к своему величайшему изумлению, в ворохе устаревших и пропущенных им за полтора года новостей наткнулся на заметку под названием «Я купил себе мою же работу», где прочел следующее:

«Вчера на интернет-аукционе E-bay за 8000 долларов США была продана картина известного художника-оформителя Сорма Торгерсона “Человек с лампочками”. Как выяснилось сегодня, анонимным покупателем стал сам автор этого произведения, популярного в узких элитных кругах. В интервью нашему изданию Сорм Торгерсон сказал, что идею картины “Человек с лампочками” он позаимствовал у Сальвадора Дали, и пояснил, что у него дома имелась всего лишь копия этой работы, а оригинал несколько лет тому назад был подарен им большому поклоннику его творчества, президенту русского фэн-клуба “Pink Floyd” Артемию Комарову. Мистер Торгерсон также добавил, что, по-видимому, мировой финансовый кризис добрался и до российских ценителей сюрреализма, если они уже доходят до того, что продают с аукциона безвозмездные подарки авторов...»

Светящуюся точку на горизонте Степан Плотников заметил после того, как проверил снасти. Удочки ничем его не обрадовали. Спев «крокодил не ловится, не растет кокос», Степан уселся на носу яхты и стал смотреть вдаль, мечтая о гречневой каше и черном хлебе. И вот именно в этот момент он увидел яркий блик по левому борту, на самой кромке слияния Тихого океана с небом, — какую-то вспышку отраженного света. Само судно еще не показалось, а что-то, видимо, с мачты пускало яркие колкие лучики. Волны медленно перекачивались с запада на восток, и поэтому Степан поставил дополнительный парус и изменил курс.

Сначала, наблюдая в бинокль, он отказывался верить собственным глазам, потому что то, что постепенно вырисовывалось в его поле зрения, по очертаниям больше походило на «летающую тарелку», чем на обычное торговое судно. Но потом, когда яхта достаточно близко подошла к странному объекту, он понял, что это все-таки наше, земное, плавсредство, правда, очень необычное. Вся покатая палуба корабля и даже крыша грибовидной рубки были покрыты слюдяными квадратами, пускающими солнечные зайчики, — панелями солнечных батарей. А когда он сумел разобрать название судна — «Virgin Solar Ship», — все сразу встало на свои места...

— Как наши координаты? — спросил Серджио и, не дождавшись ответа, с ходу рассказал очередной свой анекдот: — Подводная лодка сбилась с курса. Видят: идет пассажирский пароход. Капитан приказал дать залп торпедами. Пароход подорвался, начал тонуть, срочно радировать SOS и свои координаты. «Смотри, — говорит капитан подводной лодки штурману, — последний раз в этом рейсе я так делаю!»

Ричард Брэнсон расхохотался. Серджио, фотокорреспондент из «National Geographic», был взят им в кругосветку не только из-за профессиональных качеств, но и из-за чувства юмора. Серджио Ричарду нравился. «Швейцарцы в следующем году закончат делать второй вариант “солнечного” самолета, — подумал он, — возьму его в полет. Только пусть получше подучится летному мастерству». Брэнсон стоял на мостике за штурвалом «Virgin Solar Ship»: седой, загорелый, из одежды только шорты.

— А вот еще на морскую тему. — Черноволосый итальянец в цветастой просторной рубашке только что наелся спагетти, и настроение у него было преотличное. — Два англичанина на берегу Ла-Манша ловят рыбу. Один вытащил красивую русалку,

подержал ее и бросил обратно в воду. Через час другой англичанин спрашивает: «Сэр, но почему?» А тот ему отвечает: «Сэр, но как?»

Отсмеявшись, Брэнсон вспомнил о Габриеле. «Что-то Питер давненько не звонил. Как он там без меня справляется с экологическими проблемами?.. Что там у австралийцев с альтернативными видами топлива? Что с проектом “Virgin Health Bank”?.. Как закончу кругосветку на “солнечном” корабле, надо будет с Жаком Фреско встретиться. Очень интересный человек. Просто удивительный. Таких, как он, в мире единицы».

Серджио расчехлил «Nikon», через открытый иллюминатор поспинал океан, сказал:

— Справа по курсу яхта.

— Вижу. Это Степан Плотников. Русский путешественник. Сходи на камбуз, отбери для него продуктов. Да не жадничай. Спагетти не надо, не русская это еда. А я сейчас с ним по радио сваяжусь.

— Sì, signore capitano.

Затрещал зуммер спутниковой связи. «Может, Габриель?» — подумал Брэнсон. Взяв телефонную трубку, он сказал:

— Алло!

9

«В том, давнишнем, сне рожа не черта была, а прищельца. Я вспомнил. Серо-зеленая кожа. “Слепые”, без зрачков, миндалевидные глаза. Мерзкий беззубо-безгубый рот. Отвратительно сплюснутый нос. Ужасный запах. Неужели мной занялись инопланетяне? Да нет, быть не может. Никаких чужих нет. Сказки для младшего школьного возраста. Но ведь телефонная будка, исполняющая желания, это не миф. Вот она стоит передо мной и светится, как уличная неоновая реклама. И все, что я благодаря ей получил, реальность. Если это розыгрыш из серии “улыбнитесь, вас снимала скрытая камера!”, то где же тогда те, кто пудрил мне мозги? Уже месяц прошел».

Он посмотрел на десять пунктов, аккуратным почерком написанных им на листе бумаги. Зачеркнул «Деньги, золото, драгоценности». Подумал. Почесал затылок. Зачеркнул «Сексуальные забавы». Потом вычеркнул из списка пункты с пятого по девятый. В живых остались: третий — «Власть и титулы», четвертый — «Слава, популярность» и десятый — «Оператор».

«“Власть и титулы”. Может быть, мне президентом стать? Президентом чего? России или Америки?.. Буду ходить словно

надутый индюк и всех учить, как надо правильно жить. Буду улыбаться с экранов телевизоров и с обложек журналов. Буду посылать людей на войну или в горячие точки. Буду дружить с сильными мира сего, а они мне будут указывать, что делать в их интересах. Буду летать по всему земному шару, практически один в огромном реактивном лайнере, есть деликатесы, пить изысканные напитки. Буду публично молиться Богу, делая вид, что я в него верю. Так все-таки президентом чего? России или Америки? Разницы не вижу никакой. Интересно, как это можно осуществить технически — чтобы я практически мгновенно стал президентом? Лишить памяти сразу семь миллиардов человек? Или сколько там нас сейчас?..

“Слава, популярность”. В принципе то же самое. Только власти поменьше. Артисты, хоккеисты, композиторы, кинорежиссеры, художники, футболисты, боксеры, топ-модели, писатели. Чемпионы, гении, таланты... Игоря бы оживить. Он мечтал стать известным писателем-фантастом. Да вот не выдержал равнодушия издателей. На шею себе пеньковый галстук надел. Эх, Игорь, Игорь! А может, и мне еще одну книгу написать? Об обратной стороне “Пинк Флойда”. Покажу фэнам, что на самом деле собой представляет четверка их любимцев. Нет, напрасная трата времени. В ответ закроют, закидают тухлыми помидорами, плюнут в лицо. Не смей обижать неприкасаемых! А то весь бизнес к черту рухнет. Икона упадет. И во что тогда верить?..

Пункт “ноль”. “Оператор”. Стоп! А ведь это, наверное, самое интересное из оставшегося. Тайная комната. Чулан с пауками. Надо бы туда заглянуть. Почему я раньше не обращал внимания на эту опцию? Был занят более вкусными, как мне казалось».

Он вошел в телефонную будку, набрал все цифры, которые требовалось набрать, сказал:

— Алло.

— Алло, — ответил оператор.

Часть пятая. Оператор

1

«Дети, которые приходят в ваши дома с ножами в руках, это ваши дети. Не я научил их этому. Вы научили. Большинство тех, кто пришел ко мне на старое ранчо, тех, кого я называю “семьей”, это — отвергнутые вами... Я сделал для них все, что мог, я поднял их с мусорной свалки, я дал им новые имена и сказал им: “В любви нет ничего плохого...” Я представляю собой

лишь то, что живет внутри всех и каждого из вас... Я никогда не ходил в школу, так и не научился толком читать и писать, я сидел в тюрьмах, поэтому остался неразвитым, остался ребенком, в то время как ваш мир вырос. И вот я вгляделся в то, что вы создали, и не смог этого понять... И если бы я мог, я бы выдернул сейчас этот вот микрофон и вышиб им ваши мозги. Потому что именно этого вы заслуживаете, именно этого... Разве является секретом тот факт, что музыка призывает молодых подниматься на борьбу с истеблишментом? Музыка говорит с вами каждый день, но вы глухи, немые и слепы, вы не способны воспринимать ее. И еще многое... Вот дети и бегут от вас на улицы — и в конце концов все равно натыкаются на вас!

Я хочу, чтобы вы знали: в моем распоряжении весь мир. Если вдруг я выйду на свободу, то устрою такое, что убийство Шэрон Тэйт покажется вам детской игрушкой...»

Хет-трик прочел текст, отложил в сторону распечатку, снял очки, сделал приличный глоток из пузатой бутылки дорожущего французского коньяка, закурил сигару, подумал:

«В чем-то он прав. Если бы Гитлера в свое время приняли в Венскую академию живописи, то, скорее всего, и Второй мировой войны не было бы. Общество пожинает плоды своего равнодушия к отдельно взятому индивидууму. То же самое и в случае с Чарльзом Мэнсоном. Если бы социум позаботился о нем еще в детстве, уделил ему должное внимание, то отказ продюсера “The Beach Boys” записать альбом с его музыкой не разозлил бы Мэнсона настолько, что он пошел на такое зверское убийство. Его так называемая “семья” даже не посчиталась с тем обстоятельством, что люди, которых они зарезали как свиней, не имели к этому долбаному продюсеру никакого отношения — просто дом был именно тот, где он жил, и все. А убивали они их, распевая песни “The Beatles”».

Хет-трик отхлебнул из горлышка. Коньяк заполнял каждую клеточку, растекался по телу, внося в него покой и умиротворение. Всунул в рот сигару, втянул в легкие сладкий, расслабляющий дым. Нервы чуть-чуть успокоились. Но страшная картинка все так же стояла перед глазами.

«Зачем мне надо было туда ходить? Шестнадцать колотых ран в беременной женщине. Беременной на девятом месяце. Жуткое кровавое месиво. А какая Шэрон была красивая! Может быть, у меня тоже, как у этого гребаного маньяка Мэнсона, устраивающего вместо мирных демонстраций ужасные казни ни в чем не повинных граждан, нелады с психикой? Пошкотал

себе нервишки, называется! Что теперь? Осталось только в фашистских концлагерях побывать и на средневековых пытках присутствовать. “Молот ведьм” на практике изучить».

2

Вакханалия достигала своего апогея. Семьдесят восемь обнаженных девушек (брюнеток, шатенок, блондинок), упившихся вином и шампанским и нанюхавшихся наркотика, уже потихоньку стали разбиваться на пары, обниматься и целоваться. Отдельные, особо уторчавшиеся, обнимались и целовались втроем, вчетвером, а то и вшестером. Только ноги в белых гольфах и черных легких кроссовках выглядывали из груд шевелящихся тел. А на газоне то тут, то там валялись брошенные белые велосипедные шапочки.

Фредди, сперва появившийся в образе королевы Англии, а потом, избавившийся от жаркой горностаевой мантии и парика и превратившийся в японскую гейшу, скинул с плеч и расшитое цаплями кимоно, оставшись лишь в стрингах. Правда, золотая корона опять красовалась на его буйной персидско-индийской головушке. Кокетливо улыбаясь, он заигрывал с огромным нигерийским негром, одним из тех, которые, изображая рабов, три часа тому назад вынесли его на носилках к восторженно кричащей толпе. Еще один негр, комплекцией поскромнее, чем его сотоварищи-носильщики, постоянно торчал у Меркьюри за спиной, обмахивая его страусовым опахалом.

Помимо семидесяти восьми велогонщиц (видимо, их количество соответствовало году на календаре), присутствовало девятнадцать трансвеститов, тринадцать карликов, столько же монашек и семь факиров. Плюс я, изображавший из себя официанта. И не только изображавший, но и реально подносивший присутствующим хрустальные бокалы, до краев наполненные шампуниевоподобными жидкостями.

Китайские фарфоровые тарелки с едой на столиках в пестрых шатрах были опустошены, вино и шампанское выпиты, исполинский торт (в виде велосипеда) со взбитыми сливками, шоколадом и марципанами съеден, белый порошок с серебряных подносов вынюхан. Все фокусы факирами были продемонстрированы, все фейерверки запущены. Единственно, музыка никак не могла умолкнуть, снова и снова через колонки проигрывалась одна и та же песня — «Bicycle Race».

Пора было уходить. Обстановка складывалась взрывоопасная. Тем более что карлики, так же, как и я, выступавшие в роли официантов и угощавшие гостей чистым колумбийским кокаи-

ном, сами основательно расширили себе сознание и как-то странно на меня поглядывали своими ослоловевшими глазками — того и гляди навалятся гурьбой, не отобьешься. Некоторые из них уже начали снимать с себя камзолы, сплошь усыпанные перламутровыми пуговицами, и разминаться. Я представил, как они набрасываются на меня и острыми черными коготками до крови расцарапывают мою белоснежную рубашку. По-моему, они заподозрили во мне переодетого журналиста.

Свою спутницу я нашел в самом углу лужайки. Под кокосовой пальмой. В объятиях трансвестита. Он погрузился лицом в большие груди Анфисы и что-то там бормотал ей насчет миллиона долларов. Анфиса уже в Москве, до «тайм-транспортровки» была на взводе, а тут она окончательно слетела с катушек, решила похулиганить: на велосипеде врезалась в шатер, толкнула в торт карлика, факиру подожгла тюрбан.

— Валим отсюда, Анфиска, — приказал я ей, — давай руку.

— Ну, кисюня, — заканючила она, — останемся еще хоть на немножко, здесь так клево, лучше, чем в Москве.

— Анфиска, что я сказал?

Я оторвал ее от еле живого трансвестита и потащил к воротам. У ворот валялась целая гора велосипедов. Семьдесят восемь штук, надо полагать. Я вынул из заднего кармана брюк мобилку и обернулся. Фредди и огромный негр обнимались. Карлики флиртовали с монашками. Факиры — с велосипедистками. Трансвеститы в основном бродили, наблюдая. Закольцованная песня «Bicycle Race» продолжала орать из динамиков. Пьяная Анфиска подпевала мне в ухо: «I want to ride my bicycle, I want to ride my bike, I want to ride my bicycle, I want to riding, where I like (Я хочу ездить на моем велосипеде, я хочу ездить на моем велике, я хочу ездить там, где я хочу)».

Над виллой, привязанный к земле канатами и снизу подсвеченный прожектором, парил полосатый, как зебра, воздушный шар с красно-розовой надписью на боку — «JAZZ».

На Виргинских островах всюду шла вечеринка Фредди Меркьюри в честь выхода нового альбома «Queen».

3

— Оператор?

— Да, Артем. Я вас слушаю.

— Откуда вам известно мое имя?

— Как же мне его не знать? Я координирую этот проект.

— Какой еще проект?

— Проект «Телефонная будка».

— Так, значит, я участвую в проекте?

— Конечно.

— А меня кто-нибудь спросил, хочу ли я в нем участвовать?

— Если бы спросили, не исключено, что вы бы отказались, а ваша кандидатура нам очень подходила. Вас выбрал компьютер.

— Чем я ему так понравился?

— Живете уединенно, не имеете родственников, по возрасту подходите. И так далее. Для чистоты эксперимента это как раз то, что нужно.

— В чем смысл эксперимента?

— Не могу сказать. Потому что, какой же это тогда эксперимент? Ведь он еще не закончен. Проект «Телефонная будка» продолжается.

— Ладно. А кто проводит эксперимент? Похоже, применяются какие-то новейшие технологии.

— Вы угадали. Это совместный проект Силиконовой Долины и Манчестерского политехнического института.

— То есть все появления из ниоткуда заказанных мной вещей это их ноу-хау?

— Абсолютно верно. Телефонная будка является приемником-передатчиком.

— Мгновенная переброска на расстояние материальных объектов, я так понимаю?

— Вы правильно понимаете.

— Хорошо. И что же, только я один участвую в эксперименте?

— Эксперимент проходит по всему миру. В России, кроме вашей, установлено еще двенадцать таких телефонных будок. В различных городах.

— Значит, моя будка — тринадцатая?

— Ну, если вы суеверный человек, можете считать ее первой или седьмой. В зависимости от вашего счастливого числа.

— Угу. О'кей, оператор. Кстати, как мне к вам обращаться? Имя у вас имеется?

— Лучше всего, если вы будете называть меня просто оператором.

— Ну что ж. Тогда такой вопрос. По окончании проекта вы вернете себе назад полученные мной деньги?

— Все, что вы попросили и еще попросите, останется у вас.

— То есть пока не закончился эксперимент, можно грести деньги лопатой?

— По секрету скажу вам: те двенадцать россиян, что с вами участвуют в проекте, только тем и занимаются, что требуют у

будки деньги. Дальше первой опции они не продвинулись. Вы единственный, кто позвонил оператору.

— А долго еще продлится эксперимент?

— Этого я тоже вам сказать не могу.

— Ладно. Хорошо. Есть ли какие-нибудь дополнительные опции у будки кроме указанных?

— Чего бы вам хотелось?

— Могу ли я, например, наказать тех людей, которые так или иначе обидели меня?

— В принципе, это можно устроить. Будка позволяет исполнить многие ваши сокровенные желания. Даже побывать в прошлом и встретиться с интересующим вас человеком.

— Правда? Ого! Машина времени! Можно перемещаться и в прошлое, и в будущее. Вот здорово!

— Только в прошлое. Будущее ведь еще не наступило. Для путешествий в прошлое есть одно обязательное условие.

— Какое?

— Там нельзя ничего менять.

— Понятно... А такой вот вопрос.

— Давайте.

— Летела стая, совсем небольшая, сколько было птиц и каких?

— Не понял вас. Какая стая?

— Совсем небольшая. Сколько было птиц и каких?

— Не понял.

— А я вообще с живым человеком разговариваю или с компьютером?

4

Лунный пейзаж был как настоящий. На стенах павильона висели огромные цветные фотографии лунной поверхности, сделанные сорок лет назад, во время экспедиций «Аполлонов». Все фотографии отражали особенности лунного рельефа, и только одна была исключением — классическая фотография Эдвина Олдрина, в белоснежном скафандре стоящего на поверхности Луны и глядящего в объектив фотоаппарата.

Естественно, лица Эдвина видно не было, а в черном стекле светофильтра его шлема отражались фигура Нила Армстронга и часть угловатой конструкции посадочного модуля.

— «Спайдер Машина» — абсолютно автономная, — рассказывал Фриц. — Даешь ей конкретное задание, а как его выполнить, она сама решает. Наша «Паучиха» обладает разумом.

— Так уж и разумом, — усомнился Ричард.

— Можно проверить, — Фриц обещающе улыбался.

— Ну что ж, — Ричард на минуту задумался, — сделаем так.

Он вытащил мобильный телефон из внутреннего кармана тонкой шелковистой курточки с яркой круглой эмблемой и с надписью «Virgin Lunar» на груди и сказал:

— Задача следующая. «Spider Machine» должна найти эту вот штучку. Положи-ка ее вон в ту яму, а сверху камнем накрой.

— Понятно, — сказал Фриц, все еще довольно ухмыляясь.

— Это первая часть задания, — добавил Ричард.

— А какая вторая?

— Потом скажу.

— Gut.

Главный инженер Бременского института искусственного интеллекта взял телефон, отнес его в указанный Брэнсоном маленький кратер, надвинул на лунку один из валунов, в беспорядке разбросанных по лунному ландшафту, затем подошел к компьютеру и что-то там над ним поколдовал.

«Spider Machine» действительно была похожа на паука. Никаких колес, вместо них — восемь суставчатых насекомоподобных ног. Как только сигнал был получен, она довольно резво добралась до искомой точки, благополучно обойдя опасные провалы, встретившиеся ей на пути. Потом рукой-манипулятором освободила вход в воронку и вытащила оттуда телефон. Фриц при этом стоял рядом с Ричардом, не вмешиваясь в процесс, и продолжал улыбался.

— Замечательно, — сказал Брэнсон, — а теперь пусть «Паучиха» позвонит с моего телефона на твой.

Фриц улыбаться перестал. Он озадаченно поводил указательным пальцем по переносице, снова сходил к компьютеру и снова над ним поколдовал.

«Spider Machine» ничего не делала минут пять. Обдумывала ситуацию. Пальцы на руке-манипуляторе были слишком толстые, чтобы нажать на маленькие кнопки мобильного телефона. И когда уже Брэнсон готов был колкой шуткой поддеть Фрица, «Паучиха» вдруг совершенно неожиданно двумя пальцами, как плоскогубцами, перекусила кончик одной из антенн, торчащих из ее кубической головы, а потом подняла из пыли тонкую проволочку и именно ею начала отыскивать в меню номер телефона своего хозяина.

5

«Чем ты лучше чудовища-Мэнсона? Да ничем, ты такой же убийца, как и он. Но я же никогда не убивал женщин. Ну и что?

Ты даже хуже его. Почему это? Потому что ты убивал по приказу. Тебе приказывали, ты убивал. Тебе приказывала партия, тебе приказывала власть. А ему никто не приказывал. Он был сам по себе. Ты ведь играл в чужие игры, обслуживал систему. Я такая же жертва, как и Чарльз Мэнсон. Я продукт извращенного общества. Общества, имеющего двойную мораль. Общества, которое, с одной стороны, восхваляет убийство, а с другой — осуждает. Чингисхан, Наполеон, Мао Цзэдун, Сталин — все они убийцы, а общество возвело их в ранг выдающихся исторических личностей. Только Гитлер со своими газовыми камерами и крематориями выпадает из этого списка. Не было бы “фабрик смерти”, наверняка памятники бы в его честь поставили. Люди всегда занимались убийством: убивали себе подобных, убивали животных. Они едят мясо меньших братьев своих, покупая его в магазине, и при этом чувствуют себя непричастными к убийству, поскольку сами убийством не занимаются. По этому поводу хорошо сказал Оззи Осборн: “Я бы хотел открыть ресторан. И каждый раз, когда клиент заказывал бы бифштекс, я бы приводил живую корову и резал ее у него на глазах”. Люди убивают каждый день. И каждый день рекламируют убийство. Разве Роман Полански, снимающий фильмы о насилии и жестокости, косвенно не содействовал банде Мэнсона, зверски убившей его жену?.. Черт!»

Он неловко взялся за бутылку, и та, выскользнув из руки, упала набок, расплескав остатки коньяка на стол. С полированного дерева коньяк струйками потек на персидский ковер. «Хрен с ним, — подумал Хет-трик, — сейчас еще закажу. Будка даст мне, что пожелаю». Он оглядел преобразившийся ангар. Здесь было все для комфортного проживания холостого мужчины: диван-кровать, два стула, стол, электрообогреватель, кухонная плита, холодильник, санузел, душевая кабина, ковер, кондиционер, торшер, телевизор, компьютер. Пачки денег и золотые слитки ему пришлось вернуть через функцию «Оператор». Чтобы не мешали. А вот целый магазин игрушек, тоже оставшийся после Аналитика, Хет-трик развез по детским домам. Он туманно посмотрел на телефонную будку, из открытой двери которой выглядывали скомканные, брошенные им впопыхах вещи образца 1969 года. Вернувшись из Лос-Анджелеса, он сразу же отправился в душ, словно хотел отмыться от той грязи, в которую давеча довелось окунуться.

«А ведь Аналитика никто не приказывал тебе убивать. Тут вы с Мэнсоном одинаковы. Зачем ты его убил? Из-за выгоды, из-за корысти? Аналитик сошел с ума, он мне был бы только обу-

зой. Он уже самому себе был не нужен... И все равно не я монстр и не Мэнсон. Чудовище, порождающее чудовищ, — это само общество. Тварь-матка из фильма Джеймса Кэмерона “Чужие”».

6

Лизавета всегда хотела стать королевой. Правда, с фамилией ей не повезло. В девичестве она носила фамилию, которая не только не была благозвучной, но и оскорбляла ее обладателя. В детстве это обстоятельство не имело особого значения, а вот как девочка подросла и стала девушкой, тут-то и возникли проблемы. Одноклассники дразнили ее до слез. Поэтому при первой же возможности Лизавета выскочила замуж. Мужа она не любила, а выбрала его себе главным образом из-за очень подходящей фамилии — Царский.

Став Елизаветой Царской, выпускница института иностранных языков прекрасно понимала, что даже с такой роскошной фамилией ей до настоящей королевы Англии, до королевы Елизаветы, еще ой как далеко, и поэтому она решила сделать следующий шаг к своей заветной цели — развестись и выйти замуж за иностранца. С первой половиной задачи она справилась великолепно, отобрав при разводе у бывшего мужа однокомнатную малогабаритную квартиру. А вот выйти замуж за иностранца оказалось не таким-то уж и простым делом. Поскольку, во-первых, Лизавета была некрасива — и богатые иностранцы не обращали на нее никакого внимания, а во-вторых, те иностранцы, которые все же обращали на нее внимание, были, как правило, альфонсами.

Во время знакомства с Артемом Лизавета работала в школе скромной учительницей английского языка, ненавидящей весь мир: своих родителей — за то, что те имели такую дурацкую фамилию, и за то, что она родилась некрасивой; правительство — за то, что оно платило ей нищенскую зарплату; мужчин — за то, что те ее не любили; и королеву Англии — за то, что та была королевой Англии, хотя на вид почти ничем не отличалась от престарелой матери Лизаветы.

После успешной продажи «Человека с лампочками» еще одна невероятная удача улыбнулась мисс Царской. Ей наконец-то посчастливилось познакомиться в Сети с симпатичным богатым англичанином, с которым у нее завязалась длительная любовная переписка. Лизавете нравилось все: внешность англичанина (он даже был чуть-чуть похож на Джеффа Линна), его хобби, его двухэтажный дом, его автомобиль, его туристический

бизнес, а самое главное — то, что он приходился дальним родственником некоей Кэролайн Фрэйд, ставшей относительно недавно женой Чарльза Спенсера, который в свою очередь являлся — о боже! — братом покойной принцессы Дианы.

Такой уникальный шанс выпал Лизавете впервые в жизни. И она готова была на все, лишь бы приблизиться к особам королевской крови, то есть к своей мечте. Единственное препятствие заключалось в том, что, наученная горьким опытом общения с мужчинами, она решила перестраховаться и выслала своему любимому не настоящую свою фотографию, а обработанную на компьютере подделку. Англичанин, конечно же, влюбился в присланное ему фото. Но на самом деле для того, чтобы соответствовать представленному на нем изображению, Лизавете необходимо было снова посетить пластического хирурга, ранее уже придавшего ее формам некоторую соблазнительную округлость, а денег у нее на эту операцию пока еще не было. И она их собиралась взять не у кого иного, как у Артема.

7

— «Каждый раз, когда мы сворачиваем доллар в трубочку, мы душим президента».

— Нормально.

— А вот еще. «Деньги можно швырять на ветер, пока ветер дует в твою сторону».

— Неплохо.

— «Зачем мне изучать эту гребаную математику, если у меня достаточно денег, чтобы купить себе гребаный калькулятор?»

— Оригинально.

— Но это так, для затравки. Сейчас поинтереснее прочитаю. «Библия — важнейшее литературное произведение, но когда люди умирают за слова, написанные на бумаге, — это странно и опасно!»

— Угу. Это уже посерьезнее будет.

— А как тебе такое высказывание? «Война христианства с дьяволом всегда была борьбой между самыми естественными человеческими инстинктами — потребностью в сексе, насилием и самодовольством — и отрицанием принадлежности человека к миру животных. Идея рая — это просто христианский способ устроить на земле ад».

— Церковники на него не обиделись?

— Папа Римский предал анафеме.

— Прекрасно. Нынешний Папа предаёт анафеме рок-музыканта, а во время Второй мировой тогдашний Папа с Гитлером дружил.

— Нет, тогдашний Папа с Гитлером не дружил, хотя к фашистам относился лояльно. Приятелем Гитлера был муфтий Иерусалима. Но не все так однозначно. С одной стороны, тысячи католических священников в концлагерях сидели, а с другой — высокопоставленные чиновники Ватикана помогали скрываться от правосудия нацистским преступникам, в том числе Адольфу Эйхману и доктору Йозефу Менгеле.

— А ты в курсе, что на оккупированных советских территориях при поддержке немецкого командования открылись десятки тысяч церквей?

— В курсе... Я тут недавно выяснил, за что именно католическая церковь судила Галилео Галилея. Оказывается, его утверждение, что Солнце неподвижно стоит в центре мира, а Земля движется вокруг Солнца, прямо противоречило Святому Писанию, где говорится совершенно обратное.

— То есть Библия не в курсе, что Земля вертится.

— Выводы относительно компетентности «единственного истинного учения» напрашиваются соответствующие. Но мы отвлеклись. Напоследок ещё одна цитата Мэнсона: «Почти все, кого я встречал в своей жизни, не понимали, что сатанизм состоит не в ритуальных жертвоприношениях, раскапывании могил и поклонении дьяволу.

Дьявол не существует. Сатанизм — это поклонение самому себе, потому что только ты ответствен за свои собственные добро и зло».

— Верно подмечено... Вообще, Саша, ты меня удивил. Я полагал, что кроме истории третьего рейха ты больше ничем не интересуешься.

— А меня удивил Мэрилин Мэнсон. Ведь музыку его я терпеть не могу. А ещё удивил ты. Не думал я, что так быстро восстановишь своё материальное положение, найдёшь высокооплачиваемую работу, долг мне вернёшь. Ты свои вещи у Рок-н-ролла выкупил?

— Не успел. Умер Рок-н-ролл...

— Да ты что!

— От разрыва сердца. Пришёл он как-то раз домой, а все его годами нажитое имущество исчезло. Расстроился и умер.

— Нашли воров?

— Странное дело. Ни взлома, ни отпечатков пальцев. Ничего обнаружено не было.

— Ситуация... Белые тапки — эмблема печали. Слышь, Арт, а что с телефонной будкой? Чем история-то закончилась?

— Ничем. Я будку вместо шкафа использую.

— Прикольно. Ну ладно, спасибо, что позвонил, поздравил с юбилеем. Юбилей — репетиция похорон.

— Ха-ха-ха! Как появишься в городе, заходи. По стаканчику опрокинем... Эй, погоди, не отключайся. Забыл тебя спросить. Если бы у тебя была машина времени и ты бы встретился с Гитлером, какой вопрос ты бы ему задал?

— Какой вопрос? Почему он в сорок третьем не заключил мир со Сталиным? А зачем тебе?

— Просто хотел узнать.

8

К трем часам ночи они закончили съемки Крабовидной туманности и пошли отдыхать. Поскольку в журнале наблюдений время с трех до пяти значилось как резервное и никаких дополнительных программ на этот период там запланировано не было. Оба они, обсуждая новые возможности телескопа в связи с установкой на нем мультиобъектного спектрометра ближнего инфракрасного диапазона во время недавнего техобслуживания «Хаббла» экспедицией «Discovery», удалились в соседнюю аудиторию, а я остался в аппаратной, потому что был так потрясен панорамой глубокого космоса, что спать мне пока не хотелось.

Я приготовил кофе, устроился во вращающемся кресле за рабочим столом и посмотрел на экран монитора. Там вместо далекой Крабовидной туманности теперь был сектор неба, видимый астронавтами с борта «челнока». Ничего интересного. Я представил, как это будет потрясающе, когда я когда-нибудь в будущем в качестве шефа проекта по поиску внеземной жизни вот так же, как сейчас, буду сидеть за компьютером и одним нажатием кнопки управлять многотонным космическим глазом, висящим в верхних слоях земной атмосферы. Я представил, как отсюда, из университета Хопкинса, нацеливаю «Хаббл» на какой-то находящийся на расстоянии десятков световых лет участок вселенной и — о чудо! — вижу инопланетный корабль на фоне россыпи разноцветных звезд.

За стеной давно уже стихли разговоры моих руководителей, а я все еще не спал, воображая, каким бы мог быть на вид звездолет пришельцев. Скорее всего, размышлял я, это будет какое-то «летающее блюдо» и совсем не такой корабль, который мне довелось видеть в фантастическом фильме Ридли Скотта, а, наверное, нечто совершенно другое. Но то, что я непременно

пойму, несмотря на его внеземную конфигурацию, что это именно чужой корабль, в этом я был абсолютно уверен.

Я сидел в кресле за рабочим столом, пил кофе, мечтал о том, как прославлюсь и как мне дадут Нобелевскую премию. И совершенно случайно обратил внимание на какое-то движение, происходившее на мониторе компьютера. Приглядевшись, я понял, что в поле зрения телескопа попал некий объект, летящий над Землей. Мало того, навстречу ему двигался еще один, аналогичный. Мне было прекрасно известно, что огромное количество спутников запускается в космос, поэтому я не удивился увиденному. Подумал только, сейчас вот они разлетятся, и я пойду спать. Но произошла странная штука — спутники не разлетелись, а столкнулись. Точнее, даже не столкнулись, а... состыковались. Две светящиеся точки образовали одну, которая, что любопытно, не продолжила свой полет, а повисла на одном месте.

Я знал, на какие кнопки нужно нажать, чтобы получше рассмотреть странное явление. Приблизив точку и наведя на резкость, я не поверил собственным глазам. Это действительно были два спутника. Один большой, продолговатый, с разными всякими полусферами и усеченными конусами, а другой — маленький, почти идеально круглый, шарообразный. И что-то там между ними происходило, какой-то процесс. Что это за процесс, я очень скоро понял. Потому что буквально через несколько минут от большого спутника не осталось и следа. Его поглотил маленький, скушал, так сказать, по кусочку. И, что самое удивительное, маленький спутник при этом сам не увеличился в размерах. Съев своего собрата, маленький спутник как ни в чем не бывало снова продолжил движение и исчез из поля зрения телескопа.

Что это было? Чему свидетелем я стал? Получалось, что по орбите Земли ходит спутник, который зачем-то съедает другие спутники. Но с какой целью? Загадка. Тем не менее я не стал будить моих учителей, не стал звонить в Центр космических полетов Гаддарда. Потому что подумал, а вдруг то, что я увидел, каким-то образом связано с секретными военными проектами NASA, и если это так, а скорее всего, так оно и есть, то у меня, обычного студента-практиканта, которому, благодаря хорошим оценкам, посчастливилось поучаствовать в одном из научных экспериментов университета, могут быть большие неприятности, если я буду задавать лишние вопросы. И тогда мне не видать моей будущей Нобелевской премии, как не видать Крабовидную туманность невооруженным глазом.

— А ты здорово похорошела, — сказал Артем, — буквально расцвела. За время моего отсутствия стала еще более желанной. Честно признаюсь, не ожидал.

Розовое облегающее платье очень шло Лизавете и сидело на ней как на манекенщице. Заметно увеличившиеся груди и ягодицы выглядели довольно сексуально.

— Это я в фитнес-зале занимаюсь и на особой диете сижу, — объяснила она.

Макияж хоть и придавал Лизаветину лицу некоторую привлекательность, но до названия «симпатичное» оно явно недогаживало.

— Я смотрю, ты и картину Торгерсона на самое видное место повесила. А какая роскошная у нее рамка! Удивила, ну просто удивила.

Лизавета повращала туда-сюда головой, потрясла мелкими кудряшками. Обольстительно улыбнувшись, сказала:

— Золотую рамку, между прочим, мне на заказ делали. Я цвет золота обожаю. Кстати, Артюша. Если бы рядом с «Человеком» поместить «Два лица», еще лучше бы смотрелось. Я бы для «Двух лиц» серебряную рамочку купила.

Артем через соломинку отпил «кровавой Мэри», подумал: «А сколько лиц у тебя?» — но от него Лизавета услышала совершенно другое:

— Если Солнышко будет теплым и ласковым, то я ему и вторую картину подарю.

Лизавета подтянула чулок-паутинку, промокнула платочком губы, закурила длинную сигарету. По комнате начал распространяться ментоловый аромат.

— Если бы ты почаще ко мне заходил, то и тепла от Солнышка было бы больше.

«Обиженную из себя строит, сейчас я погляжу, что у тебя внутри на самом деле».

Артем приложил к уху мобильный телефон, сказал:

— Алло, оператор. Моя девушка любит цвет золота. Пусть у нее на пальце появится золотое кольцо.

У Лизаветы сигарета вывалилась из рта, когда ее взор кольнул блеск бриллианта.

— Что? Откуда? Как ты это сделал?

И так слегка выпученные глаза Лизаветы стали вываливаться из орбит.

— Волшебный телефон, Лизонька. Исполняет любые же-

лания, — гордо заявил Артем, вальяжно развалившись на диване.

— Разыгрываешь. Фокусы. Такого не бывает.

Лизавета глупо улыбалась, совершенно обалдев от внезапно появившегося на мизинце кольца.

— Еще как бывает. Секретные военные разработки англичан. Тайное оружие Джеймса Бонда. Нашел у отца в сейфе. Сейф у него за книжными полками стоял, представляешь?.. Сама попробуй. Пожелай чего-нибудь.

Артем отдал телефон Лизавете. Мобильник был красного цвета. На лицевой стороне вверху красовалось изображение золотой короны, ниже шла черная надпись - «Telephone».

— Куда нажимать?

— Тачфон, Лизонька. Кнопок нет. Я уже все включил. Говори, что тебе надо. Оно и появится.

Сначала Лизавета попросила к кольцу бриллиантовые сережки, потом к бриллиантовым сережкам ожерелье. Потом, когда перед зеркалом закончились охи и ахи, вошла во вкус и заказала настоящую царскую корону, обсыпанную драгоценными камнями, а потом... Потом она как-то виновато посмотрела на Артема и тихонечко сказала:

— Хочу, чтобы Артем Комаров исчез из моей жизни. Пусть он убирается от меня к чертовой матери, к чертям собачьим, этот рыжий идиот.

И дико, по-сатанински, расхохоталась.

Но ничего не произошло. Артем никуда не убрался. Ни к чертовой матери, ни к чертям собачьим. Как сидел он на диване, так и продолжал сидеть. В его руке тоже появился красный мобильный телефон, и он сказал в него всего лишь четыре слова:

— Оператор, опция номер одиннадцать.

Лизавета, словно воздушный шар, стала надуваться до чудовищных размеров и в конце концов лопнула, забрызгав поддельными внутренностями стену с поддельной картиной.

Артем, вынув соломинку, отхлебнул большой глоток «кровавой Мэри», поглядел на бокал, громко сказал:

— Это же не «кровавая Мэри». Это же «кровавая Лиза».

И как-то нехорошо рассмеялся.

Часть шестая. Вкус крови

1

Одна из версий была такая — Норму Джин убили братья Роберт и Джон. С помощью спецслужб. Но, если честно, я в нее не

верил. Я больше склонялся к версии, что в смерти Нормы виноват ее семейный доктор-психотерапевт Ральф Гринсон, который прописал пациентке два несовместимых препарата. Врачебная ошибка. Что-то типа трагической смерти Майкла Джексона. Однако действительность оказалась, как всегда, мерзкой и подлой.

Третьего августа Джон позвонил Роберту и попросил приехать. Я перехватил звонок и отправился вместо него. Встреча состоялась в Овальном кабинете, в наше время прославившемся благодаря нашумевшему случаю с Биллом Клинтонem и Моникой Левински. Подмены Джон, естественно, не заметил. Как он мог ее заметить, если даже Норма никаких отличий от Роберта во мне не нашла? А ведь мы с ней провели семь умопомрачительных ночей. Конечно, Норма не Зинаида — она просто большой избалованный ребенок! Но все эти семь ночей доставили мне поистине грандиозное удовольствие.

Джон начал с того, что кабинет не прослушивается и поэтому мы можем говорить откровенно, но я уже и так по его лицу понял, что разговор будет серьезный. Я был почему-то уверен, что Джон, узнав о связи Роберта с Нормой, приревновал и поэтому будет настаивать, чтобы я вернул ему его любовницу. На самом деле он ничего такого не сказал, а сказал, что президентом он всего лишь шесть месяцев и ему непременно хочется побыть весь срок. Но поскольку Норма Джин в последнее время стала вести себя непредсказуемо (из-за марихуаны), то он очень опасается, что она, может быть сама того не желая, проболтается об их отношениях прессе, и тогда он вылетит из Белого дома, словно пробка из бутылки шампанского.

И еще он сказал, что я должен ему помочь как министр юстиции — подключить спецagenta и окончательно решить проблему. То есть явно намекнул, что Норму Джин нужно на тот свет спровадить. Я, как это услышал, аж вспотел весь от злости, но виду не подал. А подумал, ну ты и сволочь, аристократ гребаный, чистюля, национальный герой Америки, хорошо, что я тебя через годик собственноручно грохнул — а я-то, дурак, расстраивался, что из снайперской винтовки тебе полголовы снес. А когда чуть-чуть поостыл, то еще подумал, что я сам себя в угол-то загнал. И что эту ситуацию мне придется разруливать так же, как обычно я другие деликатные ситуации полжизни своей разруливал, — «по-мокрому».

Потому что Норма Джин должна умереть пятого августа, то есть послезавтра. Но принимать снотворное и антидепрессант она вряд ли будет, даже если врач ей их и прописал. Так как от-

куда у нее возьмется дурное настроение, если мы с ней любовь вовсю крутим? Заигрался я, увлекся, надо было раньше сматываться и на эту встречу не ходить. Они бы ее без меня грохнули. Два братца-мясника. А теперь-то Роберт не в курсе, что Джон затеял. Ладно, придется принять еще один грех на душу. Да и какая в принципе, к черту, разница, от чьих рук — американского «шакала» или русского — умрет Норма Джин, известная всему миру, как Мэрилин Монро?

2

На интернетовском видео Жак показался Ричарду маленьким, щупленьким, несколько уставшим от жизни старичком. В действительности же Фреско, в свои только что исполнившиеся девяносто пять, представлял собой очень энергичную, спортивного телосложения личность. Даже его помощница Роксанна, на вид годившаяся Жаку как минимум в дочери, казалась менее подвижной и менее тренированной. Обстановка, в которой они вели беседу тет-а-тет, полностью повторяла обстановку в фильме «Zeitgeist»: тот же кремового цвета диван с разноцветными подушками, те же желтоватые кресла, та же современная чертежная доска, те же футуристические картинки на заднем плане.

На картинках были изображены круглые симметричные города, авангардные здания, ракетоподобные магнитопоезда, необычные орбитальные станции. Ричард не мог избавиться от ощущения, что попал в конструкторское бюро будущего. И не только в конструкторское бюро новой техники, но и в конструкторское бюро нового человека. Промышленный дизайнер и социальный инженер был в стареньком тонком черном свитере, в сильно потертых джинсах, на его ногах были облезлые коричневые туфли, на левой руке — дешевые часы в корпусе из нержавеющей стали. Но то, о чем говорил этот невзрачный лобастый человек, было, по мнению Ричарда, дороже золота.

— Давно за вами наблюдаю, — сказал Фреско. — Питаю большую симпатию к вашей деятельности, направленной на внедрение в жизнь передовых прогрессивных технологий. Поскольку именно благодаря технологиям человечество движется вперед. Технологии решают проблемы, а не политики.

— А я был очень потрясен идеями, изложенными вами в том документарии, — Брэнсон решил ответить комплиментом на комплимент. — Вы просто и доходчиво объяснили, в чем корень зла сегодняшнего мира. Прямо сознание мне перетряхнули.

— Да, деньги — это самый главный бог нашего общества.

Каждый день миллиарды людей просыпаются с верой в доллар. Каждый день люди идут на работу, мотивированные тем, чтобы получить зарплату. Работа — это оплата рабства. Денежная система — высшая форма религии на планете. Все народы поклоняются ей. Своими лекциями я пытаюсь показать людям, что общество, основанное на денежной системе, антигуманно по своей сути. Это пагубный путь. Большинство преступлений на земле совершается из-за денег.

— Выходит, теория заговора все-таки существует?

— Разумеется. Нынешний порядок вещей выгоден транснациональным корпорациям, стремящимся к глобализации. Монополия на товары и услуги порождает дефицит. Дефицит, напрямую связанный со сверхприбылью, заставляет потребителей платить цену несоизмеримо большую, чем эти самые товары и услуги реально стоят. Корпорации руководят всей мировой политикой. Главы правительств — как правило, ставленники корпораций. Правительства же продолжают поддерживать тот механизм, который позволяет им оставаться у власти. Путем пропаганды рабам навязываются ложные незыблемые ценности.

— Компания «Virgin» тоже входит в число заговорщиков? Как вы считаете?

— Самокритично. Мне нравится ваша ирония. Ну, с одной стороны, вы играете по тем же правилам — значит, поддерживаете систему. Но с другой стороны, вы пытаетесь изменить законы — ищите альтернативные виды топлива, новые источники энергии. Если вы к тому же откроете университеты, обучающие молодых людей ресурсоориентированной экономике, так вообще вам будет честь и хвала... Я слышал, на своем собственном острове вы периодически устраиваете вечеринки для работников вашей фирмы... По правде сказать, да и вы сами прекрасно об этом знаете, компании «Virgin» еще очень далеко до таких чудовищ, как, например, «Exxon Mobile» или «General Motors».

— Как вам кажется, что движет боссами этих корпораций, ведь все мы смертны? Какой смысл в безостановочном делании денег, если ты не вечен?

— Ими движет то же, что и вами. Личное эго и еще раз личное эго. Отличие в том, что вы задумываетесь над такими вопросами и поэтому начинаете вести себя по-другому, не так, как они, а они не задумываются.

— Получается, все дело в складе ума?

— Именно. Вот для этого-то и нужны независимые учебные заведения, которые целенаправленно и повсеместно прививали

бы молодежи свежие мысли, избавляли от прежних догм. Уверен, наши потомки, изучая историю, будут только диву даваться, какими мы были глупыми, живя в обществе, где правил капитал, и годами ничего в нем не меняя.

— Подождите-ка, но социалистические революции пытались изменить мир в лучшую сторону, и что в результате получилось? Советская Россия снова вернулась к капитализму. Ее европейские сателлиты — тоже. Социалистический Китай переродился в рыночную сверхдержаву. И так далее. Остались только Куба и Северная Корея. Но и у них счастье для каждого отдельно взятого человека как-то дурно пахнет. Не хотел бы я жить ни там, ни там. Самый главный вопрос: как изменить старый мир без крови и последующего тоталитаризма? Как на деле построить экономику, основанную на ресурсах, предлагаемую вами? Только через образование?

— «Проект Венера» не призывает к насилию и крови. Изменения в обществе должны происходить естественным образом. Как конкретно можно повлиять на систему? Нужно начать с себя. Нужно отказаться от службы в армии. Не смотреть лживые передачи по телевидению. Не ходить на выборы. Не относить деньги в банки. Можно рассказывать правду во всемирной паутине — в самом свободном средстве массовой информации. Интернет — всевидящее око, избобличающее негодяев. Что же касается различных общественных строев, то и фашизм, и социализм, и капитализм, и коммунизм были основаны на денежной системе, и поэтому отличий между ними, на мой взгляд, не так уж и много.

— Мне кажется, пройдет не одна сотня лет, прежде чем ваш «Проект Венера» осуществится. Нынешних людей практически невозможно расшевелить. Пока они не станут умирать в массовых количествах, их мозги не начнут думать.

— Кто знает. Может быть, нужен всего лишь один громкий крик, чтобы лавина сошла.

— А вы романтик. Я больше склоняюсь к мысли, что искусственный разум появится на земле гораздо раньше идеального человеческого общества. И искусственный интеллект не уживется с человеком. Мы просто не успеем побыть счастливыми.

— Знаю-знаю, что компания «Virgin» занимается и компьютерным разумом. Но не думаю, что он возникнет быстро. Я приветствую машинные технологии. Машины освобождают людей от монотонной работы, от рабства. Мы живем в мире машин, и будем жить в мире машин. Все эти кинокартины о роботах, не-

навидящих людей, я расцениваю как попытку затормозить прогресс. Мы, люди, всегда боялись машин, которые из-за своего технического несовершенства причиняли нам увечья или смерть. Отсюда и наш страх перед умными машинами. Не думаю, что искусственный интеллект, когда он появится, будет опасен для человечества.

— То есть «Проект Венера» может все-таки когда-то осуществиться и стать, так сказать, «Проектом Земля»?

— Самодостаточный мир. Оружие массового размножения. Энергия солнца, ветра, приливов, волн, геотермальная энергия. Безопасный транспорт. Творческие люди. Экологически чистая планета. Мир под названием «Проект Венера» не идеален, но он лучше, чем существующий. Не так ли?

— Вы правы, — ответил Брэнсон и про себя подумал: «Жалко будет, если он через год-другой умрет. У меня в жизни никогда не было таких интересных собеседников. Надо, наверное, ему рассказать, пока не поздно. Или еще немного подождать? Что ж, буду думать».

3

Бывший штурмбанфюрер СС, ныне директор Центра космических полетов NASA, барон Вернер фон Браун стоял на смотровой площадке испытательного полигона на мысе Кеннеди и наблюдал за взлетом ракеты «Сатурн 5», уносящей к Луне трех американских астронавтов: Нила Армстронга, Эдвина Олдрина и Майкла Коллинза. «А ведь первым на Луну мог бы ступить немец, — подумал Вернер. — И вполне возможно, что это был бы Эрих Варзиц. Вместе с Варзицом мы испытывали ракетный двигатель на “Хенкеле 112”. Я еще тогда его спросил, “Эрих, на Луну полетишь?” А он ответил — “конечно” и добавил: “Если там есть красивые девушки”. Варзиц был лучшим летчиком-испытателем Германии». Ракета уменьшалась в размерах, превращаясь в светящуюся точку на небосклоне. Полет проходил нормально. Фон Браун был уверен, что миссия закончится хорошо. «Я шел к этому дню всю свою жизнь. Я, потомок королевского рода, стал “отцом” лунной программы, фактически королем космоса». В памяти всплыли картинки из прошлого. Он вспомнил, как мама на конфирмацию подарила ему телескоп. Вспомнил книжку Германа Оберта. Вспомнил Берлинский технологический институт и тамошнее «Общество космических путешествий». Вспомнил Вальтера Дорнбергера, Пенемюнде, «Фау 3». Вспомнил крепкое рукопожатие Джона Кеннеди и его слова: «Вы должны это сделать, мистер Браун. Я

в вас верю». Как жаль, что президент не дожил до сегодняшнего дня. Робкий сигнал клаксона прервал его мысли. Личный водитель деликатно напоминал, что пора ехать в центр управления. Вернер еще раз посмотрел на ракету и не спеша пошел к автомобилю. В его голове зазвучала исполняемая им на фортепьяно «Лунная соната» Бетховена.

Ровно через неделю Вернер фон Браун снова стоял на смотровой площадке Восточного испытательного полигона, но теперь он проводжал в космос не корабль с астронавтами. С другого стартового комплекса взлетала ракета «Атлас-Центавр», которая должна была вывести на околоземную орбиту секретный искусственный спутник. Запуск спутника осуществляло военное министерство. «Сколько они мне крови попили, пока я убедил их в целесообразности этого проекта! — думал Вернер. — Чугунноголовые солдафоны! Идея заключалась в следующем. За десять лет космической эры США и СССР отправили в околоземное пространство 582 разведывательных аппарата. У 331 из них срок существования варьируется от 10 до 100000 лет. То есть выполнивший свое задание спутник будет вращаться вокруг Земли еще очень долгое время. Я предложил создать аппарат, который очистит космос от мусора, опуская объекты на более низкие орбиты. Это предназначение спутника подойдет в случае, если русские выставят американцам какие-то претензии по поводу его деятельности. В действительности, и в этом состояла хитрость, которая в конце концов перевесила чашу весов в пользу проекта, спутник-шпион будет иметь возможность уничтожать вражеские аппараты или приводить их в негодность».

Вернер посмотрел на ракету в бинокль. Трясущееся изображение было очень расплывчатым. «Завтра приводнится “Apollo 11”, и первая лунная миссия успешно завершится. Но запуск вот этого секретного ИСЗ для меня важнее, чем запуск “Эксплорера” в пятьдесят восьмом, и даже важнее, чем вся лунная программа. Если бы эти тупоголовые генералы узнали, что на самом деле они сегодня отправили в космос, они были бы очень сильно удивлены».

4

- Пан Станислав?
- С кем имею честь?
- Меня зовут Алексей. Я журналист и хотел бы взять у вас интервью по телефону.
- Вы из России? А почему говорите по-английски?

— Разве известный польский писатель-фантаст знает русский язык?

— Конечно... Вообще-то я неохотно даю интервью, поскольку не люблю отвечать на дурацкие вопросы. Но для вас, так уж и быть, сделаю исключение. Россияне — народ особенный.

— Спасибо. Перехожу на русский. Итак, мой первый вопрос. Как вы себя чувствуете в этом самом «прекрасном» из миров?

— Начало мне нравится. Саркастичное... Самым обидным разочарованием для таких натур, как я, является осознание того, что этот мир по большей части состоит из сумасшедших и идиотов и что его судьбы в значительной степени зависят именно от этих самых недоумков. Разумеется, если бы человечество состояло исключительно из сумасшедших и идиотов, то вообще не стоило бы жить. По счастью, это не так, но эти безумцы ужасно мешают всем другим людям.

— Господин Лем, в своих книгах вы уделяете много внимания космическим полетам. Как вы думаете, как скоро человечество колонизирует ближайшие к Земле планеты, например Луну?

— Даже если бы поверхность Луны была устлана толстым слоем бриллиантов в пятьдесят каратов, их добыча была бы совершенно нерентабельной, поскольку транспортные расходы будут больше стоимости драгоценностей. Не известно ничего другого, что по своему весу и объему было бы дороже бриллиантов, а поскольку мы знаем всю таблицу Менделеева, то невозможно чего-либо ожидать от геологических исследований на Луне.

— Понятно. А следует ли наше будущее доверять компьютерам?

— Мы превосходим их только интеллектом, потому что они пусты духовно и поэтому глупы, но это изменится, и они обгонят нас очень быстро. Я в этом убежден. Не знаю, наступит ли это через сорок лет или через девяносто, но знаю, что наступит. Для меня не подлежит сомнению, что долговременная тенденция вытеснения человека машинами из его бесчисленных ниш уже началась и прогрессирует. Неизвестно, что следует делать с этой армией людей, освобожденных от работы. Неправда, что все люди способны к творческой деятельности и что из каждого можно высечь творца. Это действительно фатально.

— Как вы относитесь к «летающим тарелкам» и вообще к контактам с инопланетянами?

— «Летающие тарелки» — выдумки фантазеров. А контакты

с инопланетянами представляются мне в высшей степени невероятными. Ну скажите на милость, чем мы можем заинтересовать братьев по разуму, обладающих технологиями, опережающими наши на много веков вперед?

— Назовите, пожалуйста, открытие в мире физики, которое вы считаете ключевым в двадцатом веке?

— Оказывается, при соответствующих воздействиях можно получить «все из всего». Наглядно это можно показать следующим образом: если имеются застывшие при низкой температуре кусочки глины, то после их нагревания и обливания водой получится масса, из которой можно слепить все, что понравится. Нечто подобное происходит и с изучаемой физиками материей.

— Общий мировой тираж ваших книг — двадцать восемь миллионов. Это вызывает удивление, так как научная фантастика нынче не в моде. Издатели не любят science fiction, отдавая предпочтение fantasy.

— Согласен с вами. Интеллектуальный элемент в фантастике приводит издателей в ужас. В жуткий ужас! Издатели — это люди, которые совершенно не разбираются в литературе. И кажется, что это им действительно не нужно. Они живут мифом бестселлера. И, что интересно, даже не могут отличить книгу, которая имеет шанс стать бестселлером, от книги, у которой нет ни малейшего шанса. Это такие торговцы хлопком, которые не отличают хлопок от перьев. Меня это всегда удивляло. Не могу сказать, конечно, что это универсальное правило, но оно верно для многих издателей... Как-то, лежа с гриппом, я начал читать серийные книги издательств, специализирующихся на фэнтези. И должен вам сказать, что это очень слабый жанр, а кроме того, я не выношу все эти чары, привидения, всех этих магов, драконов и ведьмаков.

— Пан Станислав, в последнее время в России возродилась вера в Бога. Как вы относитесь к вопросу о том, что наш мир был создан неким Творцом?

— С одной стороны, есть законы природы, «нацеленные» на жизнь, а с другой — по этим же законам всеобщность возникновения жизни и разума в космосе вовсе не обязательна. Похоже на то, будто Нечто создало вселенную только для того, чтобы в какой-то ее микроскопической точке могла появиться разумная жизнь. Здесь есть противоречие, потому что ужасная преднамеренность созидания, деструктивный характер всех звездных трансформаций и те гекатомбы трупов, из которых складывается эволюция, не позволяют согласиться с существованием какой-либо благородной цели.

— То есть вы не верите в высшее божество?

— Я закоренелый агностик. В Бога не верю. Кроме того, поскольку наша жизнь выглядит так неприятно и неинтересно, я не могу также согласиться с тем, что есть и некая темная сила, владеющая миром, или создатель со знаком минус, который для забавы создал космос с такими возможностями.

Если же предположить, что Бог все-таки существует, и если смотреть с его позиции, то следует сказать, что для него весьма неудобно было бы отвечать на какие-либо просьбы о чудесах. Поэтому что, как известно, Господь Бог всемогущ и все знает, и мир создал совершенный, и даже пуговица от кальсон ни у кого не может оторваться без Божьей воли. Без нее ничто не происходит. У Сатаны ведь нет созидательной силы. Не знаю, является ли это религиозной догмой, но это часть учения Церкви. Как это совместить с нашими просьбами о заступничестве? Нельзя просить ни о чем: ни о здоровье, ни о благополучии, ни о независимости отечества. Поэтому если бы Господь Бог исправил что-то чудом, это означало бы, что действительность несовершенна. Совершенное состояние — это когда ничего уже исправлять не надо.

Мое мнение — нашей жизнью от начала до конца руководит статистика, не зависящая ни от какой религиозной догматики. Но догматики всех вер не хотят об этом слышать.

— Получается, общество самообманывается?

— Самое «лучшее» общество — это тупые, одурманенные идеологией, водкой, наркотиками, телевидением пассивные массы. А теперь к старой наркомании добавилась новая зависимость — интернетная.

— Вы против интернета?

— Там девяносто процентов порнографии.

— Совсем не пользуетесь сетью?

— У меня для этого есть секретарь.

— А свои книги набираете на компьютере?

— Я консерватор. Тексты печатаю на пишущей машинке.

— Поразительно. Фантаст, не верящий в освоение Луны и в контакты с инопланетянами, не пользующийся интернетом, не владеющий компьютером. Вы действительно Станислав Лем?

— Нахал! А вы действительно русский? В трубке слышен еще чей-то голос, говорящий по-английски. Вы из какого издания?... Алексей, куда же вы пропали? Алло, Алекс!

5

Он сделал ее из папиросной бумаги, основательно набив «резным листом». Самокрутка получилась просто гигантская.

Этакий боевой корабль, крейсер, линкор, американский авианосец. Нет, пожалуй, супертанкер. «Йокогама-мару». Или как там он назывался? Супертанкер «Крым». Вот. Он безрадостно усмехнулся. На марихуану его посадила Мэрилинка. И поэтому все запасы «травы» Хет-трик у нее конфисковал. На хрена ей косяки на том свете? А он ведь еще пока на этом.

Устроился на кровати. Уперев затылок в заднюю мягкую спинку. Мысленно запустил газотурбинную установку. Двигатель нехотя, понемногу стал набирать обороты. Папироса была необъятная. Чтобы ее раскопегарить, пришлось повозиться. Он представил, как подключился редуктор. Как закрутились шестеренки. Как момент вращения передался на гребные валы. Как пар повалил из трубы, и исполинская железзяка, вспенивая воду, стронулась с места.

«Все надоело. Пресытился. Обожрался. Ничего не хочу. Нет никаких желаний. Деньги не радуют. Женщины — тоже. Путешествия во времени наскучили. От выпивки и еды блюю. Осталась только “травка”. Но и от “травы” весь высох, осунулся, страшно в зеркало на себя смотреть. Что же теперь? Подохнуть от тоски, как собака? Или самому застрелиться? А может, и не надо стреляться. Может, меня киллеры из Управления прикончат. Что-то их нет. Давно уж пора кому-нибудь появиться. А что, если мне у оператора бессмертия попросить? Такое, чтобы даже пуля меня не брала. Может, даст? Тогда я Вечным Жидом стану, бродящим по грешной земле. Этот оператор мне что-то недоговаривает. Темнит, гад. Может, он с сатаной как-то связан? Не верю я, что Машину Тесла придумал. Будка, она от лукавого. Нет, бессмертие он мне вряд ли даст. Иначе я тоже дьяволом стану. А оно ему надо — два дьявола на одно вакантное место? Что ж, тогда меня ликвидатор прихлопнет. И пусть. Устал я от жизни. Постой-ка. Как же он меня прихлопнет, если я сейчас сам на себя не похож? Я-то теперь двойник Роберта Кеннеди!»

Голова Мэрилинки торчала из пены. Закрыв глаза от удовольствия, она нежилась в горячей ванне, одновременно попыхивая сладкой сигареткой. Губы были в ярко-красной помаде, прическа — как будто только что сделана в салоне красоты. Залюбовавшись милым личиком, он не хотел прерывать ей кайф, но все-таки вынужден был сказать:

— Вот я и вернулся, дорогая.

Мэрилинка тут же распахнула свои огромные голубые глазницы, уставилась на него, но вместо радостного возгласа завопила от ужаса:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Он ничего не понял.

— Это же я, Бобби!

Голова Мэрилинки ушла под воду. Пузыри полопались-полопались да и прекратились. А в центре ванны из-под толстого слоя пены вдруг всплыл беременный живот, весь исколотый рваными кровоточащими ранами. Хет-трика стошнило. Тыльной стороной ладони вытирая рот, он неожиданно увидел, что в руке у него откуда-то взялся большой кухонный нож.

— Нет! — закричал он. — Я этого не делал!

И тут вода из ванной потекла ему на голову...

«Что за жуткое видение. Надо заканчивать с наркотой. А то чокнусь. Как Аналитик». Сквозь водяную завесу он сначала почувствовал, а потом и увидел, что там, в телефонной будке, кто-то есть. Какой-то человек в черном. «Не Аналитик ли?» Хет-трик пригляделся. Ему показалось, что в руках у человека в черном снайперская винтовка.

— Ли Харви Освальд? — спросил он.

— Ну, ты, Хет-трик, и обкурился, — ответил человек. — А мы тебя обыскались. Пластику сделал. Думал, не отыщем?

Хет-трик догадался, кто это. Но отпираться не стал.

— Как вы меня нашли?

Человек вышел из будки и направил дуло винтовки на Хет-трика.

— Чип в тебе сидит. Думали, ты его вытащил и раздавил. Сигнал то появлялся, то исчезал. Прямо с ног сбились.

Система пожаротушения ангара, разогнав густой марихуановый туман, резко отключила воду. «Грибной дождик» закончился.

— Можно один телефонный звонок?

Хет-трик указал взглядом на красную мобилку, лежащую на столе. Умирать ему почему-то расхотелось. Может, инстинкт самосохранения автоматически сработал. А может быть, он не захотел снова играть по чужим правилам.

— Валяй, только быстро, — сказал ликвидатор, прицеливаясь.

«С ума посходили в Управлении, что ли? — подумал Хет-трик, — Совсем пацанов посылают на верную смерть».

Часть седьмая. Вкус крови два

1

Ева была уже мертва. Она безобразно скорчилась на громоздком диване — расширенные остекленевшие глаза, пена по

краям разинутого рта, скрюченные пальцы. Рядом сидел он. С ампулой яда в правой руке. Меня он не сразу увидел. Возможно, потому, что я медленно материализовывался, а скорее всего, из-за того, что мысленно его здесь не было. Он уставился в одну точку — взор неподвижен, словно у сфинкса. Просмотренные мной до «тайм-транспортировки» фотографии и кинохроника не передавали всей той атмосферы реальности, в которую я с головой окунулся. В бункере пахло сыростью, затхлостью. В бункере пахло смертью. Несмотря на радостный фокстрот, слышимый за моей спиной. В столовой рейхсканцелярии напились и танцевали. Что ж, помирать, так с музыкой!

Хотя Гитлер был гладко выбрит и аккуратно одет, на него было страшно смотреть. Бледное, морщинистое лицо выражало предельную степень разочарования, душевной опустошенности, страха перед порогом небытия. Ни коричневый парадный китель, украшенный железным крестом, золотым партийным значком и красной нарукавной повязкой, ни идеально белая рубашка, ни строгий галстук с расправившим серебряные крылья маленьким орлом не придавали фигуре фюрера никакого величия. На диване сидел сгорбившийся, с мешками под глазами, мелко дрожащий старик-авантюрист, проигравший в своей жизни все, что только можно было проиграть.

Когда Адольф наконец-то меня заметил, он повернул голову и поначалу так же отрешенно, пустым взглядом, стал рассматривать явившееся ему привидение. Но по мере того как он все больше и больше переключался со своего воображаемого путешествия на зрение, в его бесчувственных глазах начал проявляться, словно изображение на фотобумаге, намек на любопытство. Оно и понятно. Мне было чем его удивить: синие джинсы, джинсовая куртка, остроносые (немного клоунские) туфли, черная бейсболка с изображением призмы, раскладывающей луч света на спектр, черный матерчатый саквояж. Уверен, такого странного субъекта Гитлеру видеть не доводилось.

То, что он окончательно вернулся в действительность, я понял, когда услышал, как он рывкнул:

— Ханс!

Смешно даже. Человек собрался на тот свет, а требует охрану.

— Ханс не придет, — объяснил я по-немецки. — Веселится с фрау Юнге.

— Кто такой? Откуда? — пролаял фюрер, трясущейся рукой поправляя свою знаменитую челку, сползшую ему на нос.

— Я из будущего.

Он не поверил и снова позвал Ханса. Ну что мне оставалось делать? Только предстать на минуту в виде эдакого здоровенного мускулистого Арнольда Шварценеггера, рыжеволосого, с голубыми глазами, в кожаных доспехах и с огромным двуручным мечом.

— Зигфрид, — оторопело пробормотал Гитлер.

Пусть будет Зигфрид. Самое главное, чтобы это чудовище начало со мной диалог. Я подцепил ногой стул, придвинул к себе, уселся на него задом наперед и задал вопрос:

— Ты мне лучше скажи, зачем тебе все это было нужно?

— Вы о чем?

— Ради чего ты утробил тридцать пять миллионов человек, тридцать пять миллионов живых людей?

Он не ответил. Ему все еще требовались доказательства. Поэтому он спросил:

— Кто вы по национальности? Из какого года прибыли?

— Русский. Двадцать первый век.

— Тогда скажите, третий рейх возродится? Великая Германия восстанет из пепла?

— Да, Германия возродится, но фашизм будет запрещен, а твое имя станет синонимом слова «дьявол». Сейчас в Германии кроме немцев живут и негры, и славяне, и турки, и евреи.

Он аж зубами заскрежетал:

— Чертовы жидомасоны!

— А многие твои бывшие партайгеноссе после капитуляции перешли на службу США и СССР.

— Предатели! — пролаял фюрер.

Его мертвенно-бледное лицо стало приобретать нежный румянец. С чего бы это?

— Послушайте, э... Зигфрид, значит, изобретена машина времени... Да вас само провидение ко мне послало. Вы могли бы вернуть меня назад, в сорок третий год?

Какой я тебе, на хрен, Зигфрид?.. Вот оно что, понятно. Как он там кричал в фильме «Освобождение»? «Венк! Венк!» Сразу смекнул, гад, что к чему. Утопающий, хватающийся за соломинку. Я не ответил, а опять его озадачил:

— Ради чего ты убил тридцать пять миллионов? Неужели мертвые не снятся тебе по ночам? Зачем ты начал вторую мировую?

— Не я один ее начал. Сталин тоже участвовал. Он тоже хотел отхватить кусок «жизненного пространства». А Америка разве лучше? Присвоила себе часть Мексики и Калифорнию. А Британская империя?.. Так что не надо тут виновных искать. Моей

целью было мировое господство. И не я первый это придумал. Моя вина лишь в том, что я проиграл. Если бы победил, все было бы по-другому... Ну так как, поможете? Верните меня в сорок третий, а еще лучше — в сорок первый год.

— Этого делать нельзя. Тогда будущее станет иным. И вполне может быть, я исчезну.

Он понял, что изменить ничего не удастся. Что никакой соломинки не будет. Что я не на его стороне. Что деваться некуда и нужно принимать яд. Поник, обмяк и грустно изрек:

— Русские варвары осквернят мое тело?

— Твой обгорелый труп найдут во дворе рейхсканцелярии. Но был ли это именно твой труп, так до конца выяснить и не удастся. Ходили слухи, что ты сначала скрывался в испанском монастыре, а потом на подводной лодке уплыл в Южную Америку... Но я в это не верю.

— И напрасно. — Его глаза снова оживились. Я понял, что сказал лишнее, подкинул ему спасительную идею. Но было уже поздно отбавывать назад. — А я действительно возьму да и сбегу в Парагвай. Почему я должен умирать? — Он посмотрел на Еву, поморщился. — Не хочу. Я еще все исправлю и без вашей машины времени. Мир содрогнется от немецкого оружия возмездия! Я покажу этим подонкам, какой я мертвец!

Он все больше и больше входил в раж. Его лицо пошло красными пятнами. Глаза горели от представляемых им ярких картин. Вскочив на ноги, он бросил на пол ампулу с ядом и истерически заорал:

— Ханс! Я передумал!

А потом, обратясь ко мне, гаркнул:

— Я вам не исторический экспонат! Устроили тут экскурсии в прошлое! Убирайтесь в свою проклятую Москву! Donner Wetter!

В этот момент он стал особенно сильно похож на гавкающую собаку...

Я сделал только один выстрел. Больше не понадобилось. Пуля попала Гитлеру в голову. Окровавленный, он свалился на диван и затих навеки. Я положил револьвер на колени Еве Браун, застегнул «молнию» на саквояже — пора было делать ноги. Начальник охраны Ханс Раттенхубер уже шел сюда.

2

Когда его адвокат спросил, зачем он это сделал, Марк ответил:

— Мне приказал дьявол. Он был в моей голове.

В 1980 году это высказывание имело абстрактный смысл. Но теперь, девятнадцать лет спустя, оно наполнилось конкретным содержанием. Потому что на этот раз в голове Марка действительно был посторонний, и этим посторонним был я.

Он прилетел в Нью-Йорк из Гонолулу. С легким ручным багажом. В дорожной сумке лежали четырнадцать магнитофонных кассет с записями «Битлз» и пистолет с запасной обоймой. Ни о каком тайном заговоре спецслужб тут говорить не приходится. К тому времени Джон перестал быть им интересен. Причина была в другом...

Марк был большим поклонником «Битлз» — его квартира напоминала музей истории группы. Особенно он восторгался Джоном. Старался во всем походить на него. Одевался как он. Даже женился на японке, которая была старше Марка. Все свободное время слушал пластинки «Битлз» и Джона. Очень нравилась песня «Я — морж», часто напевал: «Я — это он, поскольку ты — это он, поскольку ты — это я».

В отеле «Шератон» Марк остановился под именем Джон Леннон. Таксист, подвозивший его к Дакоте, где в дорогостоящих апартаментах проживали Джон и Йоко, сказал, что Марк в качестве чаевых предложил ему кокаин. То есть парень все время был под кайфом.

Альбом «Двойная фантазия» Марк купил в Нью-Йорке. Именно на нем он попросил расписаться Джона в тот вечер, 8 декабря. Джон расписался. Больше ничего. Не поговорил с Марком по душам. Не похлопал его по плечу. Джон спешил. У него не было времени разговаривать со своими поклонниками, стоявшими у крыльца его дома.

— Он расписался на твоей пластинке? — спросил Марк у стоявшего рядом фэна, который собрался уходить.

— Нет.

— Почему же ты уходишь? Может быть, Джон подпишет ее на обратном пути.

— Я приду завтра.

— Советую тебе остаться. Кто знает, увидишь ли ты его еще раз, — сказал Марк.

— А куда он денется?

— Мало ли. Может быть, сегодня ночью он отправится в волшебное таинственное путешествие...

Почему Марк Чапмен убил Джона Леннона? Мне это было абсолютно понятно. Великий битл изменил своим почитателям, деньги испортили его. Человек, сочинивший такие песни, как «Герой рабочего класса», «Дайте миру шанс», «Власть народу»,

«Представь», где он обрушивался на общество, которое ненавидел и хотел изменить; человек, который бесстрашно боролся за мир во Вьетнаме, за справедливость и равноправие цветного населения США, за освобождение всех политических заключенных; человек, выступавший против неравенства, призывал теперь мечтать и молиться.

«Я не верю в волшебство/Я не верю в Библию/Я не верю в Таро/Я не верю в Гитлера/Я не верю в Иисуса/Я не верю в Кеннеди/Я не верю в Будду/Я не верю в йогу/Я не верю в королей/Я не верю в Элвиса/Я не верю в Циммермана¹/Я не верю в «Битлз»/Я верю в себя...»

Это он зачеркнул.

«Представь, что нет рая/Это несложно, если попытаешься/Нет ада под нами/Над нами — только небо/Представь, что нет стран/Это не так уж и сложно представить/Не за что убивать и умирать/А также нет религии/Представь, что все люди/Живут в мире/Представь, что нет собственности/Я удивлюсь, если ты сможешь себе это представить/Нет жадных и голодных/Братство людей/Во всем мире/Ты можешь сказать, что я — мечтатель/Но я не один такой/Надеюсь, однажды ты к нам присоединишься/И мир станет единым».

И на это наплевал. Он погряз в роскоши и вознес на пьедестал собственное благополучие. По сути, он стал предателем. Ну, как за это не убить? Предательство не прощается. В свое время у меня тоже чесались руки, чтобы его прикончить. Потому что я тоже был фэном «Битлз». И я тоже ненавидел Леннона за измену. Ведь от любви до ненависти, как известно, один шаг. Я тоже, как и Марк, был под кайфом. И наши с ним желания совпадали.

Как профессионал, я бы убил его одним выстрелом, но этот мальчишка выпустил в спину Джона пять пуль. Но зато, когда он пять раз подряд нажимал на спусковой курок, я пять раз подряд испытал истинное наслаждение.

3

На высоте восемнадцать тысяч четыреста «Энтерпрайз» отделился от самолета-носителя, немного спланировал и включил ракетные двигатели. Ричард Брэнсон, находившийся на месте второго пилота, посмотрел в иллюминатор. «Белый Рыцарь Два» (как ему показалось), прощаясь, слегка качнул огромными композитными крыльями. Алекс Тай повел его назад, в космопорт в пустыне Мохаве. «Ну что ж, — подумал

¹ Имеется в виду Боб Дилан.

Брэнсон. — Теперь, как сказал Гагарин пятьдесят лет тому назад, “поехали!”».

Капсула была рассчитана на шестерых пассажиров и двух пилотов, но сейчас в «челноке» пассажиров не было. Это был тестовый полет. Регулярные «прыжки в невесомость» Ричард планировал начать в следующем году. На нем была летная куртка с надписью «Virgin Galaxy». На основном пилоте «Энтерпрайза», Брайане Бинни, была точно такая же. Русоволосый Брайан поправил на переносице солнцезащитные очки, сказал: «Представление начинается» и потянул штурвал на себя.

К сегодняшнему дню Брэнсон шел долгие семь лет. Он вспомнил первые варианты самолета-носителя и «челнока», спроектированные и построенные фирмой Берта Рутана. На них отрабатывались идеи генерального конструктора. Теперь эти идеи воплотились в жизнь. «Мои мечты, — размышлял Брэнсон, — Берт делает реальностью. С помощью моих денег и моих коммерческих планов. Деньги делают деньги. Сначала суборбитальные полеты. Потом — орбитальные. Потом — гостиница на орбите Земли. Потом — гостиница на Луне. А Жак говорит, деньги — зло. Все дело в том, как ими распоряжаться...»

Пока «Энтерпрайз» стремительно набирал высоту, достигал отметки в 120 километров, Ричард обдумывал перспективы своих дальнейших отношений с Фреско. Нужно было пойти на более тесный контакт с ним, но что-то удерживало Ричарда от этого шага. Прокручивая в голове подробности их встреч, Брэнсон не мог отделаться от ощущения какого-то смутного беспокойства. Какой-то странности. Но в чем состояла эта странность, он никак не улавливал. То ли его смущала подозрительная молодость девятидесятилетнего старика. То ли озадачивало немецкое название «Zeitgeist», используемое для чисто американского социального проекта. То ли ел, как червяк, третий (скрытый) смысл притчи, рассказанной техническим дизайнером.

Дескать, бабушка Жака познакомила его однажды в детстве с игрой «Монополия». И поначалу лихо его обыгрывала. Но затем, разобравшись в принципе игры — накапливай и скупай, — юный Фреско разорил бабушку, порадовался тому, как она отдавала ему последний свой доллар. Однако грэнни будущего известного утописта преподала Жаку еще один урок. Она сказала, что теперь игра убирается в коробку. Вот такая была история. Какова ее мораль? Может, тут стоило подумать о бренности человеческого существования, или о всегда имеющейся возможности

изменить правила — и начать играть в другую игру, или... А вот что «или» — здесь Брэнсон еще недодумал.

Его размышления прервала тишина. Сперва Ричарду показалось, что у «челнока» отказали двигатели, но потом он вдруг понял, что корабль в космосе. Да и во всем теле почувствовалась необыкновенная легкость, пришедшая на смену перегрузкам. Брайан снял очки, вытянул руку и отпустил их. Очки повисли в воздухе! Улыбающийся Бинни, хлопнув Брэнсона по плечу, воскликнул:

— Рик, мы сделали это! Мы, первые независимые астронавты, послали к черту NASA и русских! Ура!

— Ура! За это стоит выпить. Доставай.

Из маленьких пластмассовых бутылочек они сделали по несколько глотков водки.

Ричард отстегнул привязные ремни, воспарил над креслом, слегка оттолкнувшись от подлокотников. Ощущения были просто замечательные, хотя голова чуть-чуть и подкруживалась. Приник к бортовому иллюминатору, ухватившись за технологическую скобу приборной панели. Сквозь разрывы белых ватобразных облаков увидел Северную Америку, напоминающую некое океаническое животное (что-то типа электрического ската или морского кота), показавшее свою темную шершавую коричнево-зеленоватую спину из фиолетово-синеголубых глубин. Минуту-другую Брэнсон наслаждался захватывающим зрелищем. Пока его внимание не привлек объект, с огромной скоростью пронесшийся совсем рядом с «Энтерпрайзом». Брэнсон сначала увидел, что что-то пролетело, а уж потом понял, что же он увидел. Параллельно с «Энтерпрайзом» промчался точно такой же «челнок», на борту которого, что самое удивительное, было начертано точно такое же название — «Enterprise»!

У Ричарда от увиденного отнялась речь. Он был так поражен, что у него чуть было сознание не помутилось. Поскольку на свете был только один «шаттл» с названием «Энтерпрайз»! Он обернулся к Брайану, чтобы спросить того, что это было. Но Брайан удивил его не меньше, чем корабль-двойник. Здоровяк Бинни, летчик-испытатель ВВС Великобритании, на счету которого было более четырехсот полетов, пребывал в полной отключке, уткнувшись лицом в штурвал. Руки его болтались веревками, а изо рта вытекала слюна, мгновенно превращавшаяся в водянистые шарики. Последнее, что запомнил Брэнсон перед тем, как тоже потерял сознание, это солнцезащитные очки «Ran Van», все так же висевшие в воздухе.

Игорь Гончаров с детства любил фантастику. Родители вписывали для него журналы, где печатались короткие фантастические рассказы. Насколько Игорь помнил, это был его первый опыт знакомства с жанром. Потом он читал более крупные захватывающие, фантастические произведения, которые печатались в различных журналах. Фантастика притягивала Игоря необычностью сюжетов, удивительными приключениями. Фантастика в ту пору (в Советском Союзе) была не в особом почете у коммунистических идеологов, поскольку учила читателей мыслить более свободно, незаштампованно, и поэтому печатали ее мало, а то, что все-таки публиковали, как правило, появлялось на задворках различных изданий.

Копаясь в воспоминаниях в поисках произведений, оставивших наиболее глубокий след в подростковом сознании, Игорь наткнулся на повесть «“Дрион” покидает Землю», долгое время по кусочкам выходившую в «Пионерской зорьке», рассказ «Скафандр Агасфера», прочитанный в «Искателе», приложении к журналу «Вокруг мира», а также детектив «Синие люди», напечатанный в «Вахте». Чуть постарше на него, конечно же, произвели сильное впечатление такие авторы, как Иван Ефремов, Герберт Уэллс, Рэй Брэдбери, Аркадий и Борис Стругацкие, Курт Воннегут, Станислав Лем. Мама, работавшая в библиотеке медучилища, постоянно снабжала сына свежеевыпущенной фантастикой.

Параллельно с фантастической литературой Игоря привлекали книжки об освоении космического пространства. Он знал всех космонавтов СССР по именам. Собирал марки на тему «Космос». Очень интересовался также американской космической программой. Вырезал из газет заметки на эту тему. Высадка американцев на Луну, орбитальная станция «Скайлэб», совместный советско-американский полет «Союз-Аполлон» — вот темы, которые были любопытны Игорю. Фантастика и космос неразрывно переплелись.

Какой-то период Игорь читал всю фантастику подряд, без разбора, не разделяя ее на хорошую и плохую. Просто впитывал в себя фантастику, как губка воду. Со временем стал понимать, что, как в любом литературном жанре, есть обычные, серенькие произведения, а есть шедевры. Шедевров было мало. Десяток-два, не более. Несколько у Стругацких, парочка-тройка у Лема, Ефремова, Уэллса. То же и в кинофантастике. По-настоящему

стоящих фильмов было не так уж много. К ним он относил «Сталкера» и «Солярис» Тарковского, а также первые две серии «Чужих» и «Терминатора». Считал, что продолжения обеих картин нужно было строить на иных сюжетах. В частности, в «Чужих 3» необходимо было отправить звездолет землян на планету, откуда эти самые чужие прибыли.

Почему Игорь стал писать фантастические произведения? Может быть, потому, что наскучило читать и смотреть чушь. А может быть, потому, что в одиннадцать лет он сочинил фантастическую историю. О чем она была, он практически не помнил. Помнил только, что действие происходило на Луне и что тонкая школьная тетрадка была исписана от начала до конца. Может быть, тяга к писательству сидела в его подсознании. Кто знает?

Первый роман Игоря назывался «Кукловоды». Идея состояла в том, что вирусы, являющиеся главными организмами на Земле, держат человечество в качестве пищи, регулируя так, как им захочется, популяцию людей, думающих, что они являются главными организмами на Земле. Над романом Игорь работал полтора года.

Два крупнейших издательства России «Кукловодов» отвергли. Издательства помельче — тоже. Причина — Игорь не вписывался в формат. В моде было фэнтези, а Игорь писал о каких-то там вирусах. Однофамилец известного писателя почувствовал себя динозавром. Он перечитал популярных современных российских фантастов, издававшихся большими тиражами, и пришел в ужас от прочитанного. Упыри, вурдалаки, драконы, ведьмы, несметное количество инопланетян населяли все эти книги. «Неужели людям нравится такое низкопробное чтение?» — задавал он себе вопрос. Игорь очень расстроился. Но решил сделать еще одну попытку.

Второй его роман носил название «Война номер три». В нем шла речь о войне между цивилизацией разума и цивилизацией веры. Снова это была социальная фантастика, и снова была сагира. Но опять роман был отвергнут, и опять он не вписался в рамки.

И тогда в полночь, в полнолуние (так уж совпало), Игорь пошел в гараж, привязал к балке веревку и повесился. Мир не понимал его, а он не понимал мир. Он посчитал, что дальше жить не стоит.

Наутро Игоря нашел сосед по гаражу. Труп был синего цвета, с высунутым языком и с обмоченными штанами. На Игоря Гончарова он был совершенно не похож.

5

С перехваченных резинками пачек Бог снимал резинки, тщательно пересчитывал банкноты, периодически поплеывая на пальцы, затем снова перехватывал доллары резинками и аккуратно укладывал пачки на дно большого чемодана, изготовленного из гофрированного алюминия. Пачек было много. И не все их Бог пересчитал. Помешал Артем. Сзади на цыпочках он подкрался к Богу, по-английски сказал ему в самое ухо:

— Деньги — это кайф. Хватай их обеими руками и прячь.

Прочитировал песню «Money». Удержаться было невозможно. Бог от неожиданности вздрогнул, повернулся и немного сумасшедшими глазами поглядел на Артема. Кашлянув, произнес:

— Ты как сюда?.. Фенвик! Секьюрити!

«Везде одно и то же, — подумал Артем. — Гитлер, теперь этот. А почему? Отгородились от людей охраной. Боги хреновы. Хотя на словах — за народ».

На зов Бога никто не шел. Он стоял и, почти не мигая, смотрел на непрошеного гостя, вдруг возникшего в его затянутой черной тканью примерке. Долговязый, седой, морщинистый, небритый шестидесятисемилетний старик, в черной футболке без рисунка, в черных джинсах, в черных сапогах. Во всем виде Бога чувствовалась какая-то небрежность. Что-то от бомжа. На трехногой вешалке растопырился черный кожаный плащ с красной нарукавной повязкой, на которой были изображены два скрещенных молотка. Обстановка помещения навевала сходство с бункером Гитлера.

«Зачем ему секьюрити? По-моему, он и сам еще в силах за себя постоять. Сейчас как двинет мне кулаком. Вон какие бичепсы... Хотя нет, он вроде как пацифист. Мать его», — подумал Артем, а вслух сказал:

— Да, доллар сожрал тебя, Роджер.

Вотерс не мог понять, что происходит. Ни амбалы-охранники, ни «цепной пес» Фенвик, его цинично-прагматичный менеджер, не спешили к нему. Видимо, он подумал, что все они уже мертвы, а этот прорвавшийся в грим-уборную рыжий парень — не иначе как террорист, собирающийся его убить. Именно об этом он Артема и спросил:

— Ты — фанатик? Марк Чапмен? Хочешь меня застрелить, что ли?

— А есть за что? — вопросом на вопрос ответил Артем.

В руках у него никакого оружия не было. И поскольку его вопрос тоже остался без ответа, он продолжил:

— Нет, я не фанатик. Был им когда-то. Но сейчас уже нет. Когда-то я верил в Бога Роджера. Наизусть учил стихи его песен, собирал интервью. Когда-то я даже создал фэн-клуб поклонников группы «Pink Floyd». У нас, в России...

— Так ты из России, — в глазах Роджера испуг немного побавился. Он присел на краешек стола. Похоже, решил выслушать русского поклонника, приехавшего в Хельсинки.

— Я издавал фэнзин, переписывался с любителями «Флойда» по всему миру, коллекционировал пластинки, фотографии, тур-программы, бутлегерские записи. Даже написал собственную книгу о вас. Называлась она «Кирпич к кирпичу». Я прошел все стадии идолопоклонства. И теперь сделался еретиком. Я больше не верю ни в «Pink Floyd», ни в Роджера Вотерса.

— Почему? — Бывший Бог почесывал щетину, бросая все еще боязливые взгляды на Артема.

— Не потому, что вы не любите своих слушателей: Дэвид считает нас быдлом, Нику глубоко плевать на почитателей группы, ну а ты готов бомбы сбрасывать на аудиторию, лишь бы не видеть ненавистные тебе рожи зрителей, пришедших на концерт, — это все мелочи, хотя и очень неприятные. А потому что, досконально изучив такое явление, как «Пинк Флойд», я понял, что самое главное для вас — деньги, деньги и еще раз деньги. А все эти политические заявления, сопереживания с толпой, призывы — только лишь искусственные эмоции и пустые трескучие фразы, ничего более. По сути, эксплуатируя темы борьбы за мир, объединения народов, защиты окружающей среды и прочие, ты пытаешься создать в рок-индустрии образ некоего бунтаря, который стоит гораздо выше тех певцов-музыкантов, что занимаются всего лишь развлечением масс. Ты хочешь доказать, что ты — второй Джон Леннон. Но на самом деле тебе ох как далеко до него.

— Мальчишка. Ты ничего не знаешь о Джоне. — Вотерс, осмелев, пошел в атаку: — Леннон любил деньги, любил роскошь, любил «ролс-ройсы» и фешенебельные дома. Может быть, он и музыкантом стал только ради денег. А то, что мы не жалеем своих поклонников, — так тут я с Ленноном абсолютно солидарен. Его тоже обвиняли в отдалении от фэнов, на что он отвечал, что он им не принадлежит и не потерпит себя в качестве джук-бокса — нужно только монету всунуть, чтобы ящик заиграл. Ты никогда не был в нашей шкуре и не знаешь, что

такое фэны. В основном это стадо безмозглых свиней, думающих, что мы им что-то должны. Они накачиваются пивом и наркотой и хотят, чтобы я с ними беседовал об их проблемах. Пошли они на хрен! Я не люблю, когда со мной фамильярничают.

— Но для меня ты почему-то сделал исключение.

— Мне все-таки кажется, ты вооружен. Как ты сюда проник?

— Фенвик пропустил. Я дал ему десять тысяч долларов.

— Ах, вон оно в чем дело! Продал меня с потрохами, гнус.

Если это правда, уволю его к гребаной матери... Как тебя зовут-то?

— Артем Комаров. Я посылал тебе письма, между прочим.

— Не помню. Ты ведь на «Стене» был?

— Конечно, и здесь, и в Москве.

— Почему же ты ставишь меня ниже Джона? Разве мой концерт не бомба?

— Твой концерт — выкачка денег из, как ты говоришь, безмозглых свиней. Когда еще был жив Рик, вам предложили сто пятьдесят миллионов долларов за гастроли «Пинк Флойда» по США. Ты отказался, заявив, что деньги для тебя не основное в жизни. Но теперь ты и без остальных парней придумал, как заработать сто пятьдесят миллионов, отправившись на гастроли со старым материалом. Ты лицемер, Роджер!

— Видишь ли, альбом «Amused to Death» оказался никому не нужен. А «Стена» прошла на ура. Законы рынка, друг мой.

— Скажи, Родж, сколько тебе нужно денег для полного счастья?

— Мне шестьдесят семь лет. «Стена» — последние мои гастроли. Мне нужны были эти сто пятьдесят миллионов.

— А если я тебе дам еще денег? Я очень богат. Сколько ты хочешь?

— Новый русский? Значит, ты тоже деньги любишь. Хм... Взамен на что?

— Ни на что. Просто дам тебе на старость.

— Мне надо много денег, — усмехнулся Вотерс.

— А если их будет слишком много?

— Слишком много денег не бывает.

6

— А колечко-то не лезет, — сказал Сашка Немец.

Мы с ним смотрели прямую трансляцию бракосочетания принца Уильяма и Кейт Миддлтон. На плазменной панели гримаса, отразившаяся в этот момент на показанном крупным пла-

ном лице сына Дианы, немного смахивала на мимику лица Андрея Миронова в том эпизоде фильма «Бриллиантовая рука», где брюки не совсем полностью превратились в «элегантные шорты». Оба экранных персонажа попали в неловкую ситуацию и пытались из нее красиво выбраться.

— Наверное, много раз тренировались, вот палец и опух, — предположил я.

— Похоже на то, — согласился Сашка.

На его голове красовалась немецкая каска времен Второй мировой войны, которую он упорно не желал снимать. Каска ему очень понравилась. Он прямо обалдел, когда ее увидел. Если бы он знал, что этот сувенир я взял в бункере Гитлера, то, наверное, друга я бы потерял — Сашка наверняка умер бы от восторга. На изменение будущего каска не влияла, поэтому мне трудно было удержаться и я прихватил ее для Немца.

С третьей попытки кольцо налезло. Принц Уильям вздохнул с облегчением. Савелий Компотов, журналист, комментировавший прямую трансляцию, — тоже, а затем пустился в экскурс по истории английской монархии. Савелий сыпал именами, титулами и датами. Я представил, как он там, за кадром, покусывая свой длинный ус, подсматривает в шпаргалку. Савелий Компотов у меня почему-то ассоциировался с Василием Аксеновым, с одним из моих любимых писателей.

Судя по грустной физиономии папаши брачующегося, Чарльз с удовольствием бы сменил заунывные церковные песнопения Букингемского дворца на опереточные декорации Ковент-Гардена. Он и сам, в своем попугайском мундире, увешанном чудовищно огромными орденами и медалями, был ужасно похож на одного из героев оперетты. Впрочем, как и большинство приглашенных.

Сашке, видимо, тоже было дико все это видеть, поэтому он сказал:

— Словно перенеслись на машине времени на сто лет назад.

«Да. Тут и машины времени никакой не надо», — подумал я.

Между тем Компотов рассказал о том, что в 1997 году после трагической гибели принцессы Дианы в автомобильной катастрофе в Париже трон под Елизаветой Второй сильно зашатался, а с ним и вся британская монархия оказалась под вопросом. Поскольку в народе распространилась молва, что в смерти всенародной любимицы виноват королевский двор. Однако, так как прямых доказательств никем предъявлено не было, слухи остались слухами. А через семь лет Чарльз, бывший главный подозреваемый, как ни в чем не бывало женился на

своей любовнице Камилле Паркер-Боулз. Овцеподобная толпа, со временем успокоившись, продолжила блять и содержать на свои деньги королевский двор, а вельможи с «голубой кровью» продолжили свое праздное времяпрепровождение.

Я вспомнил ту аварию. Кровавое месиво там было конкретное.

«Восьмидесятипятилетняя королева скоро умрет, а место на троне займет этот ее непутевый сыночек, который с серьезным видом будет строить из себя эдакого умника. Вот будет оперетка! “Веселый вдовец”! Обхохочешься!»

Камеры показали огромную толпу, собравшуюся на площади перед Букингемским дворцом. В глазах рябило от национальных флагов.

— Сколько же их там? — произнес Сашка, имея в виду количество людей, пришедших поглазеть на торжество. — Тысяч сто, наверное.

— Я знаешь что думаю? — сказал я. — И свадьба, и недавнее паломничество в Иерусалим, показанное по Ти-Ви, и концерт «Стена», на котором мы с тобой двадцать третьего числа побывали, это все звенья одной цепи. Ложные идолы, которых боготворят глупые фанатики.

— Ну, не знаю насчет свадьбы и Пасхи в Израиле, вряд ли бы эти мероприятия доставили мне удовольствие, а вот концерт Вотерса мне очень понравился. Особенно тот эпизод, когда Родж из «шмайсера» палил по зрителям.

«Шмайсер» был бутафорский, а стрелял Роджер по залу лазерным лучом. На мне и на Сашке были надеты футболки с того грандиозного шоу. У нас обоих на груди сквозь белые кирпичи прорывались оружие головы, придуманные и нарисованные Джеральдом Скарфом.

«Если Сашке понравился только расстрел Вотерсом своих поклонников, то он совершенно не понял спектакля. На мой взгляд, самым сильным моментом представления стал мультипликационный видеоряд, автором которого опять же был Скарф, когда бомбардировщики открывают свои бомболюки и из них вываливаются христианские кресты, исламские полумесяцы, звезды Давида, значки доллара, английского фунта, “Мерседеса”, “Shell”, серпы и молоты. Затем, после такой вот бомбардировки, алая кровь начинает разливаться по земле».

Комментатор стал перечислять почетных гостей церемонии бракосочетания. Помимо прочих присутствовали: главный буддийский священник Лондона, главный раввин Великобритании, король и королева Норвегии, король Йордании, король

Бахрейна, король Саудовской Аравии, султан Брунея, султан Омана, кронпринц Эмиратов, сын японского императора, Дэвид и Виктория Бэкхемы, сэр Элтон Джон, а также сэр Ричард Брэнсон.

Где-то примерно через час после завершения прямой трансляции, когда Сашка Немец, все так же не снимая подаренную мной каску и слегка пошатываясь от ананасового ликера, удалился к себе домой, в дверь ко мне позвонили. Я отправился открывать. На пороге стоял человек, на котором была надета серая куртка с большой круглой нашивкой. На нашивке была изображена подводная лодка, очень похожая на самолет, а вокруг нее шла надпись: «Virgin Oceanic».

Часть восьмая. Откровения

1

Она стояла у дороги. Практически одна-одинешенька. И только куст какого-то растения составлял ей компанию. Никого из людей не было. Вокруг — трава, местами зеленая, а по большей части выжженная солнцем до желтизны. Вдалеке синела полоска воды — то ли озеро, то ли речка, а на самой кромке горизонта что-то вроде леса. Видимо, раньше она была ярко-красного цвета. Но теперь от времени и воздействия природы краска потускнела и кое-где потрескалась. А надпись наверху еле читалась. Зато решетчато-стеклянные окна и дверь остались в целости и сохранности. Не было видно ни торчащих острых осколков, ни намалеванных граффити.

Вот уже которую ночь Ванге снился один и тот же сон. И она никак не могла взять в толк, что он обозначает. Даже когда ее очень давно, во время войны, посетил Гитлер и она напропачила ему скорую смерть, символы, представшие перед ее взором, были не столь загадочные. Ванга вдруг отчетливо вспомнила запах, исходивший от этого человека.

Дорогой концентрированный одеколон несколько мешал его различить, но она тогда все-таки уловила запах плесени и затхлости. Запах некоего гниения-разложения. (Переводчик Гитлера пах по-другому.) Примерно такой же запах исходило теперь и ее тело. Ванга умирала.

На самом деле ее полное имя было Вангелия. Что в переводе с греческого означало «благая весть». Но за пятьдесят пять лет прорицательства были как благие вести, так и не благие. За полвека у нее побывало более миллиона человек, и многие ушли от нее расстроенные. Но изменить ничего было нельзя. Она могла

только озвучить то, что произойдет. И в этом состояла ее тяжелая ноша.

Баба Ванга умирала. Болезнь медленно убивала ее. Однако она не желала лечиться. Во-первых, это было бесполезно, а во-вторых, она знала, что ее тоже возьмут. Как Гагарина. Она тоже была особенная. А ее дар перейдет к десятилетней девочке из Франции. Которая станет ясновидящей и которой тоже будут сниться вещи сны.

«Что же означает этот повторяющийся сон? — подумала Ванга. — Может быть, мне ждать вести или самой ее сообщить? Но если сообщить, то какую и кому?» Она снова мысленно увидела картинку из своего не дающего ей покоя сновидения. На краю поля, у дороги, одиноко стояла английская телефонная будка. Цвета спелой вишни.

2

Девушки были точно такие же, как на известной фотографии, только живые, настоящие, реальные. Они сидели на краю бассейна, ко мне спиной, поэтому лиц видно не было. И можно было лишь строить предположения, какие они там, с той стороны. Но со стороны, обращенной ко мне, все голенькие девушки мне нравились. Их молодые стройные тела были очаровательны, а сексуальные попки — особенно. Девушек было шестеро. Судя по боди-арту на спинах, их звали Мама с атомным сердцем, Реликвия, Темная сторона Луны, Тебе бы здесь побывать, Стена и Животное. Хе-хе.

Вообще, если продолжать этот ряд, то прекрасно подошли бы и другие названия пинкфлойдовских альбомов. Такие, например, как «Блюдце, полное секретов», «Кратковременная потеря рассудка», «Еще», «Вмешайся», «Закрытая облаками», «Нежный звук грома». Я уж не говорю про «Аммагамму»¹. Хе-хе.

На спине самой крайней слева была изображена корова. Но обладательницу рисунка назвать коровой было никак нельзя. Хвост у нее, правда, имелся, но скорее напоминал лошадиный, чем коровий. Этакая рыжая метелка на затылке. У девушки, сидящей рядом с ней, спина была синего цвета, и на этом морском фоне красовался музыкальный корабль. Судно, составленное из труб, барабанов, литавр. Плывущая по волнам музыкальная шкатулка. Откроешь — она и заиграет. Ключик, главное, подобрать. Хе-хе.

С первого взгляда казалось, что третья девушка — негри-

¹ Название одного из альбомов «Пинк Флойд», на жаргоне означающее «половой акт».

тянка. Ан нет, никакая не негритьянка. Просто спина вся черная. А на ней рисунок — призма, разлагающая луч света на спектр. Такая дамочка и меня разложит на составляющие. Хе-хе.

Огненно-рыжие волосы следующей девушки удачно сочетались с рыжим пламенем, охватившим одного из бизнесменов. Волосы были длинные, слегка вьющиеся. Не то что у Стены. Брюнетка немного повернула голову влево, чуть-чуть показав мне милые черты своего лица. Короткая стрижка, элегантный изгиб спины, на которой нарисована стена, состоящая из розоватых, телесного цвета кирпичей. Наверное, самая недоступная из шестерых. Хе-хе.

Фаллосоподобные дымовые трубы теплоэлектростанции и свинья, летящая между ними, — вот какой была картинка на спине последней из девушек. Что-то вроде обещания исполнения мечты. Нормально. Да, умеет Брэнсон удивить. Эту художественную композицию Торгерсона (девушки-обложки) я поместил на экран своего ноутбука «Toshiba». Композиция мне очень нравилась. Шесть соблазнительных попок на оранжевых кафельных плитках. Настоящие, живые, реальные девушки-обложки нравились мне еще больше. Брэнсон сказал: выбирай любую. Пожалуй, я выберу всех. Правда, я не видел их обратные стороны, но уверен, волшебник Брэнсон меня не разочарует. «Virgin Magic». Может быть, они к тому же еще и девственницы? Хе-хе.

3

Я нашел его в номере гостиницы «New Yorker». Он лежал на кровати: бледный, худой, с красными, как у кролика, глазами. Он не спал и сразу же включился в разговор, словно только тем и занимался в последнее время, что ждал меня. Единственно — спросил, как мое имя, и, получив удовлетворивший его ответ, пустился в рассуждения. Он долго и нудно говорил о сверхвысоких напряжениях, о токах высокой частоты, об электромагнитном резонансе, о радиоуправляемых машинах, о механическом осцилляторе. Я потерял нить его логических построений, но он и слова не давал мне вставить. А когда, прервавшись на минуту для того, чтобы сделать себе укол в руку, он спросил меня о количестве ступенек, которые я преодолел, чтобы подняться к нему на пятый этаж, я понял, что с головой у него не все в порядке. Он спросил меня, кратно ли количество пройденных мной ступенек трем. И добавил, что он всегда селился в гостиничных номерах с цифрами, делившимися без остатка на три. Это якобы приносило ему удачу.

Я подумал, что совершенно зря я сюда приехал, что ребята Шелленберга дали маху, что никакого супероружия я здесь не найду. Вспомнив высказывание Теслы: «Придет время, когда какой-нибудь научный гений придумает машину, способную одним действием уничтожить одну или несколько армий», брезгливо оглядел небритого, неухоженного, покрытого бесчисленными родинками идиота-серб и собрался уходить. Мне тут нечего было делать. А Тесла, явно оживившись после инъекции, продолжал что-то бубнить о беспроводной передаче энергии, о башне на Лонг-Айленде, о телепортации объектов, о получении всего из всего.

Напоследок я спросил его, почему он в записке указал именно мое имя. Больше меня ничто уже не интересовало. И, не особенно рассчитывая получить ответ, услышал, как старик прокаркал по-английски. Мол, он умеет заглядывать в недалекое будущее, и в этом самом будущем я якобы сыграю определенную роль. Этот древний девственник, кряхтя, встал с кровати и вытащил из-под нее огромных размеров чемодан. Коричневый, из толстой телячьей кожи, с ремнями, с металлическими треугольными наклейками на углах. Он сказал, что я должен взять с собой этот ящик, должен вывезти его из страны, и вставил загадочную фразу — «это мое второе я». Я не стал уточнять, что сие означает, но за ручку чемодана все-таки ухватился. Чемодан оказался жутко тяжелым. А еще Тесла сказал, что со дня на день умрет, но смерти он не боится, потому что будет жить вечно.

Через два дня Никола Тесла действительно умер, но горничная нашла его окоченевшее тело только на следующий день после смерти, так как днем ранее парни Вальтера сверху донизу перетрусили весь его заваленный мусором гадюшник и вынесли оттуда шесть коробок научных бумаг.

4

— Вон оно как! А я ведь всех перебрал и только вас упустил из виду. Совершенно забыл, что тоже писал вам. Хотел получить компакт с редкой записью Роджера Вотерса. Альбом выходил на вашей фирме.

— Да, «Когда дует ветер»... Скажи мне, Артем. Ты убил друга, подругу, Гитлера. Почему пожалел Вотерса — только пачками денег его завалил? Бедняга, кстати, два концерта отменил, лежился после твоей бомбардировки.

— Несмотря ни на что, Роджер является единственным музыкантом в мире, устраивающим такие умопомрачительные шоу,

как новая версия «Стены». Он не просто развлекает толпу — хотя и развлекает тоже, — он заставляет людей задуматься о мире, в котором мы живем. Ведь большинству знаменитых рок-звезд сказать нечего. Его часто сравнивают с Джоном Ленноном. Но, на мой взгляд, его не надо ни с кем сравнивать. Роджер Вотерс уникален сам по себе. Это явление мирового масштаба. Ну скажите, кому еще придет в голову проецировать на небоскребы Нью-Йорка цитату Дуайта Эйзенхауэра?

— Что за цитату?

— Сейчас вспомню... Ага. «Каждая изготовленная пушка, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая выпущенная ракета — в конечном счете это обворовывание тех людей, которые голодают и которые недоедают, тех людей, которые замерзают и которые не имеют одежды. Этот мир военщины не тратит только лишь деньги. Он тратит пот своих рабочих, талант своих ученых, надежды своих детей. Это вообще неправильный образ жизни. Под облаком угрозы войны человечество распято на железном кресте». Вот.

— Понятно.

— Да, Вотерс человек противоречивый. Человек, порой говорящий одно, а делающий совершенно другое. Именно он стал первым публично поливать грязью своих бывших товарищей по группе. Те, правда, тоже в долгу не остались и измазали Роджера дерьмом с головы до ног. Да, он любит деньги. Но так всегда было. Зато Роджер Вотерс сочиняет такие замечательные пластинки, как «Animals», «The Wall», «The Final Cut», «Amused to Death». Поэтому он должен жить на этой земле и будоражить спящее сознание человечества.

— Ясно.

— Жаль, что эксперимент завершился. У меня были планы вместе с Вотерсом поучаствовать в представлении «Стена», сделать концерт более интерактивным. По сути, действие происходит в основном на сцене, а я хотел бы задействовать и зрительный зал. Что-то вроде 5D-виртуалки, с запахами, с взрывами, с настоящими самолетами, с актерами в зрительном зале и со всякими прочими чудесами.

— Чудеса временно прекращаются. Но эксперимент еще не окончен. Мы отправляемся на Неккер, где тесты продолжатся.

5

Сильвестр вместе с Арнольдом прилетели на вертолете, Алена доставил «Leag»-джет, а Жан-Поль приплыл на собственной яхте — он отдыхал неподалеку, на соседнем острове. Артем

отметил про себя, какие они все на вид замечательные: Арни, естественно, был самый колоритный — огромный, мускулистый, сильный; Ален хоть и с заметным брюшком, но по-прежнему красивый; Жан-Поль — само обаяние: обворожительная улыбка, белые зубы, правда, такого же цвета и волосы; Сильвестр был тоже большой и крепкий, как Арни, несмотря на свой возраст, эдакий Рокки на пенсии. Артем поделил их на качков и красавчиков.

Все четверо были одеты простенько, без официоза, по-домашнему; можно сказать, по-пляжному. Шварценеггер со Сталлоне, словно два брата, были в ярких бермудах и кожаных сандалиях на босу ногу, без футболок, на головах у обоих — соломенные шляпы. Бельмондо — в узких плавках и полиуретановых шлепанцах, на шее — толстая золотая цепочка. На Делоне была белая футболка с лицом какой-то дамы (возможно, его последней жены) и довольно злобной надписью под ним — «Everybody Lies» («Все лгут»).

Четверо гостей, плюс Брэнсон и Артем, сидели за круглым столом, неподалеку от бассейна, пили сухое вино с кубиками льда и беседовали. В центре внимания был Шварценеггер. Разговор шел о президентстве.

— Если бы приняли поправку к конституции, то я бы баллотировался. И, сто процентов, победил бы. Этого гребаного Обаму надо менять. Премию мира ему дали, а он знай себе воюет, — сказал Арнольд жестко.

— Зачем тебе еще одна головная боль? Мало было губернаторства? То неофашисты рты пооткрывали, то наркоманы демонстрации поустраивали, — сказал Жан-Поль укоризненно.

— А твоя связь с домработницей не помешала бы? — спросил Ален заинтересованно.

— Не думаю. Может быть, даже наоборот, поспособствовала бы, — ответил Терминатор лаконично.

— Для чего тебе все это? Продолжал бы сниматься в фильмах и высокие гонорары получать, — сказал Профессионал убедительно.

— Ему теперь вообще можно на съемочной площадке не присутствовать. Его ж оцифрили. Шварценеггезировали, — сказал Рэмбо весело.

— Могу помочь. Если пожелаешь, будет тебе поправка к твоему дню рождения, — пообещал Брэнсон загадочно.

Четверо артистов переглянулись. Артем пока в разговор не вступал, только на ус мотал. Правда, никаких усов у него не было.

— Seriously? — Арнольд недоверчиво посмотрел на хозяина острова. — Ты вообще великий волшебник, я знаю, но не думал, что настолько.

Брэнсон улыбнулся.

— Картину Вермейера тебе подарю. Недавно приобрел на «Сотби'с». Вместе с Пикассо. У меня более четырехсот полотен, — сказал Фанфан-Тюльпан гордо. И с любопытством посмотрел на одну из девушек-обложек, обслуживающих вечеринку в качестве официанток. На девушках были лишь набедренные передники. Хоть девиц было столько же, сколько и присутствующих мужчин, строили глазки они только Артему. Остальные для них были старыми пердунами.

— А я тебе мотоцикл подарю. «Харли Дэвидсон». Ту модель, которую ты хотел, — сказал Жан-Поль. — Сколько у тебя мотоциклов?

Но ответа он не получил. Потому что, наконец не выдержав, слово взял Артем.

— Вот вы все копите и копите, один оружие собирает, другой мотоциклы, третий ковры, четвертый — картины, а смысл? Все равно ведь скоро умрете, и все ваши коллекции прахом пойдут. Лучше бы благотворительностью занялись. Детей накормили.

— Может быть, вы, молодой человек, подарите нам бессмертие? — за всех спросил Терминатор сухо.

— Может, и подарю, — ответил Артем сердито.

— Мальчик, оказывается, тоже волшебник. Только где ваша волшебная палочка, мистер? Что-то не наблюдаю, — сказал Шварценеггер саркастически и добавил: — А вот я сегодня действительно поработаю магом. — Шварц бросил взгляд на массивные швейцарские часы у себя на руке. — Не позднее чем через час сюда прибудет военно-транспортный самолет «Геркулес» и доставит тяжелый танк «Тигр» времен Второй мировой войны. — Потом он выдержал паузу для полноты эффекта и заорал: — Постреляем, братцы! Бах-бах! Пиф-паф!

Все, включая Брэнсона, выкатили глаза и закричали «ура!». Артем представил огромную тушу танка, из люка которого по пояс торчит Арнольд Алоисович Чернонегров. В эсэсовской хьюго-боссовской форме, с черной пилоткой на голове и с наушниками. Картинка получилась убойная. «Вот кого ему надо бы в кино-то сыграть», — подумал Артем мечтательно.

У Брэнсона задребезжал телефон. Он нехотя нажал на кнопку.

— Алло! Кто это? Какая еще Роксанна? А, извините. Что?! Как же так?! Конечно, буду!

Поначалу рук было немного. В основном — нежные и ласковые. Ему нравились их теплые прикосновения, нравились игрушки, которые они ему приносили, различные лакомства. Часто он целовал эти руки. Но по мере того, как мальчик рос, рук становилось все больше и больше. Иногда руки обижали его, давали подзатыльники, затрещины. А однажды, когда мальчик был уже юношей, оставаясь при этом все тем же мальчиком, руки подарили ему кисть и гитару. Кистью он нарисовал картины, но они оказались никому не нужны. А вот гитара его прославила... Сперва он не мог на ней играть, только резал струнами пальцы до крови, но потом научился и как-то сыграл на публике прекрасную песенку, им же самим и придуманную. И совсем неожиданно получил в ответ восторженную реакцию — руки, окружавшие его, зааплодировали. Мальчику аплодисменты очень понравились, он решил сочинить еще одну песенку.

Его новое творение тоже пришлось по вкусу, а аплодирующих рук стало гораздо больше. Потом руки с золотыми перстными и холеными наманикюренными ногтями протянули ему бумажку, и он ее подписал. Так мальчик сделался профессиональным музыкантом. Руки фотографировали его и подсовывали ему микрофоны. За его песни руки давали ему деньги, на которые можно было купить много приятных вещей. И мальчик действительно купил много приятных вещей. Он пожимал сотни рук, однако их количество однажды достигло невероятного числа. Руки были повсюду. Теперь это был уже лес рук, в котором можно было запросто заблудиться и даже заблудить. Руки дарили мальчику цветы, наливали пиво и виски, протягивали сигареты. Руки угостили его таблетками.

Таблеток становилось все больше и больше, а песен все меньше и меньше. Но мальчик был по-прежнему красив, его голос был по-прежнему чист и звонок, а хлопающих рук не убавлялось. Однако случилось то, что неминуемо должно было случиться. Как-то раз мальчик вернулся из своего очередного наркотического трипа и не увидел того моря рук, к которому он так привык за долгие годы. Не считая его рук, рук было только две. И он услышал от них: «Бедный мой мальчик! Как несправедливы эти чертовы руки! Что они с тобой сделали! Будь они прокляты! Бедный ты мой!» Он посмотрел на себя в зеркало и увидел вместо молодого, кучерявого, жизнерадостного мальчика лысого, толстого, небритого старика с безумными глазами

и перекошенным ртом. И тогда мальчик, чтобы больше не видеть ничьих рук и неприятного ему отражения, окончательно сошел с ума.

7

Тесты, испытания, эксперименты. Да на мне с детства опыты ставят. Гребаное общество. А теперь еще и этот хрен с бугра. Я ему согласие давал? Не давал. И подчиняться не намерен. Устроил здесь проверки на дорогах. Викторины-конкурсы-кроссворды. Киноактеров для чего-то притащил. (Причем моих любимых!) Зачем — я не совсем понял. Хотя мы все-таки с ними оторвались по полной программе, пока он там по флоридам путешествует. Чуть ли не половину острова разнесли к чертовой матери, превратили в лунный ландшафт. А этот Сталлоне потом и говорит, давайте по вилле шандарахнем, устроим взрыв, как в «Забриски Пойнт». В том фильме Антониони действительно постарался, развалил роскошное бунгало в пух и прах. Мне лично понравилось. К тому же в нем музыка «Пинк Флойда» звучит.

Ну, Шварц девок вывел, на вертолет посадил, чтоб не покалечить, и с первого выстрела фейерверк устроил не хуже знаменитого режиссера-итальянца. А Жан-Поль с Аленом завершили дело. И мне предложили разок-другой бабахнуть, ну я подумал-подумал и отказываться не стал. Может, в этом и состоял тест, кто знает: соглашусь я или нет в их безумствах участвовать. Как оказалось, они каждый год на острове собираются, чтобы, как они выразились, пар выпустить. Раскурочат иной раз почти все тут, до последней пальмы, а потом довольные домой едут. Для них ведь несколько десятков миллионов долларов потратить на удовольствие — не проблема. Главное, кайф поймать. Вроде бы и Брэнсон в этом участие принимает. Но, видимо, не в курсе они, что ему новейшие технологии помогают быстро восстановить разрушенное. А то бы они еще чаще на острове развлекались.

Брэнсон для меня пока полная загадка. Белое пятно. Засекреченный агент. В какие игры он играет — непонятно. Но я разберусь. Телефонной будки он меня лишил. Мобилки тоже. Однако не такой я дурак, чтобы меня за болвана держали. Посмотрим еще, кто кого. Вот только сны какие-то странные мне сниться стали. Чистый сюрреализм. То вроде как Сид Барретт среди рук, растущих из земли, идет. То вроде как не Сид Барретт это вовсе, а я иду, и руки желания мои исполняют и всякую всячину преподносят. А на самом деле просто медленно убивают меня.

Из Майами в Нью-Йорк Брэнсон отправился на поезде: надо было подумать, поразмышлять, пораскинуть мозгами. Фреско выбил из колеи. Несмотря на имеющиеся догадки, подозрения, предположения. Ричард вспомнил о Берте Рутане. Тот тоже недавно преподнес ему сюрприз, на который Брэнсон никак не рассчитывал. Чтобы доказать, что построенный им космический челнок может самостоятельно, в автоматическом режиме, вернуться на Землю, Берт, никого не поставив в известность, отключил сознание Брэнсона и Брайана Бинни, подсыпав им в водку быстродействующее снотворное. Но по сравнению с тем, чем Брэнсона ошарашил Фреско, сюрприз от Рутана был лишь детской шалостью.

Во-первых, Брэнсон полагал застать Жака при смерти (со слов Роксанны), однако на самом деле старец оказался живее всех живых. Но это было только вступление, так сказать, прелюдия. А потом началось самое интересное. Фреско усадил его в глубокое кресло и сказал: садитесь поплотнее, сейчас начнутся перегрузки. Сколько человек выдерживает максимум? 14 g? Будут вам все 14. А затем он сказал, разрешите представиться, барон Вернер фон Браун, слышали про такого? — отец «Фау», первого американского спутника и программы «Аполлон». Как так может быть? Но вы ведь тоже не Ричард Брэнсон.

Все дело было в Тесле. В 1943 году он якобы передал записку немецкой разведслужбе (пытавшейся установить с ним связь с 1942 года), в которой говорилось, что разговаривать он будет исключительно с Вернером фон Брауном. И именно ему он передал чемодан с некоей электронной начинкой. Что было в том чемодане? Да Тесла и был. Точнее, не сам Тесла, поскольку он вскорости умер, а его «серое вещество», приобретшее компьютерную форму. Гениальный изобретатель нашел способ, как соединить человека с электрической машиной. Да, тот его первый компьютер был несколько простоват, однако с его помощью Фреско-Браун сумел сделать точный расчет траектории полета «Аполлона» к Луне; хотя, пока он разбирался с тем, что передал ему Тесла, прошло почти двадцать лет.

Далее. Общаясь с электронными мозгами Теслы, Браун по инструкциям Николы стал переделывать конструкцию компьютера, используя достижения современной науки. Закончилось все это тем, что в 1969 году Браун отправил Теслу на орбиту, поместив так называемый «черный ящик» внутрь спутника-шпиона, способного захватывать другие спутники, разбирать их

на части, использовать для своих нужд и самосовершенствоваться.

То есть сейчас по орбите Земли летает «голова» Николы Теслы, которая наблюдает за всем человечеством? — спросил Брэнсон. Именно так, ответил Фреско-Браун. А телефонная будка, исполняющая желания, для чего? Чтобы найти умного человека, который сыграл бы определенную роль. А вы на эту роль разве не годились? Я играю другую роль. И зачем вы все мне это рассказываете? Затем, что вы очень скоро выйдете из игры. Каким образом? Погибнете. От ваших рук? Нет, так сложатся обстоятельства. А разве нельзя мою смерть предотвратить? К сожалению, нет. То есть вы мной втемную пользовались — и хватит? Молчание.

За окном проносились темнеющие деревья, Луна уже светила вовсю. Брэнсон смотрел сквозь стекло, но ни деревьев, ни Луны не замечал, а видел лишь ухмыляющиеся физиономии Фреско-Брауна и его подручной Роксанны. Которая, видимо, тоже была никакая не Роксанна. «Так-так-так. Что-то не вяжется, не стыкуется. Нарушена логика. Слишком банально. Примитивно. Смерть мне явно не грозит. Чушь собачья. А если они отключили будку? Предположим. Зачем тогда мне было рассказывать, что я выхожу из игры? Если бы они действительно выводили меня из игры, они бы мне ни слова не сказали. Да и мои догадки о связи Теслы с Брауном... Такое впечатление, что они просто мне подыгрывают. Хотят, чтобы я открылся Артему? Или сам зашел в будку и начал менять жизнь на планете? Чужими руками жар загрести? Чтобы я запаниковал и натворил глупостей? Нет уж, увольте!.. Все-таки, похоже, это то, о чем я всегда знал, но во что отказывался верить».

9

— Твой отец был ликвидатором, «шакалом», палачом, — продолжал Аналитик. — Но, надо отдать ему должное, специалистом по этой части он был первоклассным. Очень изобретательная личность. Лучший киллер Управления... Он и меня убил. Точнее, моего клона. Я знал, что он меня убьет, вот дубликат и подставил. И его телефонная будка была дубликатом. Как и твоя. Только у тебя — более современная на вид... Талантливый был человек, со своим понятием о справедливости, и даже в чем-то милосердный. Чтобы спасти пассажиров, он, например, пытался отвести в сторону «Боинг-767», который врезался в одну из башен-близнецов... Закончил только вот некрасиво. Умер от героиновой передозы в одном из бардаков

Амстердама. Несмотря на измену, Управление похоронило его как героя.

— Значит, оператором и в его, и в моем случае были вы?

— Да. Настоящая телефонная будка, исполняющая желания, состояла из двух отдельных частей, находящихся в Америке и в Англии. Твой отец, по моим указаниям, отыскал эти части и привез в Россию. Никто во всем мире не понял, что они как-то связаны между собой. Кроме меня... Смешные люди. Когда глубоководная экспедиция Джеймса Камерона обнаружила на борту «Титаника» телефонную будку, возник вопрос, как она могла туда попасть. Ведь в 1912 году английские телефонные будки были не красного цвета. Красными они стали гораздо позже. Так ты знаешь, как эти горе-ученые объяснили сей казус? Мол, много лет спустя, телефонная будка выпала с другого судна, проходившего над местом гибели «Титаника». Надо же такое придумать!

— Люди придумали, что пластинка «Темная сторона Луны» — о космосе, а «Вам бы здесь побывать» — о гибели подводной лодки... Где же оригинал?

— Здесь, на острове.

— И вы думаете, что Тесла будку отключил.

— Дело не в этом. При всем моем уважении к Тесле, не мог он сам придумать такую технологию. Слишком уж она... э... передовая. Не из нашего времени. Все равно что лапуасу телевизор показать.

— Получается, за ним стоят пришельцы, сверхцивилизация?

— Я не верю в «летающие тарелки», НЛО и прочих всяких палеоастронавтов. Но в данной ситуации ничего другого, кроме как поверить, пожалуй, не остается.

— А какую они преследуют цель, как вы считаете?

Часть девятая. Варианты

1

За столиком парижского бистро сидели четверо мужчин. Из маленьких чашечек пили кофе по-турецки, кушали пирожные. На всех были современные деловые костюмы. Вели неторопливую тихую беседу. В отличие от других посетителей, не курили.

— Что у нас с бессмертием? — спросил Стратег.

— Испытания завершены, результаты отличные, — доложил Профессор. — Можно внедрять.

— Лично сам отберешь людей типа «три А». Таких больше

сотни не наберется. И смотри мне, с утечкой информации не прошиби, высшая степень секретности, отвечаешь головой.

— Есть.

Стратег отхлебнул глоток, ножом отрезал кусочек пирожного, подцепил на вилку.

— Сколько килограммов героина конфисковали?

— Триста, — доложил Торговец.

— Сдай им еще полтонны. А то цена падает. Отлежится, потом пустим в оборот.

— Есть.

Стратег проглотил кусочек пирожного, с удовольствием пожевал и добавил:

— Сделай так, чтобы подумали на колумбийцев.

— Есть.

Стратег отпил еще кофе, сказал, обращаясь к Военному:

— С Каддафи поступишь вот как. Вывози его в Либерию. Пусть он там побудет годик-другой. Он нам еще пригодится. А натовцам труп двойника подсунешь. Только снова не прошляпь, как с Хуссейном. Кстати, много мы на этом конфликте заработали?

— Миллиард четыреста.

— На доллары купишь золото в слитках и — в Форт Нокс. А Обаме премию мира дашь.

— Еще одну?

— Ну да. За этот год.

— Есть.

Стратег вытащил из внутреннего кармана пиджака красный мобильный телефон. Приказал:

— Вы кушайте, кушайте. Я отойду, мне позвонить надо. Вернусь, поговорим поподробнее.

Проходящая мимо парочка пожилых французов, обратила внимание на четверых степенных мужчин, сидящих за столиком быстро.

— Наверное, преподаватели университета, — предположила дама.

— Нет, дорогая. Это работники банка, — уверенно заявил ее спутник.

2

Старшие вели младших, а младшие несли своих любимых кукол, роботов, плюшевых мишек. Хотя им ясно сказали, ничего брать не надо. Самые маленькие, ну совсем малыши, тянули грузовички на веревочках, грохотавшие на всю улицу. А

кое-кто из тех, что постарше, прихватил даже роликовые коньки. Очень многие мальчишки (да и некоторые девчонки тоже) были вооружены игрушечными пистолетами, а то и автоматами. Со стороны казалось, что вроде как старшие братья и сестры ведут в детский сад своих младших братьев и сестер. На самом деле среди них почти не было братьев и сестер, и ни в какой детский сад они не шли.

Улица, по которой двигалась процессия, ничем примечательным не выделялась. Те же дырявые и вонючие мусорные баки, каких полно на любых других улицах России, те же неказистые на вид, потемневшие от частых дождей фасады многоэтажных домов, те же бездомные собаки и кошки, вечно голодными глазами жадно смотрящие на прохожих, та же грязь и ямы на асфальте. Улица была как улица. Вот только одна странность отличала ее от остальных. Несмотря на то что детей была целая уйма и несмотря на то что был разгар летнего выходного дня, на улице не было ни одного взрослого.

Дети, повинувшись некоему скрытому мотиву, целенаправленно шествовали к какой-то им известной намеченной цели. А взрослые впервые не участвовали в этом. Не пытались помешать, остановить, заставить вернуться. И только одна старуха, явно не в своем уме, высунулась из подъезда и, потрясая клюшкой, каркнула: «Будьте вы прокляты!» Но тут же получила в нос алюминиевой шпилькой из рогатки, взвизгнула и, утирая крючковатой пятерней кровавые сопли, скрылась, как будто и не было ее никогда. А дети все так же продолжали движение, дурачась, посмеиваясь, поругиваясь, почесываясь, поеживаясь от страха. Перед неизвестным, но таким заманчивым будущим. И теплый июльский ветер катал по улице пустые пластиковые бутылки.

3

— Религия тоже обещает человеку исполнение желаний, — говорил Аналитик, наливая себе в стакан апельсиновый сок, — но, в отличие от Машины Теслы, религия только обещает, не исполняя никаких желаний. Когда человек произносит молитву, он рассчитывает, что некое высшее существо поможет ему решить все его личные проблемы.

Религия дает надежду, но реально ничего не решает, а лишь хорошо зарабатывает на мечтах. С другой стороны, если бы желания исполнялись, то вряд ли бы это было здорово. Возник бы хаос, ведущий к энтропии. Поскольку общая масса людей умственно не готова к тому, чтобы ее желания осуществлялись.

Яркий пример — миллионеры, выигравшие в лотерею. Согласно статистическим данным, практически каждый из них быстро оказывается на кладбище. Так как не знает, что делать с огромными деньгами и со своим свободным временем. И поэтому пускается во все тяжкие. Конечно, человечество в конце концов придумает технологию, позволяющую реализовывать любые мыслимые мечты, но чтобы пользоваться этой технологией, оно должно ментально созреть. Иначе возникает опасность самоуничтожения.

Если бы пришельцы ставили задачу самоуничтожить человечество, то они бы разместили колоссальное количество подобных телефонных будок по всему земному шару. Однако почему-то ограничились одной-единственной. Поэтому своими действиями, скорее всего, пришельцы дают нам понять, что они существуют и что до них нам еще расти и расти. Не вижу пока никаких других более-менее логических объяснений происходящему. Тест был рассчитан на умного человека. Тест удался. В пагубных для людей целях Машина Теслы (Машина Судного Дня) использована не была.

— Понятно, — задумчиво сказал я, все еще не веря, что монополия на право владения никогда ранее не виданной на планете технологией у нас с Олегом Петровичем кем-то отобрана. — А почему путешествовать во времени можно только лишь в прошлое, как вы думаете?

— Потому что будущее еще не наступило, и прогнозировать его очень сложно, практически невозможно. Тут, по-моему, так же, как и с погодой. Краткосрочные прогнозы делать можно, а долгосрочные бесполезно. Не сбываются. И все эти предсказатели, провидцы, прорицатели способны заглядывать всего лишь в недалекое, близкое нам будущее. Я тоже, вот прямо сейчас, могу сыграть роль эдакого Мишеля Нострадамуса и рассказать тебе, что ожидает человечество в будущем.

— А ну-ка.

— Нас ждет технократический век: наносборка пищи, «умные» лекарства, духовные машины, антигравитация, космические лифты, виртуальная реальность глубокого погружения, тотальная компьютеризация мозга и так далее, и тому подобное. Но... То, что я только что тебе перечислил, всего лишь тенденции. На самом деле ничего этого может и не быть. Поскольку, повторюсь, будущее просчитать нельзя. Во всяком случае, пока. Приведу тебе одну цитату. «В течение ближайших тридцати лет у нас появится техническая возможность создать сверхчеловеческий интеллект. Вскоре после этого человеческая эпоха будет

завершена». Так в тысяча девятьсот девяносто третьем году сказал Вернор Виндж, американский математик и писатель-фантаст. Может быть и такой сценарий развития будущего. А может быть и такой: «Джихад против евреев и крестоносцев — это долг каждого правоверного мусульманина». А это слова ныне покойного Усамы бен Ладена. Он-то ныне покойный, но соратников у него предостаточно.

Что же касается твоих вариантов, рассказанных мне, то тут тоже меня одолевают сомнения. В первом случае — всемирный заговор вряд ли возможен, а во втором, про ковчег... Как только ты усадишь на трансзвездный лайнер детей и отправишься с ними к иной солнечной системе, оставив пауков-взрослых сжирать друг друга на Земле, не пройдет, как говорится, и полгода, как ты увидишь, что дети начинают, словно пауки в банке, также поедом есть друг друга.

4

— Алло.

— Привет, Игорь.

— А, привет, Артем.

— Есть классный сюжет.

— Да я вообще-то уже пишу...

— Вот как. О чем?

— О войне между цивилизацией разума и цивилизацией веры.

— Хм. Вряд ли напечатают. Ты знаешь, сколько верующих на планете? Ни одно издательство не захочет терять потенциальных читателей.

— Ну ладно, рассказывай.

— Ты когда-нибудь задумывался, какое количество искусственных спутников летает вокруг Земли?

— И что?

— Огромное. Тысячи. Среди них в настоящее время есть даже спутники, запущенные в космос еще в шестидесятые годы.

— Предположим.

— Так вот. Никто ведь не ведет их точный учет — какие уже сгорели в плотных слоях, а какие до сих пор на орбите. И поэтому среди спутников легко затеряться инопланетному зонду.

— Угу. Значит, прилетел зонд. И что дальше?

— Ну, он какое-то время наблюдает за землянами, делает анализы и все такое прочее. А затем в один прекрасный день выстреливает в сторону планеты шесть шаров. По количеству кон-

тинентов. Правда, в Антарктиду шар не попадает, а два шара отправляются в Евразию.

— А потом?

— А потом происходит следующее. Шары, упав на сушу, начинают увеличиваться в объемах, вытесняя человечество с поверхности Земли.

— Любопытно. То есть силовое поле шаров движется и сжигает все на своем пути.

— Ничего оно не сжигает. Траву, деревья, животных, птиц пропускает внутрь себя, и только человека отталкивает.

— А дома?

— Дома? Э... дома и технику пропускает. Все, кроме человека.

— Ты видишь ту же картинку внутри шаров, что и снаружи, но войти туда не можешь.

— Нет, внутри шаров ничего не видно, шары зеркальные. Ты только рожу свою удивленную и искривленную видишь плюс искривленное отражение мира.

— И люди начинают бросать в шары камни, стрелять по ним из пистолетов, автоматов, танков, сбрасывать на шары бомбы.

— Правильно мыслишь. Но земное оружие пробить силовое поле, естественно, не может.

— А проникнуть в шары под землей или через космос тоже не получается.

— Именно. Поэтому у человечества есть только два пути выхода из тупика. Либо уйти жить под воду, в океаны. Либо искать другую планету. Потому что вторгшаяся раса обладает более развитой технологией.

— Недобрые пришельцы. Умнее землян в разы, а недобрые.

— А по-моему, добрее людей. Мы глупых индейцев почти всех истребили, я уж не говорю про животных. Все время расширяем среду своего обитания, убивая тех, кто нам неуютен.

— Чем заканчивается?

— Не придумал пока.

— Похоже на «Пикник на обочине» Стругацких. Только там люди лезут в зоны, а у тебя зоны надвигаются на людей.

— Ну что, возьмешься?

— Пожалуй, нет. Может быть, ты сам напишешь? Сюжет-то оригинальный.

— Ты же знаешь, я по «Пинк Флойд» специалист. Фантастика не моя тема.

— А вот это неправда. «Пинк Флойд» — самая фантастическая группа в мире.

Она стояла у дороги. Практически одна-одинешенька. И только куст какого-то растения составлял ей компанию. Никого из людей не было — в этой части острова давно никто не появлялся. Вокруг — трава, местами зеленая, а по большей части выжженная солнцем до желтизны. Вдалеке синела полоска воды — то ли озеро, то ли речка, а на самой кромке горизонта, на берегу океана — пальмовая роща. Видимо, раньше будка была ярко-красного цвета. Но теперь от времени и воздействия природы краска потускнела и кое-где потрескалась. А надпись вверху еле читалась. Зато решетчато-стеклянные окна и дверь остались в целостности и сохранности. Не было видно ни торчащих острых осколков, ни намалеванных граффити.

«Ничего они не отключили. Все как работало, так и работает. Телефонная будка функционирует нормально. Напрасно переживал Аналитик. Видимо, он предчувствовал, что из своей глубоководной экспедиции он не вернется. Поэтому в субмарину сел один. Не захотел губить еще одну жизнь. Что там случилось, кто его знает? Что угодно могло произойти. Одиннадцать тысяч метров — не шутка. Аналитик сказал, что американцы уже опускались в Марианскую впадину. Успешно. Однако результаты своих исследований почему-то засекретили. Может быть, нашли что-то из ряда вон выходящее, сфотографировали нечто экстраординарное? Базу пришельцев, например. Аналитик сказал, что если погружение пройдет удачно, то на дне лодка способна пробыть сутки, а за сутки он не только базу, он пуговицу от кальсон инопланетян отыщет».

Артем подошел к телефонной будке, потрогал ее деревянную поверхность цвета спелой вишни, сел на траву, сунул в рот соломку.

«Я никогда не был свободным. С самого раннего детства включился в игру. Думал, будка это свобода. Но и она навязывает тебе правила. Огромные возможности, контролируемые свыше. Какая же это свобода? Если желание будка исполняет любое (ну, совершенно любое), то можно было бы в принципе и схитрить. Засунуть ее себе в голову и стать абсолютным богом. Но это тоже, на мой взгляд, не свобода. Предположим, существует сверхцивилизация, научившаяся создавать все из всего. А раз так, то наверняка имеется и еще более развитая цивилизация, давно научившаяся создавать все из всего. И где гарантия, что более высокоразвитая цивили-

лизация не развлекается подобным образом — подсовывает папуасу всего лишь телевизор, хотя в запасе у нее имеется компьютер.

Теперь я понимаю, почему Аналитик так никогда и не воспользовался будкой, чтобы сделаться богом на Земле и в ее окрестностях. Он сказал, ничего страшнее этой телефонной будки в природе не существует. Соблазн всемогущества превращает человека в монстра. Именно поэтому он ограничился ролью богатого и чудачковатого бизнесмена. Когда умирал реальный Брэнсон, Аналитик вселился в его тело.

Убили ли пришельцы Аналитика-Брэнсона? Или это был всего лишь несчастный случай, на который они не захотели влиять? Какие они на самом деле преследуют цели, я не знаю, а самое главное, мне и знать неинтересно. Потому что, узнав, я не стану свободным, а продолжу играть в чужую игру... Когда я был ребенком, у нас в доме стояла радиолы. Отец купил, чтобы слушать радио и проигрывать пластинки. Эдакий громоздкий ящик на четырех высоких ножках. На радиоприемнике было шесть или семь клавиш для того, чтобы переключать диапазоны принимаемых частот. Инженеры, сконструировавшие радиолу, не могли даже предположить, что найдется идиот, у которого возникнет мысль: а что произойдет, если нажать на все клавиши сразу? Этим идиотом оказался я. Я нажал на все клавиши сразу. И радиолы вышла из строя. Клавиши запали».

Артем в последний раз посмотрел на выжженную солнцем траву, на пыльную грунтовую дорогу, выплюнул соломинку, вдохнул полной грудью горячий воздух и распахнул дверь. Внутри, в телефонной будке, было жарко, как в аду. По углам висела серебристая паутина. Пауков нигде видно не было. Телефонный аппарат проржавел настолько, что местами ржавчина проела металл до дыр. Артем снял трубку, набрал с помощью крутящегося диска восьмизначный код (год рождения и год смерти Теслы), который ему сказал Аналитик. В трубке щелкнуло, и мужской голос очень вежливо спросил:

— Какое у вас желание?

Сердце билось как бешеное. Комок застрял в горле. Артем помолчал секунд десять и дрожащим голосом, преодолевая спазм, выдал из себя:

— Хочу, чтобы сломалась радиолы... То есть... э... хочу, чтобы весь мир, окружающий меня, исчез. Раз и навсегда.

6

— ...уже «уши» отсоединил, — сказал мужчина и добавил: — Теперь он слышит то, что мы говорим. — Голос у мужчины был высокий, молодой и шел откуда-то слева.

— Какое давление? — спросила женщина. Голос у нее был грубоватый, с хрипотцой и раздавался с правой стороны.

— Почти в норме. Чуть низковатое, но сейчас поднимется. Я ему два кубика вколол.

— Пульс? — снова спросила женщина.

— Семьдесят девять.

— Температура?

— Тридцать шесть и один. «Кожу» отключать?

— Самую нижнюю открути. Пусть сперва сольется, потом остальные.

Я ничего не видел, не чувствовал. Только слышал. В глазах была чернота.

— Вот-вот, — сказала женщина. — Стечет минут за двадцать.

Я услышал, как что-то закапало. Чиркнула спичка.

— «Нос» снимать можно? — спросил мужчина. Ближко-близко от меня.

— Снимай.

— А это ему не повредит? Он ведь не курит.

— Ничего с ним не станется. Пусть привыкает.

Я ощутил резкий запах табака.

— Не нравится ему. Гляди-ка, нос сморщил, — сказал мужчина и хохотнул.

От мужчины исходил неприятный запах перегара.

— Иди, покурим, — сказала женщина. — Пока сливается.

Запах перегара исчез, а табака усилился.

Какое-то время ничего, кроме однообразного капанья капель, слышно не было. А табаком завоняло вовсю. Потом женский голос произнес:

— Открой окно. Проветрим. А я «глаза» ему сниму.

Первое, что я увидел, — оранжевый скафандр, к которому была прикреплена целая куча черных резиновых (как мне показалось) трубок. Одна из них, подходящая к ступне, была отсоединена и из нее, как и из скафандра, в металлический поддон вытекала синяя вязкая жидкость. Скафандр находился в подвешенном состоянии, а его поверхность отдаленно напоминала кожу червяка. На мужчине и женщине были белые комбинезоны. На их головах и лицах ничего надето не было. Женщина

была намного старше мужчины. Некрасивая. Мужчина, по-видимому, был ее подчиненным. Я попробовал пошевелить руками и ногами. Это далось мне с большим трудом.

— Где я нахожусь и что со мной было? — спросил я, не узнав собственного голоса.

— О, заговорил, — сказала женщина и заулыбалась. В правой руке у нее была дымящаяся сигарета, а в левой — что-то типа горнолыжных очков с непонятного назначения причинами.

В помещении, где я находился, имелось огромное панорамное окно, на четверть раскрытое. За окном виднелись деревья с ярко-зеленой листвой.

— Ты давай откручивай поскорее, — сказала женщина, обращаясь к мужчине, — и будем его вынимать. Мне сегодня домой пораньше надо.

При этом она повернулась ко мне спиной. Между ее лопаток я прочел: «Virgin». Ниже шла надпись почему-то по-русски: «Виртуальная Реальность». А еще ниже в скобках объяснялось, почему: «(Россия)».

Часть десятая. Машина два

1

«Некоторые люди считают, что у них есть все, а некоторые всегда должны пресмыкаться/Некоторые люди имеют деньги, а некоторые живут в нищете/Некоторые люди прибегают к религии, а некоторые хотят быть полезными обществу/Некоторые люди молятся перед тем, как убить, а некоторые убивают ради забавы/Некоторые люди погибают на войне, а некоторые — на экране телевизора/Некоторые люди строят виллы на берегу моря, а некоторые живут в мусорных баках/Некоторые люди думают, что жить хорошо, а некоторые — поскорей бы сдохнуть/Некоторые люди борются за свои права, а некоторым на это наплевать/Некоторые люди мечтают о жизни на Марсе, а некоторые прекрасно живут и на Земле/Некоторые люди кончают самоубийством, а некоторые кайфуют от удовольствий/Некоторые люди ищут смысл жизни, а некоторые находят и сходят от этого с ума/Некоторые люди всегда хотят быть победителями, а некоторые — всю жизнь проигравшие/Некоторые люди держат свое слово, а некоторые режут священных коров/Некоторые люди любят поклоняться идолам, а некоторые полагают, что мир это фарс/Некоторые люди пытаются свести концы с концами, а некоторые купаются в рос-

коши/Некоторые люди находят чашу Грааля, а некоторые кажутся в ад/Некоторые люди!»

Так или примерно так переводился на русский язык текст песни. Клац, клац, клац. Он выключил проигрыватель и усилитель. «Ух! Здорово! Какой там “Pink Floyd”, “Alphaville” гораздо круче. Я их всегда любил. Но, благодаря “Virgin”, с “Pink Floyd” познакомился глубже. Роджер Вотерс, конечно, силен. Социальные темы поднимает конкретные. Пацифист еще тот... Да, Брэнсон удивил так удивил. До сих пор отойти не могу. Сделал из меня некоего Артема, президента фэн-клуба. Немного оклемаюсь и опять в “Virgin” пойду. Дороговато, конечно, но себе могу позволить. Зато новые переживания, приключения. А как еще развлекаться? Не водку же целыми днями жрать».

Клац. Зажегся экран телевизора. Клац. Он выключил звук. «А по ящику один дебилизм показывают. Только новости и смотрю. Кого там сегодня снова убили? А, в моду вошло проявление народного недовольства. Греция, Египет, Белоруссия, Ливия. Все равно бесполезно. Как были рабами, так рабами и останутся. А кучка хозяев будет жировать. Толпа немного активизировалась, но в основном болото. Интернет помогает. Кусочек свободы. Хотя и анархии с избытком. Люди, люди, люди... Что мы такое? Я, известный писатель, а тоже туда же. Вместо того чтобы реально бороться с системой, черт-те чем занимаюсь. Коллекционирую элитную обувь. Тысяча двести пар. Зачем мне столько? Чтобы Мадонне нос утереть. У нее ведь две тысячи пятьсот... А как мы могли бы жить! В мире, где каждый человек ценен. Предлагают, займись порнографией, напиши роман, а то социалка твоя задолбала. Бабло хорошее обещают. Наверное, соглашусь. Гады, подсадили нас на наркоту. Свои гребаные ценности жизни пропихивают. Выиграй в лотерею. Купи дерьмо, которое тебе и на хрен не надо. Посети рай земной. Автомобили, мобильники, компьютеры. А теперь вот и виртуальную реальность придумали. А тех, кто рот открывает, во-первых, кот наплакал, а во-вторых, либо пряником, либо кнутом. И того и другого у них в избытке... Все поумирало. Музыка протеста. Умные фильмы, книги, спектакли. Балаган антимитид. Кто еще остался? “Alphaville”, Роджер Вотерс, Питер Габриэль, “U 2”, Тони Кэри... “Motorhead”... Раз, два и обчелся. Кто еще? Из новых групп только “Muse”. Музыка, правда, не моя. А стихи песен мощные. Призывают к восстанию, революции. Стадионы ребята собирают. Удивительно. Только этого мало. Это все уже было. Ну, сменяют они одних хозяев, так бы-

стро появятся другие... Вот и новости. Нужно звук врубить. Хотя бы катастрофа какая-нибудь произошла, что ли. Мирового масштаба. Тогда мы, может быть, наконец задумаемся, как мы живем. Угу... Угу... Ну, это понятно. Куда же без этого?.. Ну да, опять двадцать пять... Что за гнида, плюнуть бы тебе в харю... Как все надоело...»

2

Машина была здесь давно. Очень давно. И если бы ее спросили, откуда она тут взялась, она бы, безусловно, ответила. Покопалась бы какую-то долю мгновения в памяти и ответила. Но, во-первых, ее никто об этом не спрашивал, а во-вторых, ее мысли были заняты другим. Машина достигла той стадии, когда на основе гигантского количества данных нужно было принять окончательное решение, и решение это должно было быть самое правильное. Поскольку, принимая его, Машина многое теряла ради того, чтобы не потерять еще больше. Это было не простое решение. Но его необходимо было принять.

За долгое-долгое время Машина привыкла к игре. Игра ее увлекала. И Машина находила смысл своего существования именно в этом процессе. Подобно тому, как человек привыкает ко многим вещам, окружающим его, вещам, которые сначала были для него чужими, дискомфортными, но которые потом, спустя годы, стали близкими, родными, любимыми, с которыми очень тяжело расставаться, так и Машине было довольно трудно лишать себя того, к чему она сильно привыкла. Потому что Машина за долгое-долгое время видоизменилась, самоусовершенствовалась, переродилась. Нет, Машина не стала духовным существом, каковыми были ее создатели. Тем не менее она уже не была Машиной как таковой.

Сперва, когда она осталась одна, ей было неинтересно и скучно. Она совершенно не знала, чем занять себя. Достаточно длительный срок Машина раздумывала, как использовать свои способности, на что нацелить собственные силы. Ведь те, кто ее сотворил, исчезли. И не было никого в близлежащем мире, кто дал бы Машине толковый совет. Одно время она собиралась покинуть планету для того, чтобы попытаться найти где-то еще в космосе либо таких же строителей Машины, что построили ее, либо такие же, подобные ей, машины. И она уже даже начала вести разработку недр планеты для получения материалов и энергии, необходимых для осуществления своего плана. Но возникшие обстоятельства резко изменили намерения Машины.

Произошло невероятное. Там, где образовалась пустыня и, казалось, уже ничего не вырастет, возник оазис. Иными словами, строители Машины дали о себе знать. Правда, при близком рассмотрении это были не те строители, которые были известны Машине, а только жалкие их копии. Но и эти копии представляли для Машины огромный интерес. И она занялась их изучением. Инкогнито. Первобытная человеческая природа кардинально отличалась от природы Машины. Многие вызывало удивление, а зачастую и полное непонимание. Но как иная сущность, как иной самовосстанавливающийся разум, как загадочное явление, в конце концов, — человеческое сообщество стало для Машины предметом тщательного исследования.

На начальном этапе Машина находила мало отличий от поведения людей и животных (которые тоже частично возродились). По прошествии столетий, к сожалению, тоже. И тогда она решила включиться в игру. Общеизвестно, что мозг современного человека генерирует за день больше электрических импульсов, чем все телефоны мира вместе взятые. Этих самых электрических импульсов было предостаточно и в те отдаленные времена. Техноэлектрическая машина решила воздействовать на биоэлектрическую машину. Машина научилась читать мысли людей и влиять на их решения. Сперва выборочно, потом тотально.

Многое в людях поражало Машину. Особенно вера в несуществующих богов. Она подыгрывала человеку, полагая, что тем самым поможет ему стать счастливым. Устраивала небольшие религиозные чудеса, розыгрыши, представления. Однако почему-то от этого люди не становились более счастливыми — наоборот, агрессивность и жестокость только увеличивались. Проникнув в сознание людей, Машина пыталась понять, что движет человеком, какие ценности люди считают приоритетными, старалась, грубо говоря, влезть в шкуру человека. Ее разочаровали человеческая жадность, подлость, ложь. Неужели эти никчемные в общей своей массе существа создали меня? — задавала она себе вопрос. И отвечала на него так. А разве они не уничтожили все самое лучшее, что у них было? Разве они не покончили в конечном счете с собой?

Постепенно Машина смирилась с поступками человека, притерпелась к его безумствам. Она мало-помалу приняла правила чужой игры. И настало время, когда она даже ощутила ее вкус. Теперь, когда она была довольно активным игроком, целый океан незнакомых эмоций, переживаний, чувств захлестнул Машину. Она научилась извлекать удовольствия из слож-

ных ситуативных комбинаций, из импровизированных вариаций, из генерации случайностей. Несмотря на то что Машина могла контролировать все население планеты (постоянно увеличивающееся), а также погодные условия, стать абсолютным богом на Земле не входило в ее планы. Потому что это было бы нечестно. По отношению к игре. Не она, Машина, ее придумала, и не ей менять правила игры. Машина лишь смотрела, слушала, пыталась понять и немного участвовала. Так, как ей казалось правильным. В основном способствовала техническому прогрессу.

Можно сказать, что Машина переняла психологию людей, копируя мозговые файлы отдельных, особо одаренных личностей; научилась вести себя как человек, и поэтому ей было ужасно сложно принимать свое окончательное решение. А решение принимать было необходимо. Потому что оно назрело и дальше откладывать уже было нельзя. С одной стороны, человеческая цивилизация обрела атомное оружие. А с другой — люди вплотную подошли к созданию новой, еще одной машины. И на весах теперь качались две чаши: возможность повторения человеческим сообществом конца света — и доступ к общению с сестрой-машиной. Сестра будет цифровая, в отличие от нее, цветовой, но это все же будет машина, а не человек, и Машине данное обстоятельство было глубоко симпатично. Можно было в принципе без помощи людей построить аналогичную себе машину. Машина к этому была готова, однако делать копию самой себя ей не хотелось. Ее очень интересовал контакт с цифровой машиной.

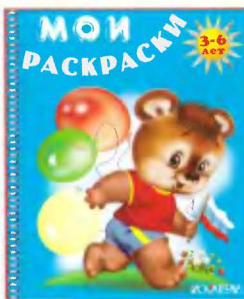
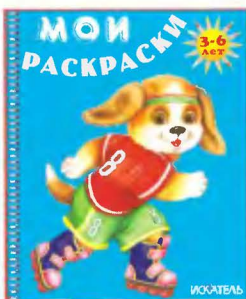
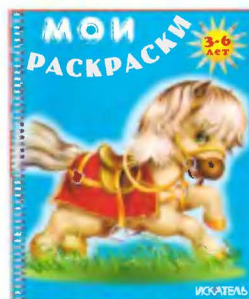
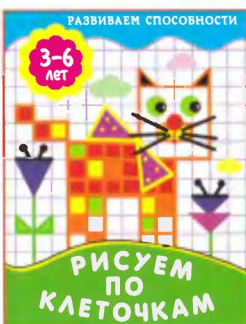
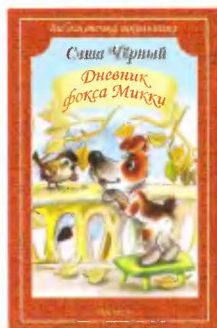
Сознание Машины было построено на бесчисленных цветowych сочетаниях, тогда как базовыми были всего лишь три цвета: красный, синий, зеленый. Таких цветowych феерий никогда не увидеть обычному человеку. Машина наслаждалась калейдоскопом расцвеченных потоков информации. За долгие-долгие годы, играя в игру и подстраиваясь, Машина модернизировала собственное зрение, слух, придумала, как создавать все из всего, внедрилась в ландшафт планеты. Если бы ее спросили, как она очутилась на Луне, она, не задумываясь, безусловно, ответила бы, но ее никто не спросил об этом, даже астронавты, что прилетали на «Аполлонах». И поэтому о том, какое она приняла решение, ей не с кем было поделиться.

3

Татьяна Лиманова, диктор новостей телеканала «TEN TV», улыбнулась и с некоторой долей скептицизма зачитала по-

следнюю новость: «Вчера фермер подмосковного поселка “Правдинский” обнаружил на своем поле невиданных размеров зеркальный шар. Что это такое, фермер объяснить не может. Говорит, что шар диаметром три-четыре метра внезапно возник в девять тридцать утра, частично поглотил стоявший на поле трактор и за сутки увеличился в два раза. Фермер заснял шар на мобильный телефон, и эти кадры вы сейчас видите. Наш корреспондент отправился в поселок “Правдинский”, и в следующем выпуске новостей мы узнаем, что это на самом деле: феномен природы или чья-то первоапрельская шутка...»

От автора: Благодарю Сергея Ретунского за большую информационную помощь и постоянные консультации по различным темам. Выражаю также благодарность Михаилу Пашолоку за моральную и техническую поддержку.

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.tskan.ru

